

АНТЕНОРОВЫ
ПУТЕШЕСТВІЯ.

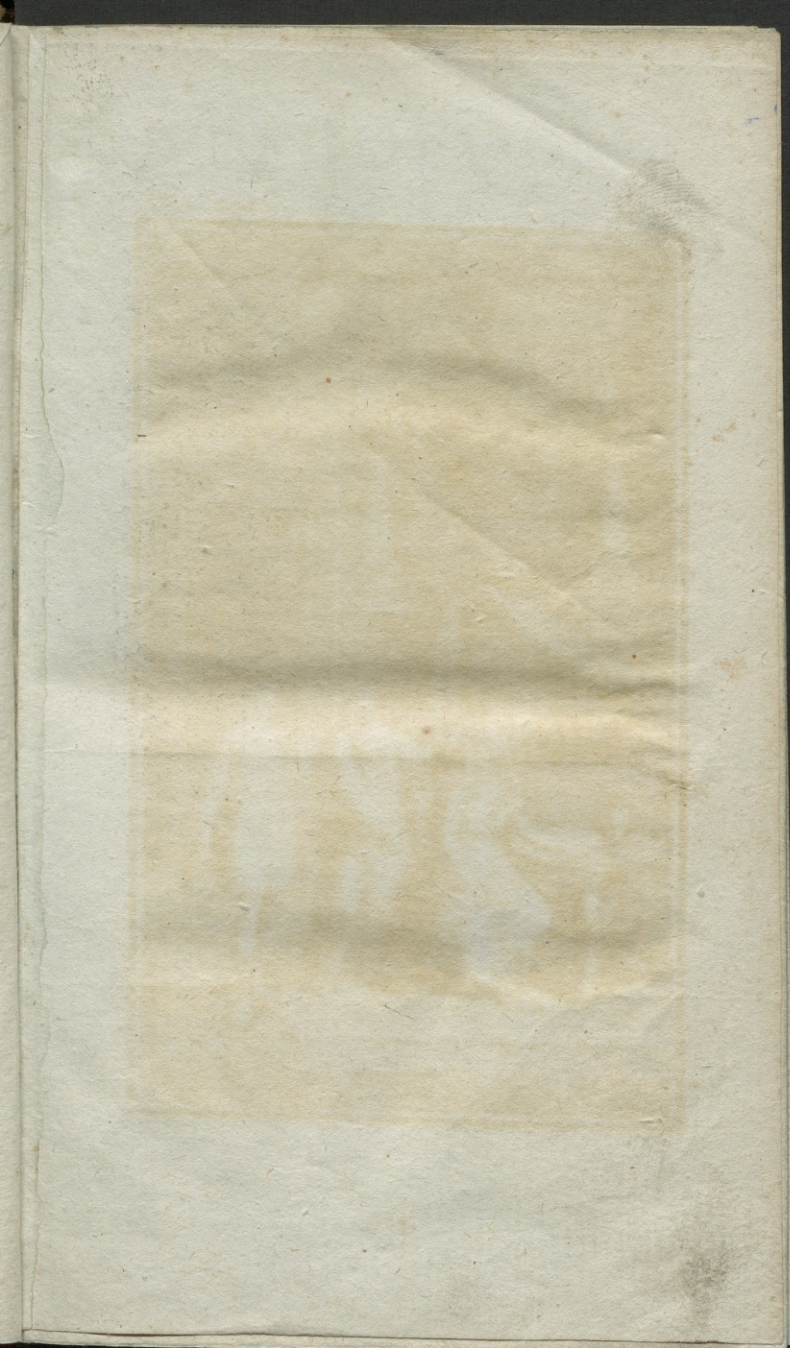
ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского

Шмь 4288

Редкие
книги

1351

АНТЕНОРОВЫ 91(38)

ПУТЕШЕСТВІЯ A-72

ПО

ГРЕЦІИ и АЗІИ,

СЪ

ПРИБАВЛЕНІЕМЪ РАЗНЫХЪ ИЗВЪСТІЙ

Е Г И П Т Ъ.

ГРЕЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ,
найденная въ Геркуланѣ, и переве-
денная на Французскій языкъ

Г. ЛАНТЬЕ.

СЪ ПЯТЬЮ КАРТИНКАМИ.

Переводъ съ Французскаго
Петра Макарова.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ. ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1822.

№ 1936 198420-1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ. Санктпетербургъ, 1819 года, Марта 7 дня.

*Исправляющій должность Цензора
Ординарный Профессоръ Яковъ Толмачевъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Главы.	Стран.
1. Уединенное гулянье	9
2. Ув селищельное плаваніе. Тоня. Разговоры.	12
3. Описаніе острова Дружбы, сто- ловой палаты и шрехъ ея спашуй.	22
4. Жизнь Анакреона.	27
5. Жизнь Ибика.	31
6. Жизнь Аполлонида	38
7. Фаноръ влюбляешся. Разговоръ его съ Аншеноромъ. Травля пшиць.	55
8. Слѣдствіе Фаноровой любви. . .	59
9. Завшракъ. Философическія раз- сужденія. Маленькое путешес- ствіе.	66
10. Свиданіе Аншенора съ Теофаніею чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ бышно- сти его у Біона	72
11. Описаніе города Дельфъ и его славнаго храма. Объ Оракулѣ. Чу- деса. Повѣсти.	79
12. Письмо отъ Ласееніи	96
13. Путешествіе въ Спаршу. Про- ѣздомъ живущъ въ Давлисъ и Коринѣ. Діанинъ праздникъ. Встрѣча на кораблѣ съ Діагоромъ. Прибытіе въ Эпидавръ и всшуп- леніе въ Лаконію.	107

14. Перепущье у старушки. Ея нравы и образъ жизни. Повѣсть объ Алкандрѣ. 128
15. Описаніе Спаршы. Одежда. Нравы. Гимназія. Общественная трапеза. Кража. 140
16. Приключеніе въ Діаниномъ храмѣ. Подвиги молодыхъ людей. Обряды при разрѣшеніи женщинъ отъ бремени. Славные свочки. Анекдоты. 155
17. Обзорѣніе Лаконіи. Встрѣча. Спашуя Сшыдливости. 165
18. Измѣна и смерть Павзаніева. Діанинъ праздникъ. Бичеваніе дѣшей. Забавный случай съ Аншеноромъ. 173
19. Письмо отъ Ласееніи. Болѣзнь Арисшиппова. Каншама. . . . 190
20. Бесѣды Арисшипповы съ Эвдоксіемъ и Анаксимандромъ. О Египетскомъ богослуженіи. О нравахъ Египтянъ. 198
21. Любовный Арисшипповъ анекдотъ. Депутація къ нему отъ Академіи и Лицея 204
22. Разговоръ Арисшиппа съ Ласееніею. Повѣствованія Евдоксіевы. О Псиллахъ. Путешествіе на богомолье въ Бубастъ. О священной кошкѣ. О крокодилахъ. Смерть Арисшиппова. 215

Главы.

Стран.

23. О бoгaxъ и нравахъ Египтянъ.
Исторія Никія. О кольцѣ Поли-
кратовомъ 227
24. Продолженіе Никіевой исторіи.
О Иниціаціи въ Египтѣ. Объ Ор-
фѣѣ. 256
25. Продолженіе обрядовъ Иниціаціи.
Смерть Бохориса и судъ надъ
нимъ. Окончаніе Никіевой исторіи. 273
26. Гимнопедія, или пляска нагихъ
людей. Избіеніе Илошовъ. Ночная
церемонія. Забавное Фанорово
мщеніе. Побѣгъ его съ Аншено-
ромъ изъ Спаршы. 312
27. Путешествіе въ Аргосъ. Подроб-
ности о Микенѣ. Разговоръ съ
Хризиппомъ Стоикомъ. Быш-
ность въ Дидосѣ. Исторія Ла-
пионы. Островъ Скиросъ, Хіо и
Самосъ. 327
28. Прибытіе въ Ефесъ. Діанинъ
храмъ. Проказы Эраклишовы. . 344
29. Описаніе Милеша. Фаноръ влюб-
ляется. Побѣгъ его съ Аншено-
ромъ. Пребываніе ихъ у Фили-
сса 348
30. Фаноръ рассказываетъ приклю-
ченіе свое въ Милитѣ. 366
31. Фанорово намѣреніе удалиться
въ пушыню. Планъ будущей его
жизни. Прибытіе въ Родосъ. . 374

VIII Оглавление II Части.

Главы.

Стран.

32. Описание сего города и Колосса.
Нравы жителей. Фанорова новое
волокишство. Скоропостижный
отбѣздъ Буря. Прибышіе въ Си-
донъ. Описание горы Ливанской. 378
33. Обѣдъ на берегахъ Евфрата у
земледѣльцевъ Повѣствованія и
приключенія деревенскаго Нес-
шора. 391
-

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ГРЕЦІИ И АЗІИ.

ГЛАВА I.

Уединенное гулянье.

Я всталъ, какъ скоро разсвѣло, и пошелъ по владѣнію нашего хозяина. Я любовался его рощами, разнообразными пригорками, изобиліемъ и чистотою воды, безмолвіемъ и восхитительною тишиною сего уединенія. Скипавшись довольно времени, возшелъ я на крутой, высокой холмъ, опѣненный однимъ большимъ деревомъ, коего длинныя, многолиственные вѣтви простирались на великую окружность. Я сѣлъ подъ тѣнью его: опшуда представились взору моему вдали пространные луга, густые виноградники, волы, раздирающіе шиховлекомымъ плугомъ нѣдра земли, и

Антен. Т. II.

А

многочисленныя спада; я видѣлъ гладкую и прозрачную поверхность озера, которыми оканчивались Біоновы сады; слѣдовалъ глазами по всѣмъ излучинамъ зеленыхъ береговъ его; смотрѣлъ съ чувствованіемъ соучастія на здороваго и крѣпкаго земледѣльца, какъ онъ, сожженъ солнечными лучами, нечувствителенъ къ жестокости стихій, неумолимъ, управлялъ тяжелымъ своимъ ораломъ. Тогда сладкая задумчивость восхищала меня въ другую сферу; тогда воздухъ, которымъ я дышалъ, сдѣлался чище, рѣже; забываю землю; мысль моя паритъ къ жилищу божества; вижу сего несозданнаго Творца, устроивающаго вещество, Ему совѣчное, но неспройное, необразованное; лучъ Его существа одушевляетъ оное, и вещество мыслитъ, получаетъ понятія, чувствованія, желанія, волю; сей лучъ, соединясь съ малою частичкою праха, образуетъ тварь, которая живетъ одно мгновеніе, потомъ разрушается; вещество оспаетъ, душа вновь преселяется въ лоно вышняго Бога; но связь испреблена, нѣтъ уже слова Я. О смертный! споя у самыхъ вратъ ничтожества, почто и чѣмъ

гордишься? Сіи размышленія, подобно густымъ облакамъ, копорыя давящъ атмосферу, омрачали горестію мою душу. По щасію, воспоминаніе объ Ласфеніи обрашило мысль мою на предметы, не споль прискорбные: нѣжная меланхолія заняла мое сердце, и наполнила его уныніемъ тихимъ и любезнымъ; уныніемъ, съ копорымъ никакія движенія радости не могушъ поравняшъся. Я гулялъ съ нею по по берегамъ Илмиса, по по берегамъ Цефизы; воспоминалъ пошъ спокрашно блаженный день, когда любовь упоила меня въ храмъ Флоры всѣми своими сладостями; попомъ обращалъ къ несчастной минушъ нашей разлуки, къ печальному и послѣднему нашему прощанію; слезы орошали лице мое.

Я погруженъ былъ въ сіи мысли, подобныя сновидѣнію, какъ одинъ невольникъ пришелъ сказаъ, что меня ожидаютъ завпракашъ. Нашъ завпракъ былъ завпракъ простыхъ пасырей: онъ состоялъ изъ молока, меду и плодовъ. Послѣ завпрака Біонъ предложилъ намъ иппи воеваъ съ рыбами его озера. Лакидъ предсказалъ ему, что очень жарко. «Какой вздоръ, опвѣчалъ Біонъ. Вообрази,

что эпомѣ жарѣ не иное что, какѣ обманѣ чувствѣ; у Скептиковѣ во-
ображеніе всегда въ ихѣ власпи.
Впрочемѣ общаю вамѣ западный вѣ-
терѣ, котораго благодѣтельное ды-
ханіе умѣришѣ полдневный зной. Ты
знаешѣ, что спихотворцы распола-
гаютѣ зефирами по своей волѣ; да
и какѣ бышѣ иначе: они всегда ихѣ
воспѣвають!» Въ самомѣ дѣлѣ, по-
слухныи зефирѣ дулѣ во все время
нашего плаванія. Сверхѣ того багря-
ный наметѣ покрывалѣ нашу лодку
и отражалѣ солнечные лучи.

ГЛАВА II.

*Увеселительное плаваніе. Тоня, раз-
говоры.*

Сперва, для обозрѣнія мѣстополо-
женій, мы держались края; глаза на-
ши не могли насыпшиться, смопрѣ на
миловидную зелень береговѣ, на вы-
сокіе попопы, на ивы и кусточки,
которыми они были опѣнены. «Эта
декорація, сказалѣ намѣ Біонѣ, моей
работы. Сорокѣ лѣтѣ, какѣ деревья
мною посажены. Я всегда любилѣ по-
ле и покойную сельскую жизнь. Какѣ
скоро эша дача пришла въ мои руки,

то я переѣхалъ сюда въ намѣреніи
занявшись украшеніемъ ея, и препро-
водишь здѣсь большую часть жизни
моей. Первое исполнено. Я садилъ,
спроилъ, передѣлывалъ, работалъ
самъ съ величайшею прилѣжностію;
но ни голова моя, ни сердце не до-
вольно еще были зрѣлы, чѣмбъ могъ
я долго прожить въ уединеніи. Чѣмбъ
возлюбилъ его, не довольно умствен-
ной философіи, которую почишаю
самою послѣднею; надобно бытъ фи-
лософомъ въ душѣ своей, надобно
умѣть жить съ самимъ собою. Чес-
толюбіе, безпокойство духа, любовь
къ забавамъ извлекли меня изъ тиха-
го моего пристанища. Случалось мнѣ
иногда пріѣзжать сюда отдохнувшъ
отъ суевъ, собраться съ мыслями,
успокоить, прохладить свою душу;
но никогда не оставался я здѣсь дол-
го, никогда не имѣлъ силъ разорвать
своихъ оковъ. Наконецъ, проведя еще
38 лѣтъ въ заблужденіяхъ и безпре-
сшанномъ волненіи, научился я на-
слаждаться своими рощами, друже-
скою ихъ тѣнію и спокойствіемъ,
которое всего дороже. Самый благо-
получный періодъ жизни моей теперь.
Кто бы повѣрилъ, что въ семдесятъ
лѣтъ отъ роду можно бытъ щастли-

вымъ! Весна жизни не время для щасія; въ этомъ возрастѣ слишкомъ много спрасшей, слишкомъ много нуждъ: неоспоримо, что тогда чувствва поше, что наслажденія, если можно такъ сказать, праше; но они почти всегда влекутъ за собою перзательныя заботы, а иногда и грызущее раскаяніе. Благо-разумный и просвѣщенный спарецъ, копорый успѣлъ запасшсь хорошимъ о себѣ мнѣніемъ людей, копорого здоровье и силы шолько что ослаблены, а не испреблены, созидаетъ себѣ удовольствія ничемъ не омраченныя, удовольствія покойныя и соразмѣрныя его нуждамъ: онъ все взвѣсилъ, позналъ цѣну всему. Тщеславіе, ложныя забавы, предразсудки, все что обольщаетъ, все что мучитъ человека, не нарушаетъ уже благоденствія мирной и спокойной души его. Вы скажете мнѣ, что спарикъ ближе къ предѣлу земнаго своего шеченія, и что эта мысль должна огорчать его душу, и возмущать всѣ его удовольствія. Въ опившъ расскажу вамъ анекдотъ объ одномъ изъ нашихъ мудрецовъ. Онъ возвращался изъ пушешествія во всей крѣпости силъ своихъ и въ самомъ лучшемъ

здоровьѣ; въ нѣсколькихъ уже спадіяхъ онѣ дому своего вспомнилъ, что забылъ одну спашью въ своей духовной, пошчасѣ сошелъ съ лошади и написалъ на дощечкахъ своихъ (*) послѣднюю свою волю. Онѣ боялся, чтобъ смерть не застигла его на пуши. Изъ этого заключаю, что опасаться смерти должно во всякомъ возрастѣ, или лучше сказать, надлежитъ быть къ ней готову, и сморѣвъ на нее спокойно и равнодушно.

Разговаривая такимъ образомъ, доплыли мы до середины озера; окружность его шестнадцать спадій, а ширина около двѣнадцати. Біонѣ велѣлъ гребцамъ положить весла, и сказалъ: «хочу повеселилъ васъ такимъ зрѣлищемъ, какого вы конечно не видали.» Тогда попросилъ онѣ Теофа-

(*) Записныя книжки (или сувениры) Грековъ состояли изъ деревянныхъ, очень тонкихъ дощечекъ, наведенныхъ воскомъ. Писали на нихъ стилемъ или прутикомъ мѣднымъ, желѣзнымъ, или золотымъ, съ одного конца тупымъ, а съ другаго острымъ. Плоскимъ концемъ изглаживали написанное. Греки носили на поясѣ фушляръ, называемый *графіарулъ*, въ которомъ лежали дощечка и стилъ.

нію, чѣмъ она заиграла на своей цимбѣ, и мы съ пріятнымъ удивленіемъ увидѣли, что рыбы начали всѣ стекаться, толпиться и плескаться около нашей лодки; казалось, что согласные звуки сей музыки вложили въ нихъ душу. Мы не пропустили случая уподобить Теофанію славному Аріону, который привлекалъ всѣхъ дельфиновъ къ своему кораблю; но совѣщавали ей однакожъ не подражать его примѣру и не кидашься въ озеро, гдѣ не было рыбъ такой величины, чѣмъ перенести ее на берегъ. Красавица наша никакъ не хотѣла позволить въ ту мину закинуть неводъ. «Эта была бы самая подлая измѣна, говорила она, дасть праздникъ бѣднымъ животнымъ, привлечь ихъ прелестію для того, чѣмъ умершвишь.» Мы продолжали наше плаваніе и пробѣжали мимо одного маленькаго острова. «Вотъ, сказалъ намъ Біонъ, островъ Дружбы. Эта большая низкая хижина, неправильной фигуры, покрытая соломой, будетъ сегодня нашею споловою; она конечно покажется вамъ недостоюною вашего посѣщенія; но мнѣ надобно иногда вспоминать, что я только простой пасхухъ.»

Мы попросили сего пиипа-фило-
софа, чшобѣ онѣ сдѣлалѣ намѣ одол-
женіе, прочелѣ нѣкошорыя изѣ его
идиллій. «Я васѣ удовольствую, оп-
вѣчалѣ онѣ, и шѣмѣ охопнѣе, что не
мое швореніе вы услышите, но шво-
реніе Анакреона и Теоκριста, слышья
вмѣстѣ: оба обрабошывали одно со-
держаніе, оба опмичились одинѣ
предѣ другимѣ, и чшо у одного естѣ
хорошаго, шого недоспаешѣ другому.
Я соединилѣ ихѣ вѣ одно. Между
шѣмѣ мы поплывемѣ легонько, безѣ
шуму, и если можно, вѣ такой пи-
шинѣ, какѣ плаваешѣ раковина пре-
красной Амфипришѣ, когда она браз-
дишѣ поверхноспѣ жидкой ея имперіи.

Однажды злая пгела цжалила Ку-
пидона, который похищалѣ медѣ изѣ
ея цлѣя. Маленькой божокѣ погущство-
вавѣ боль вѣ пальцѣ, нагалѣ дуть сѣ
ручку, топать ногою и отлетѣлѣ кѣ
прекрасной Цитерѣ. Матцшка, кри-
галѣ онѣ, матцшка, я погибѣ! я цми-
раю! Маленькой крылатой змѣй, ко-
тораго земледѣльцы называютѣ пге-
лою, поранилѣ меня своимѣ жалоѣ.
Венера цлыбцѣ и сказала ему:
развѣ ты не цможѣ на пгелѣ цмѣлѣ

М. В. Г. Билинського
г. Свердловск

198420.

ты малъ , и какъ велики раны , которыя ты дѣлаешь.

Сія идиллія столько намъ понравилась, что мы просили Біона повторить ее. Гребцы переспали дѣйствовать веслами и слушали также внимательно, какъ и мы. Когда Біонъ кончилъ, то мы ему сказали: «вы угостили насъ превкусными плодами; но они не вашего сада; а намъ извѣстно, что въ саду вашемъ родятся такіе, которые ничѣмъ не хуже, и великой имѣемъ на нихъ аппетитъ. — Сколько вы меня ни хвалите, опивчалъ сей любезный шарикъ, но я умѣю себя цѣнить; знаю, что съ Анакреономъ и Феокрипомъ ничто не можетъ поравняться; ничто не достигнетъ той милой простоты и нѣжныхъ пріятностей, какими отличаются всѣ ихъ шворенія. Сія два цѣппа неподражаемы; они подлинно Аполлоновы дѣти. Если я дерзаю выступить на сцену послѣ ихъ, то это доказываетъ и желаніе мое вамъ угодить, и мое несамолюбіе. Я выберу лучшую изъ своихъ идиллій: гостей надобно поощрять хорошенько.

И ДИЛЛІЯ.

АХИЛЛЪ и ДЕЙДАМІЯ.

Мирсонъ.

Хочешь ли пѣть, о Ликидасъ, пѣснь пріятную, сладкозвучную, пѣснь достойную вниманія Аполлона или любезной Галатеи?

Ликидасъ.

Охотно. Какое содержаніе находишь ты пріятнымъ?

Мирсонъ.

Воспой намъ пѣснь Скиросскую; побѣдай пламенную любовь Пелеева сына, и его страхи, и его удовольствія, и его тайныя ласки, когда онъ въ одеждѣ юной дѣвы пребывалъ при Ликомедовомъ дворѣ. Скажи, какъ прекрасная Дейдамія воспламенила сего младаго ироя, какъ она заставила его забыть о славѣ, и провождать дни свои въ безбизѣстности.

Ликидасъ.

Нѣкогда пастухъ похитилъ Елену, и привелъ ее на гору Иду. Спарта, раздраженная сею обидою, призвала ко мщенію всѣ племена Ахейскія.

Жители Мицены, Элиды, Лаконіи, потекли кѣ оружію. Опустошеніе, пожаръ и смерть шествовали предъ ними. Между тѣмъ Ахиллъ, укрываясь въ Ликомедовыхъ тертогахъ, вооруженный вертенимъ, въ сонмъ младыхъ Царевнъ обузгался прясль. Цвѣты юности и красоты блистали на его лицѣ; тонкая сѣтка покрывала его прекрасные власы; онъ имѣлъ походку и нѣжнотомный видъ Нимфы Кипридына двора, но въ сердцѣ своемъ вмѣщалъ мужество Марса и любовь Ироя. Онъ обожалъ Дейдамію. Заря находила его у ногъ ея; ногъ застава-ла въ томъ же положеніи. Онъ покрывалъ огненными поцѣлцями алебастровою ея руку, и орошалъ сладострастными слезами. Дейдамія концемъ своего покрывала отирала прекрасные глаза любезнаго. Когда они разставались, то клялись увидѣться опять, а увидясь, клялись не разставаться никогда. Часто держалъ онъ ее въ своихъ объятіяхъ, прижималъ нѣжно грудь ея къ своей груди; тогда огонь любви румянилъ лице его и блисталъ въ его взгледахъ; а Дейдамія, обманутая побужденіемъ Природы, думая, что вкушаетъ единственно пріятности сладкаго дружества, кра-

енѣла, но предавалась восторгамъ своимъ безъ всякой осторожности. Щастливый Ахиллѣ достигъ уже послѣднихъ границъ любовныхъ удовольствій, а любовница его и тогда еще, можетъ быть, не сомнѣвалась въ своей невинности.

Восхищены сею идилліею, мы всѣ хвалили ее наперерывѣ. Біонъ, будучи не охотникъ до похвалъ и ѳиміама, велѣлъ закинуть неводъ, и шоня была очень щаслива: мы не примѣтили, какъ часы прошекли. Но попечительный хозяинъ напомнилъ намъ, что солнце начинаетъ опускаться, и что обѣдъ насъ ожидаетъ. Сіе извѣстіе принято съ великою радостію. Онъ предложилъ намъ выкупаться у берега. «Вы найдете, примолвилъ онъ, убѣжища очень пріятныя.» Мы согласились, и потчасъ гребцы насъ туда привезли.

Купальни устроены были въ маленькихъ заливахъ, излучинами берега произведенныхъ; бока и дно выложены были мраморомъ; сводъ изъ густыхъ древесныхъ вѣтвей покрывалъ ихъ непроницаемою тѣнью; цѣломудренная Діана могла бы тамъ обнажиться не краснѣя, не опасаясь взоровъ Акхеона. Каждый изъ насъ

укрылся въ одно изъ сихъ роскошью
угошованныхъ убѣжищъ; и между
пѣмъ, какъ я нѣжилъ свои чувства
въ прозрачной водѣ, тысяча разныхъ
пшичекъ забавляли меня пріятнѣй-
шимъ пѣніемъ.

Съ прискорбіемъ оставилъ я сіе
прелестное мѣсто. Невольникъ при-
несъ мнѣ масло, благовонія и одежду
блистательной бѣлизны. Біонъ и Ла-
кидъ подбѣхали взять меня въ лодку.
Мимовѣдомъ приняли мы Фанора,
попомъ Теофанію, и направили путь
свой къ оспрову Дружбы.

Г Л А В А III.

*Описаніе острова Дружбы, столовой
палаты и трехъ ея статуй.*

Сей оспровъ представлялъ зрѣнію
безплодную, необработанную на-
шуру во всей ея грубости; дикій
злакъ, прозябающій безъ всякаго воз-
дѣлыванія, и нѣсколько сосенъ, воз-
вышающихся изъ разсѣлинъ кремни-
стыхъ горъ, были единныя расшѣнія,
копорыя шамъ были видимы; козы
щипали праву рѣдкую, но вкусную;
по берегу ходили гуси и ушки; хи-
жина, прислоненная къ огромной

скалъ, занимала средоточіе. «Вижу, сказалъ Біонъ, что это мѣсто не прельщаетъ васъ; но въ забавахъ и въ видахъ, равно какъ и въ карпинахъ, равно какъ и въ произведеніяхъ разума, пошребны контрасты (прошвиоволожноспи). Завпра сады и роши мои покажущся вамъ вдвое пріятнѣе; сегодня прошу не возгнущашься сельскимъ обѣдомъ въ этой бѣдной лачущкѣ.» Я вошелъ первый, а за мною Біонъ съ Фаноромъ. Нѣсколько минушъ пробыли мы въ шемношъ; послѣ чего невольники, по знаку господина своего, вдругъ открыли ставни, и мы очутились въ великолѣпной и нѣжно освѣщенной храминѣ, гдѣ прохладный и благоухающій воздухъ услаждалъ чувства. Слова ошъ удивленія замерли на устахъ моихъ. Біонъ ушѣшался нашимъ воспоргомъ. Наконецъ я сказалъ ему: «какою волшебною силою сдѣлали вы такое чудо, которое одинъ только громодержецъ могъ сдѣлать для Бавкиды и Филемона, и преврапили жилище нищеты въ пышный храмъ, пошому что это конечно храмъ Дружбы? По большей части, мой другъ, чудеса шворяшся средствами самыми проспыми:

для произведенія превращенія, которое васъ удивляетъ, надобно было только во время открытїи спавни.»

Храмина раздѣлена была на двѣ неравныя части: верхъ, опертый о скалу, составлялъ правильный чешвероугольникъ; низъ, гораздо пространнѣе, былъ круглопродолговатаго вида; при алебастровыхъ спашуи, высокою по пяти футовъ, стояли на тумбахъ у передней стѣны чешвероугольника; кругомъ уступы обременены были вазами и ящиками съ цвѣтами; желѣзная позолоченная рѣшетка, высокою по локоть, раздѣляла сіи двѣ части; другая обнесена была колоннами изъ бѣлаго и зеленого мрамора; промежутки между колоннами заслонены были подвижными рѣшетками. Плафонъ представлялъ прекрасную картину: изображена была Теофанія въ видѣ Авроры, въ вѣнѣ изъ розъ и ясиновъ, лепящая быстро на своей колесницѣ по свѣтлому воздуху; блистающее свѣжестью и веселостью лице ея возвыщало смертнымъ день прекрасный; часы на пурпуровыхъ и лазуревыхъ крыльяхъ, сыпя цвѣты изъ полныхъ корзинъ, окружали ея колесницу;

множесство разноцвѣтныхъ пщицъ
лешали, вились, плавали вокругъ ее.
Казалось, что слышно радостное
ихъ пѣніе и восторги нѣжной любви,
и зришель принималъ участіе въ ихъ
благополучіи.

Сполъ былъ гошовъ и отвѣчалъ со-
вершенно красотою храмины. Между
блюдъ поставлены были кристаль-
ные сосуды съ цвѣтами. Подали намъ
черепокожныхъ, пщицъ и рыбъ са-
мыхъ рѣдкихъ. Лучшія вина, какія
произрастаетъ Кипръ, Лесбосъ и Хіо,
не были пощажены — вина, кото-
рыхъ и самые Сампраны роскошной
Іоніи на великолѣпныхъ пирахъ сво-
ихъ не имѣютъ превосходице.

Послѣ первой ноши спросилъ я Бі-
она о именахъ особъ, которыхъ спа-
шуи представляли. Ахъ! отвѣчалъ
онъ, вздохнувъ изъ глубины серд-
ца, ты видишь изображеніе прехъ
искреннѣйшихъ друзей, которыхъ
я имѣлъ нещасіе потерять. Вотъ
участъ всякаго, кто живетъ долго:
онъ видитъ все гибнущимъ вокругъ
его, и не имѣя больше узъ, кото-
рыя бы привязывали его къ свѣту,
остаётся одинъ во вселенной. По-
щасію Теофанія, какъ ясное, пи-
хое солнышко сыплетъ еще на уга-

сающіе дни мои нѣсколько пипашельныхъ лучей, и украшаешъ вечеръ моей жизни.

Спашуя, копорая имѣешъ въ одной рукѣ лиру, а другою поддерживаешъ маленькаго Купидона, ешъ изображение Тійскаго пиша, мудраго и сладоспраспнаго Анакреона, учишеля моего и друга, хопя онѣ былѣ спарѣ меня двадцашью годами; ему одолженѣ я искусствомѣ слагашъ спихи, скрыватьшъ шрудѣ, копорого онѣ спюили, и украшаешъ нерадивостѣ прелестью чувспвованія. Щасшливѣ бы я былѣ, если бы могѣ заняшъ хотя нѣсколько шой милой проспопы, шѣхѣ пріяшностей, копорыми опличаюпся его шворенія. Безсмершныя его пѣсни, дщери удовольствія и воображенія, дышашъ нѣгою и веселостію. Спашуя, свѣ флейшою въ рукѣ и ягненкомѣ у ногѣ, представляешъ Ибика, пѣвца паспушей жизни, авшора премобезнаго; узы дружбы нашей были самыя шѣсныя: молоды и соединены одинакими склонностями, мы жили въ нѣдрѣ безпечности, помышляя больше о забавахѣ и ученіи, нежели о спяжаніи сокровищѣ. Средняя спашуя, копорая размышляешъ и улыбаешая, поришешъ Аполлонида

Косскаго. И онъ также, какъ Ибикъ, погибъ прагическою смертію. Несчастная ихъ кончина омрачила на долгое время жизнь мою гореспью и прауромъ. Время напослѣдокъ принесло мнѣ нѣсколько утѣшенія; но когда ихъ вижу, горькое воспоминаіе угнепаетъ еще мою душу. Я расскажу вамъ ихъ приключенія; люблю еще говорить объ нихъ, занимаюсь ими. Начнемъ съ Анакреона, котораго спокойный конецъ былъ ничто иное, какъ переходъ отъ жизни ко сну.

ГЛАВА IV.

Жизнь Анакреона.

Вы знаете, что Анакреонъ препровождалъ жизнь свою между виномъ и любовью; при умѣренномъ доспашкѣ былъ онъ весьма безкорыстенъ: два великія средства къ достиженію благополучія. Онъ жилъ долго въ Самосѣ у Поликрата, просвѣщеннаго покровителя художествъ. Этимъ Государь подарилъ ему пять паланшовъ. Анакреонъ, у котораго никогда не бывало такой суммы, не спалъ отъ него два дни; кончилось тѣмъ, что онъ возвратилъ Поли-

крашу дарѣ его, сказавъ : « я не люблю такихъ даровъ , которые возмущаютъ мое спокойствіе. »

Въ сорокъ чепыре года отъ роду оставилъ онъ Аѳины , и уединился въ сельское убѣжище у самой границы его опечесства. Домъ его стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ; видъ изъ него простирался на Эгейское море и окрестные острова. Тамъ-то нашъ пиитъ-философъ въ пріятной , въ сладкой , въ блаженной тишинѣ вкушалъ прелести природы всегда новыя , всегда возраждающіяся. Онъ упражнялся въ полевыхъ работахъ ; увѣнчанъ гроздами , первенствовалъ при собираніи винограда. « Уединеніе , говорилъ онъ , возвращаетъ человека къ самому себѣ и безпруднымъ забавамъ природы. Посреди общества предразсудки , должноти упомляютъ ; безпокойство , честолюбіе волнующъ , жмущъ со всѣхъ сторонъ ; но въ удаленіи отъ суеты душа дышетъ свободно , оживаетъ , наслаждается внутреннимъ чувствованіемъ своего бытія ; она , такъ сказавъ , слаба въ себя бремя чуждыхъ ей заботъ и всѣ мечты , подобно какъ вода оплывающаяся въ сосудъ и оставляющая шину , дѣлавшую ее мушною. »

Разсказывающъ объ этомъ наперсникъ Музъ и Граціи слѣдующій анекдотъ. Онъ отправился въ Тій съ маленькою собачкою и однимъ служилемъ, который несъ небольшой мѣшокъ денегъ. Служилель остановился на нѣсколько времени подъ однимъ кустомъ, и забылъ тамъ свой мѣшокъ. Ни онъ, ни господинъ его не замѣтили, что собака отъ нихъ отспала. Анакреонъ пробылъ довольно долгое время въ Тіѣ, не сокрушаясь ни мало объ утратѣ денегъ, но весьма сожалѣя о своей собачкѣ; наконецъ отправился въ обратный путь. Пробѣгая мимо того мѣста, гдѣ служилель останавливался, видя свою собачку, которая бѣжитъ къ нему, и спарается знаками привлечь его къ кусту. Тамъ нашелъ онъ свой мѣшокъ; несчастное животное хранило его вѣрно, и бывъ нѣсколько дней безъ пищи, издохло тотчасъ отъ изнуренія.

Всѣ черты этого любезнаго пиипа изображали чистосердечіе, тонкость, блаженное спокойствіе духа и нѣсколько важности. Огненные глаза его извѣляли нѣжность ума и склонность къ любви и наслажденію. Онъ имѣлъ душу благородную и

возвышенную, характеръ веселый и прелюбезный, воображеніе богашое и цвѣшущее. Будучи въ забавахъ своихъ всегда умѣренъ, онъ пѣлъ Вакха и Любовь, не предаваясь опьянѣлости. Его послѣдняя любовница, Цеа, была еще въ колыбелѣ, когда онъ, разгоряченъ виномъ, толкнулъ ее очень сильно и разругалъ; кормилица ея, въ досадѣ, просила боговъ, чѣмъ Цеа выросла такъ прекрасна, какъ Елена, и чѣмъ Анакреонъ, влюбясь въ нее спраспно, былъ несчастливѣе Менелая. Ея желаніе опчаспи совершилось. Анакреонъ, достигши осьмидесяти лѣтъ, вздыхалъ по прекрасной Цеѣ, и особливимъ покровишельствомъ Венеры или Любви умѣлъ понравиться, и былъ щасливъ.

Уже пяшь лѣтъ оканчивалъ онъ спокойно свое печеніе подлѣ ея; они сидѣли за ужиномъ съ пріятелями; Тійской піишъ пѣлъ голосомъ еще швердымъ любимую свою пѣсенку:

Жизнь тегетъ подобно быстрой колесницѣ; скоро мы будемъ не иное что, какъ малая горсть праха: на чтожъ напрасныя дѣлать изліянiя? Лучше окурите меня благовонiями.

пока я живъ еще; увѣщайте меня розами. Цца! любезная моя Цца! дай мнѣ два поцѣлуя.

По окончаніи пѣсни свѣмъ онъ нѣсколько изюминъ; онъ употреблялъ эту пищу для подкрѣпленія ослабѣвающихъ своихъ силъ; по несчастію зернушко оспановилось у него въ горлѣ и задушило его. Такая скорая и легкая смерть послѣ жизни долгой и преисполненной всѣхъ сладостей, почищается за особливую милость боговъ. Но прагическій конецъ Ибика вопіетъ, кажется, на ихъ неправосудіе, и дѣлаетъ раздаяніе благъ и золъ нерѣшимой задачею.

ГЛАВА V.

Жизнь Ибика.

Ибикъ былъ родомъ изъ Регія, города въ Большой Греціи. Музы конечно подарили его своею лирою; но онъ примѣръ тѣхъ предвизбранныхъ существъ, отъ коихъ благополучіе ущекаетъ, когда они думаютъ, что уже его поймали. Боровшись долго съ несчастіемъ, онъ влюбился

въ Нерейсу, молодую Аѳинянку, богатую наслѣдницу, дѣвушку украшенную всѣми пріятностями разума и вѣшняго вида. Ибикъ понравился и пріобрѣлъ взаимную склонность; но отецъ Нерейсы былъ настоящій Мидъ, болѣе чувствительный къ звуку залопа, нежели къ прелестямъ поэзіи: ни слезы, ни горесть, ни прозбы, ни жалостное состояніе здоровья дочери его не могли поколебать его скупости; онъ заперъ ее въ свой *гинекей* (гаремъ), и предложилъ ей бракъ съ Эвфориономъ, Аѳинскимъ Полемархомъ. Нерейса, чѣмъ досаживъ себѣ нѣсколько свободы и удовольствіе видѣвъ иногда своего любезнаго, припворилась на опцовское предложеніе согласною, но всегда находила предлоги для оплагательства: то видѣла она ласточку на дорогѣ, и позабывшись, прошла не брося на то мѣсто трехъ камешковъ; то кпо нибудь чихнулъ по лѣвую ея руку, или произнесъ слова худаго предвѣщанія; въ другое время одеревенѣлъ у нее мизинецъ, или чувствовала она звонъ въ ушахъ; однажды она вспрѣпилась съ мертвою, и хопя топчасъ пмонула, но впечатлѣнія страха еще

не прошли; въ эту ночь испугалъ ее сонъ; потомъ приносила жертву Юнонѣ, и жрецы объявили, что внутренности жертвы нездоровы и багроваго цвѣта. Опецъ ея хотя былъ суевѣренъ, какъ и всѣ Аѳиняне, однакожъ наконецъ потерялъ терпѣніе, и приказалъ своей дочери готовиться выйти за Эвфоріона чрезъ недѣлю. Любовники были въ опчаяніи. По счастью онъ чрезмѣрнаго гнѣва на одного невольника, который разбилъ сосудъ, скряга сей разстался на всегдашніе любезными его сокровищами. Ибикъ увидѣлъ зарю счастливыхъ дней; горизонтъ вокругъ его началъ украшаться; препящества исчезли; онъ спановился обладателемъ своей любезной и всего ея богатства.

За нѣсколько дней до свадьбы Нерейса послала его въ Оропъ для прошенія Амфіарая, бога сновидѣній, о ихъ супружествѣ, и для исцѣленія глазной боли, которая недавно ему приключилась. Храмъ этого бога находился въ двѣнадцати стадіяхъ отъ Оропа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, говорящъ, земля подъ нимъ разсѣлась и поглотила его и съ колесницею, когда онъ бѣжалъ изъ Фивъ. Подъ храма пропекаетъ ключъ,

Антен. Т. II.

В

копорый получилъ отъ него свое названіе; вода его не упопреляется ни на жерпвы, ни на очищенія; запрещено даже мышь ею руки: она служи́тъ единственно для врачеванія. Ибикъ прошеръ ею глаза, и по обыкновенію бросилъ нѣсколько денегъ; попомъ вошелъ во храмъ, очиспился, закололъ овна, послалъ кожу его на полъ и легъ на нее, чѣмбъ заснушь и увидѣшь сонъ, что и случилось; но жрецы располковали сонъ его въ худую спорону. Онъ презрѣлъ ихъ предвѣщаніе, и опсправился обратно въ Аѳины.

Онъ шелъ, по всегдашнему своему обыкновенію, пѣшкомъ, одинъ, и сочиная эпипаламу на свое бракосочетаніе. Психической энтузіазмъ овладѣлъ имъ до того, что онъ забылся, потерялъ дорогу и плушалъ весь день по полю, внѣ себя, упоенъ поэзією и любовью. Во время захожденія солнца примѣшилъ онъ свою ошибку: смотришь около себя, подобно человѣку, копорый приходишь въ чувство послѣ обморока, или возставъ отъ глубокаго сна; ищешь въ мысли своей, что онъ дѣлаешь, чего хочешь, гдѣ находишься, гдѣ спрانشвуешь; наконецъ вспомнилъ, что

идешъ въ Аѳины, не познаешъ своего пущи, и понимаешъ, что заблудился. Видишъ человека, который кажется ему пастухомъ, подходишъ къ нему и спрашиваешъ его о дорогѣ къ городу. «Дорога отсюда не близко; но если хочешь, то я тебя на нее выведу.» Ибикъ принялъ его предложение съ радостью, и общалъ ему награжденіе. Проводникъ ведетъ его чрезъ горы. Между тѣмъ начало шемнѣть. «Далеко ли намъ еще идти?» спросилъ Ибикъ. — Дорога почти предъ нами; но я вижу двухъ человекъ, которые мнѣ не нравятся; думаю по всему, что это люди не добрые. — Что нужды, добрые или не добрые! насъ также двое. — Когда ты такъ храбръ, то приготавлийся обороняться, потому что они идутъ прямо на насъ.» Несчастный мой другъ, неуспрашимый, какъ Тезей, приготовилъ свою палку, и гордо ожидаетъ убійцы. Проводникъ спавишился позади его и поражаетъ его кинжаломъ. Ибикъ обернулся и однимъ ударомъ палки свалилъ его на землю. Въ ту самую минуу другіе два злодѣя напали на него съ мечами. Онъ защищался долго съ опмѣнною храбросью; перешибъ руку

одному изъ нихъ, но другой пронзилъ его мечемъ. Мужеспивенный Ибикъ упалъ, и прежде нежели испустилъ духъ, призывалъ во свидѣтельство смерти своей стаю журавлей, кошорые тогда надъ нимъ пролептали. Кшо бы подумалъ, чшобъ такое свидѣтельство могло къ чему нибудь послужить? Но карасть злодѣянiе естъ первый долгъ боговъ.

Прошло шесть мѣсяцевъ, и не смотря на всѣ спаранiя найпи виновныхъ, убiйцы, закрышые непроницаемымъ покровомъ шайны, презирали мiценiе законовъ. Но въ одинъ день на Аѳинскомъ рынкѣ увидѣли они спадо журавлей. Одинъ изъ нихъ сказалъ смѣючись товарищамъ своимъ: «вотъ свидѣтели спихотворца Ибика.» Какъ молва о его смерти разпространилась по всему городу, то одна чепырнадапилашняя дѣвочка, услышавъ разбойниковы слова, и взявъ объ нихъ худое мнѣнiе съ ихъ лица, донесла о слышанномъ ею одному изъ Архоншовъ. По сему слабому подозрѣнiю они взяшы подѣспражу: замѣшательство ихъ и спушанность въ опвѣсахъ побудили судей преданъ ихъ пышкѣ. Несперпимость мукъ извлекла признанiе, и они при-

говорены кѣ низверженію вѣ Бараѣру (*).

Мы преклонили главы наши предѣ правосудіемъ боговѣ, кошорое вѣ семѣ случаѣ возблиспало шакими удивительными пушыми. — «Но кпо вобрашиѣ мнѣ любезнаго моего Ибика! вскричалѣ Біонѣ. О мой другѣ! кпо другой, кромѣ тебя, извлечешѣ звуки изѣ швоей флейшы! Какой смершный опважися приложишѣ уста кѣ швоимѣ свирѣлямѣ! Орудія пѣнія швоего помняшѣ еще о дыханіи, кошорое влагало вѣ нихѣ душу!»

Для прекращенія сихѣ печальныхѣ размышленій, попросили мы его, чшобѣ онѣ рассказалѣ намѣ исторію Аполлонидову. — «Разскажу; но лучи умирающаго солнца едва уже бѣляшѣ края горизонта; пусшимѣ эшу чашу Лесбосскаго вина вѣ честь Комусу; между шѣмѣ освѣщаяшѣ нашу хижину. Весперб! вскричалѣ онѣ, шы возвращаешь намѣ покой и веселіе, и показываешь время, вѣ кошорое наши чаши должны наливанься. Сѣ наспушленіемѣ швоимѣ спада шекутѣ вѣ клева; молодая паспушка прихо-

(*) Бараѣра была пропасть, вѣ кошорую низвергали прешупниковѣ.

дишѣ къ своей мапери , цѣлуешѣ ее и даешѣ ей опчешѣ о пасшѣ. О Весперб! ты соединяешѣ всѣ сущешва, копорыя заря разсѣяла! » Невольники зажгли множештво свѣпильниковѣ , опуспили рѣшешки, и мы очуспились въ опкрышомѣ сѣ прехѣ споронѣ периспишѣ. Озеро было у насѣ предѣ глазами ; мы смошрѣли на шихія зыби спокойныхѣ водѣ его , наслаждались прохладноспью воздуха и опраженіемѣ лунныхѣ лучей опѣ поверхности жидкаго криспала. Когда невольники вышли , Біонѣ началѣ свое повѣспшованіе.

Г Л А В А VI.

Жизнь Аполлона.

Сперва скажу вамѣ , какимѣ образомѣ началась наша дружба. Двадцати пяти лѣшѣ опѣ роду находился я въ Мегарѣ , во власпи бога Купидона. Обладашельница сердца моего , Никареша, была женшина умная; она слушала уроки въ школѣ премудраго Платона. Случилась мнѣ нужда опѣхашѣ въ Оивы; но спрасшѣ ускорила мое возвращеніе. Двѣ недѣли

показались нѣжной моей неперпѣливости двумя годами. Пріѣхавъ, пошелъ къ моей богинѣ. Она приняла меня съ благоприспѣшною холодношью, не показывая ни смущенія, ни восторга; хочу бросишься въ ея объятія: она удаляетъ меня съ важною и величественною осанкою. Изумленъ отъ такого пріема, дѣлаю ей нѣжные выговоры. «Успокойся, сказала она мнѣ, и возьми перпѣвнѣ меня выслушай. Ты любезенъ, и я любила тебя около шестидесяти годовъ. — Удивительно долго! — И долго и не долго; въ морали нѣтъ ничего опредѣлительнаго; все имѣетъ отношеніе къ обстоятельству. Во время моего опсущенія послушала я по правилу, которое ты мнѣ часто швердилъ, по правилу, что удовольствіе должно быть нашимъ оракуломъ. Я спросила этого оракула, и получила въ отвѣтъ, что должна предпочесть того, кто мнѣ больше нравится, съ кѣмъ надѣюсь наслаждаться больше.» Услыша такое признаніе, я вспыхнулъ, называлъ ее неблагодарною, вѣроломною. — Вотъ, вскричала она, философы нашего времени! удивительные люди, когда надобно только умствовать; но какъ

скоро дойдешъ имъ чередъ доказашъ свою теорію собственнымъ поведеніемъ, то увидишь ихъ малодушнѣе и слабоумнѣе маленькаго ребенка. Признайся, что самолюбіе, а не любовь причиною швоей досады. — Что касаешся до тебя, то я увѣренъ, что не самолюбіе завлекло тебя въ неостоянство, потому что, по обыкновенію вашего пола, ты жершвуешь меня какому нибудь дураку. — Въ этомъ оправдашься мнѣ не трудно. Если ты можешь соблюсти нѣсколько разсудка и спокойствія, то прошу опущинашь у меня севодни съ швоимъ соперникомъ; увидишь, достоинъ ли онъ совмѣстничества. Вы другъ друга не знаете; недѣля только, какъ онъ здѣсь. — Однакожь успѣлъ довольно; надобно думать, что онъ очень прелестенъ? — Увидишь. — Имя его? — Аполлонидъ. Онъ изъ острова Косса, который еще славнѣе рожденіемъ Апелла и Иппократа, нежели превосходными своими винами. Хотя онъ старше тебя однимъ только годомъ, однакожь опправляетъ уже медицинскую практику съ хорошимъ успѣхомъ.» Посердясь и поворчавъ нѣсколько времени, я согласился на предложеніе и

ужиналъ съ Аполлонидамъ. По сродной ему склонности духа, онъ спарался всячески угодишь мнѣ: наговаривалъ мнѣ много лестнаго, хвалилъ мои дарованія, превозносилъ мою славу, и просилъ моей дружбы съ тѣмъ сердечнымъ жаромъ, съ пою пріятностію, которая предупреждаетъ размышленіе и увлекаетъ по неволѣ. Съ того самаго времени тѣсная связь соединила насъ неразрывными узами, и вы можете судишь по его порицанію, созданъ ли онъ былъ для дружбы и любви.

Аполлонидъ имѣлъ блистательное воображеніе, великую прозорливость, и пошъ вѣрный, безошибочный смыслъ, который видяшь, ловяшь связи между вещами, и сопоставляетъ истинный разумъ. Разумъ Аполлонида былъ прости, какъ сама природа: не прятался и не спарался оказываться; память у него была прещасливая. Имѣя глубокія знанія въ ботаникѣ, физиологіи и медицинѣ, онъ украшалъ науку пріятностію и веселостію своего характера, и склонностію къ музыкѣ и поэзіи, въ которыхъ упражнялся съ успѣхомъ. Спрашенъ къ славѣ,

жаденѣ къ забавамѣ, любя богашество, но единственно для того, чѣмъ его распочашъ, онѣ посвящаль всѣ часы жизни своей на удовлетвореніе своимѣ спрашамѣ; учился днемѣ, ночи проводилѣ въ пирахѣ, и спалѣ не болѣе двухѣ или трехѣ часовѣ. Когда я говорилѣ ему, чѣмъ онѣ мало оставлялѣ себѣ времени на отдохновеніе, то онѣ опвѣчалѣ мнѣ: «то, чѣмъ я опнимаю опѣ ночей, прибавляю къ днямѣ своимѣ.»

Его врачебныя правила ввели его въ славу. Онѣ охуждалѣ жестокія лекаршва, и говорилѣ, чѣмъ врачѣ обязанѣ лечишъ пріятнымѣ образомѣ. Всѣ его предписанія были самыя легкія: онѣ претовалѣ въ нѣкоторыхѣ случаяхѣ воздержанія опѣ мяса, опѣ вина, и совѣщовалѣ прогуливашъ. Всякой день изобрѣшалѣ онѣ для своихѣ больныхѣ какую нибудь новую забаву. Онѣ выдумалѣ множештво разныхѣ родовѣ купаленѣ, въ томѣ числѣ висячія. Не одобрялѣ кровопусканія, рѣдко употреблялѣ слабительныя, и говорилѣ смѣючись, чѣмъ разсмотрѣніе урины надобно оставишъ красильщикамѣ. Не старался ускорашъ исцѣленія, будучи такомо мнѣнія, чѣмъ довольно,

если врачъ раздѣлилъ эту честь съ напурою. Онъ признавался, видя множесство недоспойныхъ врачей, что общесство много бы выиграло, если бы запрешили медицину. Въ угожденіе прекрасному полу учился онъ свойствамъ *косметиковъ* (припираній), и изобрѣлъ многіе роды румянъ и соспавовъ для крашенія волосъ. Болѣе всего углубился онъ въ леченіе того рода меланхолии, копорая, по его мнѣнію, происходишь опъ черной желчи и повреждаешь воображеніе; шъ, копорые одержимы эшою болѣзнью, погружены въ глубокое уныніе, и непреодолимую имѣють склонность къ уединенію; они мечпають себя превращенными въ царей, въ боговъ, въ волковъ, въ собакъ, въ кроликовъ: мы называемъ ихъ *Ликаноропами* (оборошнями). Онъ рассказывалъ, что нѣкопорая женщина держала всегда одинъ изъ своихъ пальцевъ поднятымъ, думая, что она поддерживаетъ міръ. Одинъ живописецъ забралъ себѣ въ голову, что кости его размягчились какъ воскъ, и не смѣлъ сдѣлать ни одного шагу. Аполлонида общался вылечишь его на вѣрное, но съ шѣмъ, чтообъ онъ шесць дней не вставалъ

на ноги. Меланхоликъ исполнилъ предписание врача со всею точностью, и послѣ шестидневнаго срока началъ ходишь скоро и смѣло. Нѣвпо, по имени Левкиппъ, родомъ изъ Аргоса, представилъ себѣ, что онъ заяцъ; обо всемъ прочемъ рассуждалъ какъ человѣкъ умный; но какъ скоро усматривалъ собаку, то начиналъ шрепешать и бѣжалъ спрятавшись. Другъ мой вылечилъ его посредствомъ баловъ, спектаклей и музыки. Если бы подробности медицины не были скучны, то я рассказывалъ бы вамъ его правила. — Мы увидали Біона, что онъ такимъ повѣствованіемъ сдѣлалъ намъ великое удовольствіе. — Прежде надобно досказать, какимъ образомъ окончилась его любовная связь съ Никаретою. Узнавъ, что я былъ ему солюбовникомъ, и покинувши для него, онъ поспѣшъ прибѣжалъ ко мнѣ извѣстивъ свое сожалѣніе и упрашивая меня, чтобы я взялъ опять эту красавицу. Я оприся; вышелъ у насъ великой споръ; наконецъ онъ предложилъ мнѣ кинуть жеребій, кому она достанется. Эта мысль показалась мнѣ очень забавною; не лѣзя было не согласишься. Мы бросили три кости, и выпалъ

ла ему Венераина выметка (*). «Форшуна и Киприда, сказалъ я ему, отдаюшѣ тебѣ Никарешу; не пропиивъся, мой другъ, своему благополучію.» Эша любовная сдѣлка достигла до Никарешиныхъ ушей; и какъ она была самолюбія не столько стоворчиваго, какъ мое, то и прогнала побѣдишеля моего безъ всякаго милосердія. Обращаюсь теперь къ его афоризмамъ.

Онъ совѣщуетъ всякому здороваго сложенія человѣку не порабощать себя никакой дѣлѣ, не спрашиваться врачей, и жить чаще въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Очень хвалишъ движеніе, пошому что покой приводитъ въ разслабленіе, а трудъ укрѣпляетъ; покой ускоряетъ наступленіе старости, а трудъ можетъ продлить молодость. Также предписываетъ бѣгать иногда больше, а иногда меньше, и лучше въ два раза, нежели набѣдаться въ одинъ разъ. Въ разсужденіи исполненія брачныхъ должностей, вопъ его правило. Онъ совѣщуетъ супругамъ для

(*) Гречи называли Венераиною выметкою, когда выпадало на всѣхъ шрехъ ностяхъ по шести.

собранія плодовъ любви дожидатсья зари. «Послѣ покойнаго и сладкаго сна, говоришѣ онѣ, тѣло легче и поворопливѣе;» и въ доказательство того ссылаѣся на поселянѣ, которые засыпающѣ, какѣ скоро лягущѣ, и не прежде ухра исполняющѣ супружескія должности, а однакожѣ дѣшеѣ раждающѣ здоровыхѣ и крѣпкихѣ. «Пшицы, прибавляѣ онѣ, повинуюсь только напурѣ, и будучи ею одною наставляемы, избирающѣ почти всѣ на поржесествованіе своего брака время возшесствія зари; ихѣ тѣніе естѣ выраженіе удовольствія. Біонѣ спросилѣ насѣ, какѣ мы думаемѣ о семѣ Аполлонидовомѣ правилѣ? — По моему мнѣнію, вскричалѣ Фанорѣ, пшицы очень глупы: чѣмѣшаемѣ упражнясья въ любви и поущру и ввечеру?» Мы посмѣялись этому разсужденію, и всякой изѣ насѣ объявилѣ, чѣо онѣ рѣшеніемѣ Фанора доволенѣ.

«Теперь, продолжалѣ Біонѣ, вы услышите обстоятельство несчастнаго приключенія, которое похипило у меня любезнѣйшаго, достойнѣйшаго любви изѣ друзей моихѣ. О дражайшій мой Аполлонидѣ! если бы ты знаѣ, сколько смерть швоя споила

миѣ слезѣ! Чего бы я не опдалѣ, чѣтобѣ имѣшь у себя драгоцѣнные швои оспапки, исплѣвающіе вѣ землѣ варваровѣ! Я покрылѣ бы ихѣ лавромѣ и цвѣтами; слезы мои окропили бы швою гробницу, и безсмертная шѣнь швоя приняла бы сѣ благодарностію данѣ горести и дружбы.

Аполлонидѣ, алкая знаній, отпра-вился обогащатѣ свой разумѣ вѣ Аѣи-ны. Пробывѣ шамѣ около года, поѣхалѣ вѣ Самосѣ и вылечилѣ пирана Поликраша отѣ болѣзни весьма опас-ной. Два золошыхѣ таланта были его наградою. Чрезѣ нѣсколько вре-мени Персы взяли его вѣ плѣнѣ. Онѣ скрылѣ отѣ нихѣ какѣ имя свое, такѣ и званіе; но его узнали и пошребова-ли вѣ Персеполь для леченія Царя Даріа, который чувствовалѣ сильную боль отѣ вывихнушія ноги. Другу моему удалось; Царѣ выздоровѣлѣ. Пошомѣ вылечилѣ онѣ еще и Ашоссу, Даріеву супругу, у которой на груди былѣ ракѣ. Дарій обогатилѣ его да-рами, осыпалѣ всѣми знаками благо-воленія и допустилѣ кѣ своему спо-лу. Онѣ былѣ бы щасливѣйшимѣ изѣ смертныхѣ, если бы посреди эшого блистательнаго и роскошнаго двора возмогѣ умѣришѣ склонностѣ свою

въ любви, или по крайней мѣрѣ не
 прошерѣ бы своихъ желаній до Ами-
 оы, Даріевой сестры, женщины рѣд-
 кой красоты, и въ самомъ цвѣтѣ мо-
 лодосши, хотя она уже была вдова.
 Пріятности разума его и искусство
 сославлять косметики доставили
 ему свободный къ ней входъ. Благогра-
 зуміе оковывало нѣсколько времени
 его чувствованія. Но Амиоа внала въ
 одну изъ тѣхъ болѣзней, которыя
 медленными шагами ведутъ во гробъ.
 Частыя Аполлонидовы посѣщенія
 усилили спрасъ его. Между тѣмъ, не
 смотря на его спаранія, не смотря
 на всѣ пособія науки, прекрасная,
 любезная Принцесса погибала, увяда-
 ла какъ роза, опдѣленная отъ своего
 стебля; она была неуѣшима; во-
 ображеніе смерти приводило ее въ
 трепетъ. Принесены безчисленные
 жершвы на вершинѣ горъ солнцу,
 лунѣ, землѣ, воздуху и въшрамъ; Ми-
 пра, или Венера Уранія осыпана да-
 рами. Нѣкогда, будучи одна съ Апол-
 лонидомъ, жаловалась она на свою
 учасъ, на необходимость умереть
 среди весны своихъ дней, среди
 всѣхъ удовольствій, которыя могутъ
 прилѣплять къ жизни. «О мой другъ!
 вскричала она, изливъ горестныя

чувствованія души своей; о любезный мой Аполлонидъ! употреби всѣ твои старанія, всю твою науку; спаси меня, спаси меня!» — И говоря такимъ образомъ, она орошала слезами злато и шелкъ пышнаго своего ложа.

Аполлонидъ, пронутый до глубины сердца, возмущенный и жалостью и любовью, опивчалъ ей только глубокимъ вздохомъ. — «Ахъ! вижу, что я погибла! Ты уже не имѣешь надежды! Нѣтъ никакого средства! — Есть одно, въ которомъ я такъ увѣренъ, какъ въ собственномъ моемъ бытіи, сказалъ врачъ пренебрежимъ голосомъ; но какъ предложишь его!» — Амиѳа, которой Аполлонидовы слова возвратили нѣсколько надежды, претовала неопредѣленно, чтобы онъ назвалъ ей лекарство. Аполлонидъ опутилъ глаза и молчалъ; но какъ Принцесса настояла въ своемъ претованіи, и начала говорить повелительнымъ образомъ; то Аполлонидъ, отъ того ли, что онъ дѣйствительно былъ такого мнѣнія, или спросъ ввела его въ просупокъ, объявилъ Принцессѣ, что однѣ любовныя сладости могутъ возвратить ее къ жизни. Амиѳа покраснѣла;

смущеніе стыдливости, безпокойствіе, сомнѣнія и шихая свѣшлость надежды видны были совокупно на помомѣ, но прекрасномъ ея лицѣ. «Знаю, продолжалъ Аполлонидѣ, что предразсудки, фаномы благоприсойности и добродѣтели запрещающѣ употребленіе такого средства; но Принцесса! подумай, что жизнь твоя драгоцѣнна всему государству, любезна всѣмъ своимъ родственнымъ, любезна тебѣ самой; покорись необходимости. Любовь, услаждая чувства, согрѣваетъ душу пламенемъ крошкимъ, благодѣтельнымъ, котораго я нѣсколько разъ видѣлъ спасительныя дѣйствія. Видѣлъ дѣвицъ блѣдныхъ, изсохшихъ, едва дышущихъ; и послѣ того, какъ онѣ вкусили удовольствіе брака, не узнавалъ ихъ: наслажденіе возвратило имъ и здоровье, и свѣжестъ, и всю прежнюю красоту. Есть примѣры, что даже безобразныя отъ рожденія сдѣлались красавицами. Сказываютъ, что одна Спаршанская дѣвушка, немилосердно обиженная натурою при одѣленіи прелестями, вышедъ за мужъ, переѣнилась такъ, что могла бы вступить въ соперничество съ Еленою.» Словомъ сказать, Аполло-

нидѣ подкрѣпилъ свой совѣтъ доказательствами столь убѣдительными, краснорѣчіемъ столь чувствительнымъ, изъявилъ въ своихъ выраженіяхъ и взорахъ столько жара и соучастія: жизнь имѣла столько пріятности, что сестра и дщерь Царей предала себя совѣтамъ и желаніямъ врача своего.

Но Амиѳа, подобно жертвѣ, которую украшаютъ цвѣтами въ минушу закланія, измѣвала опчасу больше; дѣятельность лекарства, вмѣсто изпребленія болѣзни, развернула силы ея и ускорила гибельныя дѣйствія.

Когда слезы и смущеніе, ужасъ и молчаніе окружающихъ ложе Принцессы, открыли ей опасность, спрашное опчаяніе овладѣло ея душою; она не могла пріучить себя къ мысли, что надобно умереть. Одна изъ ея женщинъ, чѣмъ заняла и утѣшила больную, начала говорить о ея величій, о ея блистательной сшени. — «Да, вскричала Амиѳа, севодни сестра величайшаго Царя на земли, а завтра ничто!» Она приписала усиліе болѣзни мнимому специфику Аполлонидову, и въ помѣшательствѣ ума открылась во всемъ мапери своей. Скоро почувствовала она свою ошибку;

просила пресупнику прощенія, которое и обѣщано; но Дарій былъ раздраженъ: гордосшь Царей непримирима!

Нешаспнаго Аполлонида осудили бросишь живаго въ могилу. Опрядь пѣлохранишелей, называемыхъ безсмершными, опвелъ его на мѣсто казни. «О любезный Аполлонидъ! о мой нѣжный и достойный другъ! какой ужасъ долженъ былъ поразить тебя, когда ты приступилъ къ этому гробу, въ копоромъ надлежало тебѣ заключишься живому, и погребсти сполько разума, сполько знаній, сполько паланшовъ и жизнь! Какое опчаяніе, какое изступленіе должно было терзать тебя въ продолженіе мучительныхъ часовъ, которые ты жилъ въ этой пропасти!» При сихъ словахъ рыданія и слезы пресѣкли рѣчь Біонову. Мы плакали всѣ; глубокое молчаніе царспвовало въ храмѣ. На послѣдокъ Біонъ, преодолевъ свою горесшь, началъ продолжашъ повѣспованіе. «Взвалили на могилу камень и посшавили спражу. Дважды солнце описало дневный кругъ, когда Амиѳа узнала о казни Аполлоновой. Подвигнуша, разперзана соспраданіемъ, вознамѣрилась она

сократишь муки несчастнаго, ускори смерть его. Она убѣдила спражей могилы; посланный опустился въ мрачное жилище съ лампадою въ одной рукѣ и чашею яда въ другой. Аполлонидѣ лежалъ на землѣ, завернувшись въ епанчу, и уже едва дышалъ. Увидя огонь, онъ приподнялся съ великимъ трудомъ, и принявъ чашу, спросилъ исполнителя печальнаго препорученія: жива ли Амива? — «Амива жива, и эптошъ ядъ посланъ отъ нее: болѣзнуя о несчастіяхъ своихъ, она хотѣла сдѣлать имъ конецъ!» Аполлонидѣ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы, и устремивъ на него взоръ, исполненный крошоты, сказалъ: «ты мнѣ принесъ добрую вѣсть; я не во всемъ несчастливъ. Скажи Принцессѣ, что Аполлонидѣ чувствуешь всю цѣну ея милосердія.» Попомъ онъ выпилъ ядъ, легъ опять на свою епанчу, и будучи чрезвычайно слабъ, угасъ въ ту же минуту. «Богъ, окончивъ свою повѣсть, облился слезами, зарыдалъ, вскочилъ и бросился обнимать ликъ своего друга. Для прекращенія сей перзательной сцены сдѣлалъ я знакъ Фанору, чтобъ онъ заигралъ на лирѣ. Онъ началъ прелю-

дією хроматической Тимоѳеевой мѣ-
ры; попомъ нечувствительнымъ
переходомъ музыка сдѣлалась живѣе
и веселѣе; Теофанія присоединила
къ звукамъ ея свой голосъ и запѣла
Біонову пѣсенку:

*Время летитъ; тысяча вѣковъ въ
сравненіи съ вѣчною одна точка.
Употребимъ такіа скороутекающія
минуты на то, чтобъ насладиться
предоставленными намъ благами, изъ
коихъ главныя: здоровье, красота и
богатство, гестнымъ образомъ при-
обрѣтенное; и да произойдетъ изъ со-
единенія всего этого то любезное удо-
вольствіе, которое утѣшаетъ и укра-
шаетъ жизнь!*

Сія блистательная гармонія раз-
сѣяла всѣ собравшіяся облака печали.
Веселость возсіяла, и въ слѣдующій
день положено иппи на соколиную
охоту. Возвращаясь домой, капа-
лись мы еще по гладкому озеру, подѣ-
пихими лунными лучами; послѣ чего
уклонились благополучно въ приста-
нище, и каждый изъ насъ, восхищенъ
прошедшимъ днемъ, полетѣлъ въ обѣ-
щанія сладкаго покоя и любезнаго сна.

ГЛАВА VII.

Фаноръ влюбляется. Разговоръ его съ Антеноромъ. Травля птицъ.

Какъ скоро я остался одинъ съ Фаноромъ, то онъ началъ говорить съ такимъ жаромъ о прелестяхъ, о красотахъ, о талантахъ Теофании, что я побоялся, не произилъ ли его жестокой Купидонъ впорочно своею стрѣлою. Страхъ мой былъ справедливъ: Фаноръ признался мнѣ, что онъ влюбленъ. «А Теана, сказалъ я, которую ты богопворилъ? а швое опчаяніе, достойное прагическаго героя? а швое опшращеніе отъ жизни? а скочокъ съ горы Левкадской? куда все это дѣлось? — Туда же, куда дѣвающся мечшы сновидѣнія, когда человѣкъ проснешся! — А элегическіе стихи швои? — Пригодяшся мнѣ на другой случай, если еще разъ я сойду съ ума до того, что буду сокрушаюсь о невѣрности женщины. — Но скажи по крайней мѣрѣ, чего ты хочешь, чего надѣешься? — Любви. Бѣонъ очень сшаръ. — Однакожъ очень любезенъ. Ты слышалъ отъ него, что Анакреонъ въ восемдесяти лѣтахъ отъ роду умѣлъ нра-

виписья? — Біоновы слова не божеской оракулъ; но если эшо и случилось, шо такіе феномены не всякой день видимы бывають. Въ любви попребна дерзосшь. Я проведу всю эшу ночь въ піишическомъ испуупленіи, и напишу стихи молодой моей богинѣ.» Я хотѣлъ опвеспи его опъ сего намѣренія, попушипъ пламя въ самомъ началѣ, но слухъ его зашворенъ былъ разсудку.

На другой день всѣ поднялись на зарѣ. Освѣжены живишельною прохладою ушра, мы опсправились на охошу, наждый съ сокомъ на рухъ. Пришедъ на одну равнину, окруженную со всѣхъ споронъ оплогими пригорками, внизу разспавили сѣши, а сами заняли высокія мѣста. Охота была очень удачна; одна шолько Теофанія не раздѣляла общаго удовольствія: чувствишельная душа ея спрадала о бѣдныхъ шваряхъ, которыхъ смершь насъ забавляла.

Опдохнувъ нѣскольکو минушъ, Біонъ и я пошли провожашъ Лакида: онъ возвращался въ домъ свой. Фаноръ остался съ прекрасною Психеею, чшобъ опдашь ей свои стихи. Дорогою выронилъ я свой кошелекъ, но по шчасшю скоро его хвашился.

Лакидѣ, примѣшя мое безпокойство, сказалъ мнѣ хладнокровно: «кошелекѣ твой упалъ въ двадцати шагахъ отсюда подлѣ куста, гдѣ мы останавливались.» Я побѣждалъ шуда, и нашелъ свою пропажу. — «Для чегожѣ вы не осперегли меня? спросилъ я Лакида. — Для того, что не было въ эпомѣ надобности; все равно: у тебя ли твой кошелекѣ, или нѣтъ. — Все равно для васѣ, но не для меня.» — Тогда, въ оправданіе свое, онѣ разсказалъ мнѣ, что однажды Пирронѣ видя Анаксарха, учителя своего, въ ямѣ, въ которую онѣ нечаянно упалъ, прошелъ мимо, не подавъ ему руки. Лакидѣ не упустилъ этого случая пофилософствовать, и прочелъ намѣ цѣлую диссертацію, довольно непонятную. Біонѣ улыбался, слушая метафизической его языкѣ, и въ веселомѣ духѣ сказалъ другу своему: «дажежѣ, я уже поудалился отъ своего дому; пора намѣ расстаться. Прощай, любезной мой Лакидѣ; не лишай меня хошя изрѣдка удовольствія видѣть твою наружность, и мечтавъ пріятнымѣ образомѣ, что я съ тобою.» Мы обнялись и расстались навсегда.

Идучи съ Біономѣ, я говорилъ о его
Антен. Т. II.

Д

другѣ; мы смѣялись философическому равнодушію, съ какимъ онѣ допустилъ меня поперяшь мой кошелекѣ.— «Эпо чудаки, помѣшанный на безумной своей сисшемѣ, сказалъ Біонѣ; однакожь, не смотря на его странность и заблужденія, онѣ пречестнѣйшій человекѣ; душа его благородна и щедра. Одинѣ изѣ его пріятелей занялъ у него нѣсколько посуды; Лакидѣ никогда не хотѣлъ взять ее обратно. Въ другое время (и въ такое, когда его состояніе было очень разстроено) Апшаль, Пергамской Царь, звалъ его къ своему двору, предлагая ему значную сумму; Лакидѣ оприся и отъ денегѣ и отъ поѣздки, и велѣлъ сказать въ отвѣтъ, что на портреты Царей хорошо смотрѣшь издали.»

ГЛАВА VIII.

Слѣдствіе Фаноровой любви.

Возвращаясь къ Біону, я нашелъ Фанора въ превеселомъ нравѣ. Стихи его уже были въ рукахъ у Теофаніи. Онъ мнѣ ихъ прочелъ.

Все перемѣнилось на небесахъ и на землѣ; уже не Киприда царствуетъ надъ Амурами. Златовласый Фебъ не будетъ уже отцемъ прекрасныхъ дней.

Напрасно, роза! на иelistомъ своемъ стеблѣ гордишься цвѣтами юности твоей; преклони надменную твою главу: ты уже не первая между цвѣтами.

Красавица, которую смертные обожаютъ, помрачаетъ все тысячью новыхъ прелестей; Теофанія, вѣсто Цитереи; царствуетъ нынѣ въ Гнидѣ и Пафосѣ.

О прелестная! какъ Геба или Флора, ты сядешь за столъ боговъ; но благоволитъ по крайней мѣрѣ на любовника, который тебя обожаетъ, низвести одинъ взглядъ отей твоихъ.

«Спижи очень хороши, сказалъ я. Какъ приняла ихъ Теофанія? — Какъ не лъзя лучше, и подала мнѣ надежду, что я получу отвѣтъ. Сперва она позамѣшалась, покраснѣла, но напослѣдокъ заспѣвичивость успунила любви.» Я поздравилъ Фанора съ его успѣхомъ, не смѣя однакожь вѣришь, думая самъ въ себѣ, что онъ какъ нибудь ошибается. Около вечера онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ изступленіи отъ радости, почти безъ ума; шутилъ надо мною, называлъ меня Лакидомъ Скепшикомъ, и показалъ мнѣ спихи прекрасные, которые лишь только получилъ отъ любезной Психеи. Въ похвалѣ спихамъ не было конечно ничего лишняго; они дѣйствительно наполнены были остропою и пріятностью. «Ученица не хуже учителя, сказалъ я. — О! Біонъ никогда не умѣлъ такъ писать; въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни сопой доли эпой неподкрашенной, пѣвнической шонкости; ни Коринна, ни Сафо не произвели ничего столь блистательнаго: сама Эрата водила Теофанину руку. О, мой другъ! ты не можешь себѣ предсавишь, сколько эпои очаровательный палантъумножаетъ мое пламя; теперь только познаю,

что я никогда еще не былъ влюбленъ!»

Фаноръ не имѣя уже ни малаго сомнѣнія, что пальма ожидаетъ его на концѣ поприща, написалъ еще списки, которыми просилъ уединеннаго свиданья, и свиданье обѣщано ему списками жъ, обѣщано чрезъ три дни: время, въ которое Біонъ долженъ былъ оплучиться въ Амфиссу.

Такая подапливось удивила меня чрезвычайно: я извѣявилъ все свое недовольство на Теофанію, порицалъ съ жаромъ неблагодарность ея къ своему покровителю, къ другу и любезному и великодушному; но Фаноръ въ сей самой неблагодарности видѣлъ единственно крошечную чувствительность души благородной и нѣжной; время казалось ему чрезмѣрно долго: онъ умиралъ отъ непрерывнаго. Наконецъ три дни прошли; свиданье назначено было въ молочнѣ, и какъ скоро Біонъ отправился, то Фаноръ побѣжалъ къ своей Психеѣ, пылая любовью и надеждою.

Едва онъ меня оставилъ, какъ Біонъ возвратился, ведя за собою полпу молодыхъ людей обоюго пола: иные несли вѣнки, другіе факелы, флейшы,

кимвалы, сиспры и брачный свѣ-
пильникъ. «Пойдемъ, сказалъ мнѣ
Біонъ.— Куда? за чѣмъ?—Увидишь.»
Я смотрѣлъ выпуча глаза, не пони-
малъ ничего и пошелъ.

Собраніе опсправилось прямо къ
молочнѣ и оспановилось у дверей.
Корифей далъ сигналъ, и всѣ хоромъ
запѣли слѣдующую эпипаламу Біо-
нова сочиненія:

*Венера, Царица богинь; любовь,
сила теловѣковъ; и ты, Гименъ, исто-
чникъ жизни, васѣ пою въ стихахъ мо-
ихъ; васѣ трехъ: Гимена, Любовь, Ве-
неру. Юноша, пробудись; любовь,
земля, небо тебѣ улыбаются. Твоя
гирланда готова. Фаноръ, наперсникъ
Венеры, блистательный сѹпрѹгъ Тео-
фаніи! смотри на твою любезнѹю!
она сіяетъ красотою и велигіемъ. Ро-
за, царица цвѣтовъ; о Теофанія, ца-
рица подругѣ своихъ! Возстань, бла-
гополѹтннй сѹпрѹгъ! ложе твое при-
готовлено. Да родится въ скоромъ
времени въ твоемъ саду плодъ бли-
стательный, какъ лилея, и столь же
долговѣтнй, какъ кипарисъ.*

По окончаніи пѣнія Біонѣ вошелѣ въ храмину со всею блистательною свѣщою , и каждый поднесѣ вънокѣ смущенному Фанору; сама Теофанія возложила на него гирланду. Пошли въ поле; брачный свѣщильникѣ блисталѣ предѣ Фаноромѣ; подлѣ Теофаніи шла женщина пожилыхѣ лѣтъ, и служила ей маперью и Паранимфою. Музыка играла, брачныя пѣсни раздавались. Доспигнувѣ лѣса, начали плясать между деревѣ. Я смѣлся отѣ чистаго сердца Фанорову замѣшательству, и благодарилѣ въ душѣ своей Біона за его кропкое и умное мщеніе. Пляска перервана великолѣпнымѣ споломѣ. Посадили молодыхѣ супруговѣ рядомѣ, и пропѣли еще разѣ эписаламу. Попомѣ Теофанія пѣла куплетѣ Біонова сочиненія, весьма пріятный и приличный обшоятельству. Послѣ спола, который продолжался очень долго и за которымѣ всѣ были веселы, исключая Героя сего шоржесства, плясали еще, и ночь одна прекрапила наши забавы. Когда всѣ разошлись, Біонѣ поздравилѣ Фанора съ его бракосочетаніемѣ, и сказалѣ ему, что Теофанія увольняетѣ его отѣ оспальной церемоніи. Послѣ сего привѣщствія

онѣ опклялся намѣ, и мы оспались одни.

Я смотрѣлъ долго на Фанора, не говоря ни слова: спыдѣ и досада были написаны самыми яркими красками на лицѣ его; онѣ споялъ задумавшись, и кусалъ губы. «Ну, мой другѣ, сказалъ я, согласишь, что Біонѣ великой мастерѣ дѣлать удовольствіе госпямъ своимъ: мы провели день чрезвычайно пріятно. — Да; только не я. — Шушка тебѣ не понравилась? — Признаюсь, я въ большой досадѣ: шушпѣ такимъ образомъ не хорошо. — А по моему мнѣнію, соперникѣ швой опмспилъ тебѣ, какъ человекѣ умной, и копорый *умѣетъ жить*. — Я не сполько сердипѣ на него, какъ на предашельницу, копорая мнѣ измѣнила. — Напрасно ты сердишься; она должна была такъ посшупишь. Теофанія показала швой спихи Біону; а эшотѣ, чтобѣ повеселишь на швой счепѣ, написалъ за нее опвѣщѣ. Посуди же теперѣ, что дѣлаешѣ предубѣжденіе: ты посшавилъ Теофанію выше и Коринны и Сафы; а между ими и Біономъ шакое разспояніе, какъ между небомъ и землею. Хочешѣли оспалъсь здѣсь еще нѣсколько дней? — Чтобѣ

быть дуракомъ? Нѣтъ; опправимся
 опсюда завтра на разсвѣтъ. — Хо-
 рошо; пойдѣмъ же проспишься съ
 хозяевами. — На что? — На то, что
 не учтиво, не благоприсойно оспа-
 вишь ихъ не поблагодаря.» Фаноръ
 долго упрямился; наконецъ, убѣж-
 денъ будучи моими представлѣніями,
 согласился, но не хотѣлъ никакъ ви-
 дѣть Теофаніи: онъ слишкомъ былъ
 ею раздраженъ. Мудрой Біонъ изъ-
 явилъ въ самыхъ чувствительныхъ
 выраженіяхъ свое сожалѣніе о на-
 шемъ опшесствіи; просилъ у Фанора
 прощенія, что онъ разпространилъ
 свою шушку можеть быть далѣе,
 нежели бы должно; увѣрялъ, что
 духъ мщенія опнюдь не входилъ въ
 его намѣреніе, и что цѣль его была
 единственно дать наставленіе моло-
 дому, еще неопытному человѣку;
 показавъ ему, что во всѣхъ его
 склонностяхъ, а особливо въ любви,
 какъ въ спраши самой опасной,
 долженъ онъ всегда руководство-
 ваться разсудкомъ, честностью и
 благоразуміемъ; и наконецъ въ заклю-
 ченіе просилъ насъ, чтобъ мы по
 крайней мѣрѣ еще одинъ разъ у него
 опзавпракали.

ГЛАВА IX.

Завтракъ. Философическія разсужденія. Маленькое путешествіе.

Мы встали съ возшествіемъ солнца, и какъ скоро сѣли за столъ, то вошла Теофанія, смопрѣ на насъ съ пріятною улыбкою, и неся молоко и плоды. Она извинялась предъ Фаноромъ въ невинномъ своемъ обманѣ, говоря, что какъ она никогда не посѣщала Парнаскихъ рощей, то и принуждена была, для сочиненія опивша, просить помощи у Біона. Фаноръ, умилошпвленный веселымъ нравомъ и любезностью сей прекрасной куколки, бросился къ ея ногамъ, просилъ прощенія, и общался въ очищеніе своего проступка сохранить вѣчно образъ ея въ своемъ сердцѣ.

Послѣ сего примиренія довѣренность и дружба возвратились украсивъ нашъ прощальный завтракъ. Біонъ былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Я смопрѣлъ на него съ пріятнымъ удивленіемъ, и сказалъ ему, что почишаю его щасливѣйшимъ изъ смертныхъ. — Конечно я щасливъ, опившъ, общалъ онъ; щасливъ во-

преки правилу Солона, что ни одинъ
 человѣкъ не можетъ быть названъ
 щастливымъ прежде смерти; потому
 что смерть одинъ мигъ. Презривъ
 фаншомы суевѣрія, и смерть будещъ
 не страшна. Я щастливъ нынѣ отъ
 того, что не противлюсь уже ни
 склонностямъ своимъ, ни характеру;
 что живу въ уединеніи; что зани-
 маю разумъ свой единственно для
 того, чтобы увеселять, просвѣщая
 его, а не изъ желанія пусшой славы;
 что скупость, честолюбіе, всѣ люд-
 скія спраски не имѣютъ уже до-
 ступа къ моей душѣ, не возмущаютъ
 моего покоя; что мои желанія сораз-
 мѣрны возможности; что я дѣлаю
 добро сколько могу, а благодѣтель-
 ство есть такой ароматъ, котораго
 благоуханныя, бальзамическія испа-
 ренія обращаются всегда на творца
 его. Придешъ время, и придешъ ско-
 ро, когда надобно будещъ оставитьъ
 этотъ домъ, мои рошчи, мои кусоч-
 ки, книги, и эту Психею, которая
 украшаетъ все; когда мысль о та-
 кой разлукѣ представляется моему
 воображенію, я не огорчаюсь. Я раз-
 мышляю нѣсколько минути и вос-
 клицаю самъ въ себѣ: «послѣвшимъ
 насладишься жизнью, пока пламен-

никѣ ея не угасѣ еще. «Тогда Біонѣ обратился къ Психеѣ:» ты закроешь глаза мои, сказалъ онѣ ей; ты при-
 мешь послѣдній вздохъ мой. Когда увидишь, что душа моя готова оплѣшѣть, удержи ее на пуши хощя нѣсколько минушъ прогашельными звуками пвоей лиры; играй мнѣ арію, копорую больше я люблю, и можешъ бышъ смерть моя будетъ сладостна. Вы видише, продолжалъ онѣ, относя рѣчь свою къ намѣ, что благополучіе не всегда похоже на шѣ ускользающіе плоды, копорыхъ Таншаль не можешъ схватишъ; что судьба человека зависитъ по большой части отъ него самаго, и что не рѣдко жалуетъ онѣ на боговъ напрасно. — Хорошо, сказалъ я; однакожь не у всякаго естъ прекрасный загородный домъ, здоровье и любезная Психея; не всякой одаренъ разумомъ и пріятными шаланшами. — Слышалъ ли ты анекдотъ о Гигесѣ, Царѣ Лидійскомъ. Сказывающъ, что онѣ полюбопышествовалъ знать: естъ ли кто его благополучнѣе? Оракулъ, копорого онѣ спросилъ, наименовалъ ему Аглая. Эшотъ Аглай, жишель Аркадіи, самый бѣдный селянинѣ, никогда не оставлялъ родишельской полосы,

обрабатывалъ ее своими руками, и жилъ доволенъ шѣмъ, что нива ему приносила. Но я покажу тебѣ севодни человека, который еще удивительнѣе: онъ не имѣетъ никакой собственности, ни вершка земли, и калека отъ самаго рожденія своего, а живетъ доволенъ и благословляетъ свою участь. Пребываніе его описю да не далеко; я васъ туда провожу.» Теофанія пожелала быть нашею спутницею, и мы всѣ пошли.

Дорога была очень пріятна. Бѣонъ рассказывалъ намъ разные анекдоты. Фаноръ пѣлъ жалобную свою пѣсню на невѣрность Теаны. Мы шутили на счетъ его послѣдняго брака; сожалѣли, что лучшее изъ обряда потеряно для него; а онъ опшучивался съ большею любезностью, и былъ очень веселъ. Мы не видали, какъ прошло время, когда дошли до убогой хижины благополучнаго смершнаго. Я увидѣлъ бѣдняка, покрышаго лохмотьями, котораго свѣжее, румяное лицо показывало здоровье и покойствіе духа; онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, возлѣ очага; предъ нимъ шѣлось нѣсколько углей, на которыхъ стоялъ чугунной горшокъ; онъ принялъ насъ съ веселымъ лицомъ. Бѣонъ

далъ намъ замѣшивъ, что онъ лишенъ употребленія ногъ своихъ, одержимыхъ параличемъ онъ самаго младенческаго, и не можешь ходить иначе, какъ на колѣняхъ; онъ въ заключенной своей хижинѣ былъ одинъ. Я спросилъ его, ешь ли въ горшкѣ мясо? — «Нѣтъ, коренья только; мои доходы не такъ велики, чтобъ ѣсть мясо. — Чѣмъ ты кормишься? — Я работаю корзинки и кой-какія другія бездѣлки. — И ты доволенъ? — Какъ Царь, а особливо, когда ешь работа. — По крайней мѣрѣ эша изба принадлежишь тебѣ? — О! если бы изба была моя, то я почелъ бы себя богачемъ; одинъ доброй человѣкъ позволялъ мнѣ жить здѣсь. — Выходишь ли иногда? — Рѣдко: безъ ногъ далеко не дойдешь; надобно пащиться по камнямъ, по грязи. — Не скучно ли тебѣ жить одному безъ товарища, безъ пріятеля? — Я никогда не знаю скуки. — Умѣешь ли читать, писать? — Желалъ бы; однакожь, какъ быть! можно обойтись и безъ того. — Тебѣ не спрашно въ этомъ опдаленномъ мѣстѣ беззашитному, увѣчному? — Спрашно? да что у меня взять? воры умѣютъ пронохивать; они слышатъ деньги чуждымъ, и не

пойдутъ въ нору бѣднаго. — Который тебѣ годъ? — Сорокъ пятой. — Всегда ли ты былъ калека и бѣденъ? — Всегда; однакожь, благодарю боговъ, въ аппепишѣ и работѣ не имѣлъ недосыпѣка. « Я сколько находилъ удовольствія спрашивать сего философа напуры, который, по моему мнѣнію, превосходилъ мудростью и Платона и Зенона, что проговорилъ бы съ нимъ охотно цѣлый день. Послѣ множества другихъ вопросовъ, мы спросили его, не можемъ ли быть ему полезными; не надобно ли ему чего? — Работы только. « Бѣнъ обѣщалъ исполнить его желаніе. Мы хотѣли дать ему нѣсколько денегъ; но онъ не принялъ. « Ты меня обижаешь, сказалъ Бѣнъ. — Хорошо, хорошо, давайте: вы честные люди, и одождаете отъ добраго сердца, а не изъ тщеславія. »

— Видишь ли, въ какихъ норахъ щастіе въешъ себѣ гнѣздо, сказалъ Бѣнъ, когда мы вышли изъ хижины. Богачи, вельможи, цари безпокоящся, мучащся посреди величія и удовольствій; а эшошъ калека, въ бѣдности, въ униженіи, безъ общесства, одинъ, и снѣдая грубые коренья въ топѣ лица своего, доволенъ своею

судьбою! О правосудіе боговъ! познаю швою щедроту!»

Наспала минуша нашей разлуки; она была прогашельна. Хозяева обняли насъ съ извѣявленіемъ нѣжнѣйшаго дружества. Фаноръ не могъ удалиться опѣ Теофаніи; онъ опходилъ, возвращался, начиналъ снова прощаться; наконецъ мы опправились.

Для дополненія Бісеновой исторіи, я опишу смерть его, о копорой узналъ самымъ неожиданнымъ случаемъ сорокъ лѣтъ спустя.

ГЛАВА X.

*Свиданіе Антенора съ Теофанією
трезъ сорокъ лѣтъ послѣ бытности
его у Біона.*

Я пушешесшвовалъ, и пробъжая мимо храма Юноны, копорый споишъ на дорогѣ изъ Фалера въ Аѣины, вздумалъ посмошрѣшь его. Расположеніе достойно примѣчанія: сей храмъ не имѣешъ стѣнъ, и обнесенъ только колоннами, что и сосшавляешъ опкрытую со всѣхъ споронъ ограду. Фигура сего зданія привела

миѢ на память Біонову споловую па-
лашу на островѢ Дружбы, построен-
ную почти такимѢ же образомѢ; и
попчасѢ мѢсто, въ которомѢ я на-
ходился, сдѣлалось для меня пріят-
нѢе; нѢкоторое сладкое чувствованіе
влекло къ нему мою душу. ВдругѢ
вижу престарѣлую женщину, кото-
рая разсмаприваетѢ меня примѣча-
тельно; спалѢ и я разсмаприваю
ее. Казалось миѢ, что сквозь мор-
щинѢ и всѣхѢ перемѢнѢ, суровою ру-
кою времени произведенныхѢ, по-
знаю черты ея, познаю остатки
лица прелестнаго. Я уподоблялся
спраннику, взирающему на развали-
ны храма, который нѢкогда былѢ ве-
ликолѣпенѢ; мысль его обращается
на прошедшее; онѢ видящѢ зданіе
въ прежнемѢ величіи, во всемѢ блескѢ,
видящѢ, и преисполненѢ удивленія
восклицаетѢ: «о время! сколько пре-
краснаго ты погубило!» Между тѢмѢ
незнакомка и я, продолжая другѢ дру-
га разсмапривать, мало по малу другѢ
къ другу приблизились. Когда мы
сошлись лицомѢ къ лицу, то нѢсколь-
ко минуѢ стояли безмолвны. Напо-
слѣдокѢ я сказалѢ ей: «думаю, что
мы знакомы; не лѣзя спаться, чтобѢ
гдѢ нибудѢ въ другомѢ мѢстѢ мы не

видались! — Да, черны ваши меня поражающъ! по же лице, пошъ же голосъ, пошъ же росшъ!» . . . И говоря такимъ образомъ, осматривала меня съ головы до ногъ. «Сходство совершенно! вскричала она; вы сынъ Аншеноровъ! — Аншеноръ мое имя, но у меня нѣтъ сына; а опца моего вамъ не лзя было знашъ. — Вы Аншеноръ! невозможно? — Однакожъ это правда. — Помните ли Бѳона, Теофанію? — Ахъ! вы Теофанія!» Мы бросились другъ къ другу и обнялись нѣжно; попомъ, чшобъ поговорить больше на свободѣ, вышли изъ храма. Я сдѣлалъ ей тысячу вопросовъ, она также. Свѣжестъ и моложавостъ моя казались ей непонятнымъ чудомъ; она не знала, что думать: богъ ли я, или одинъ изъ шѣхъ геніевъ, которыми Платонъ населилъ небо. Я увѣрялъ ее, что я такой же смертной, какъ и всѣ, предназначенный, или осужденный, можетъ быть, перейши за обыкновенный предѣлъ жизни человеческой. — А меня какъ находите? Не правда ли, что я очень соспарѣлась? — Вы и теперь кажетесь мнѣ сполько же любезною, какъ были въ двадцать лѣтъ опъ роду.» . . . Сей опвѣтъ былъ не *отвѣтъ*; но шесши-

десятилѣтняя Теофанія разсудила имъ удовольствоваться. Помомъ я спрашивалъ ее о Бѣонѣ, обѣ эпохѣ его смерти. — «Онъ жилъ еще принадесять лѣтъ послѣ вашего опѣзда, всегда любезенъ и веселъ, всегда занятъ спадомъ своимъ, мною и поэзіею. Ослабѣніе разума его начало бытъ примѣшнымъ единственно по избытку его стиховъ; чѣмъ больше онъ старѣлся, тѣмъ плодовище Муза его становилась; но она производила цвѣты безъ запаха и плоды безъ вкуса. Получше другихъ его стиховъ тѣ, которые онъ сочинилъ за нѣсколько дней предъ смертію. Можно уподобить его угасающей лампадѣ, которая предъ послѣднимъ концомъ своимъ возгарается и выпускаетъ на одно мгновеніе неожиданную ясность. Я вамъ ихъ прочту; они оспались швердо въ памяти моей.

О, любезная моя душа! ты, въ которой заключается все мое бытіе! скоро ты отправишься къ Плутону, предстать предъ верховное его судилище и дать отвѣтъ въ своихъ дѣяніяхъ.

Что скажетъ легкая тѣнь твоя, когда чернобровый Миносъ грознымъ

голосомъ спроситъ тебя, что ты дѣлала, или хотѣла дѣлать, когда была въ своемъ футлярѣ?

Ты будешь отвѣчать: о вѣгный судія сей ограды! не трудно мнѣ повѣдать, что я дѣлала, когда обитала въ вотчинѣ стараго Сатурна и сына его, и когда имѣла человѣческій образъ!

То важнымъ Стоикомъ, то воспитанницею Эпикура я была; дѣлала добро, дѣлала и зло, но безъ умысла, какъ случалось, смотря по холоду или теплу; смотря по тому, какія вѣтры дули тамъ вверху. Увы! человекъ не иное что; какъ машина; а душа его вся божественная, но съ законами тѣла тѣсно соединенная; слаба, сильна, разумна, или вовсе къ размышленію неспособна, смотря по дѣйствию пружинъ тѣлесной машины.

Сильное желаніе суетной славы сдѣлало меня піитомъ и остроумцемъ. Тщеславіе, повѣрь мнѣ, болѣе нежели Мнемозины, дочери Памяти, было геніемъ моимъ внушителемъ, и въ томъ восьмидесятилѣтняя моя Муза проситъ у вселенной прощенія (если вселенная, какъ надѣюсь, слышала о моихъ стихахъ).

Сверхъ того, какъ пиитъ, я имѣла множество пороковъ: была сердита, лѣнива, цѣряма, своенравна, и не рѣдко нескромная моя Муза насмѣхалась надъ бѣдными родомъ теловѣтскимъ, метала на ближняго свои злыя стрѣлы. Еще исповѣдываюсь въ одномъ грѣхѣ: я любила страстно забавы: Вакхъ, Любовь, и изъ сладкое восхищеніе ласкали чувства мои и слабость. Я жила только для того, чтобъ наслаждаться. Здѣсь можетъ быть это почитается виною; но тамъ я думала, что раздражу тѣмъ боговъ, если не взгляну на розы, которыя они произращаютъ.

Государь Миносъ! будь милосердъ! право, теловѣкъ никуда не годится, и лучший изъ насъ есть грѣшникъ, желающій добра.

Эпосъ любезный поэтъ скончался почти на рукахъ моихъ, посреди своего сшата. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то попросилъ меня, чтобъ я свиграла одну любимую его арію, и лучъ пихаго удовольствія освѣтилъ еще помертвѣлое лице его. Лишь только я успѣла кончить, какъ онъ пересмалъ

жити. Пронесся слухъ, будто онъ оправленъ; это самое подало поводъ поэпу Мосху сказать въ стихахъ своихъ на смерть своего друга:

«Біонъ, Біонъ! ядъ прекрашилъ
твои дни! Какимъ образомъ, прохо-
дя чрезъ уста твои, не потерялъ
онъ губительнаго своего свойства
и горечи!»

Я, по его волѣ, велѣла вырѣзать на его памятникъ слѣдующую эпитафію:

*Здѣсь лежитъ Біонъ. Онъ провелъ
восемьдесятъ три года на земли, а
жилъ только пятнадцать.*

Окончавъ свое повѣствованіе, эта вѣстная красота, эта Психея, которая нѣкогда была живымъ образцомъ очаровательныхъ прелестей, поспѣшила сѣсть въ свою колесницу. Мы обнялись, заплакали, обнялись еще, и разсѣпались. . . на вѣки!

Обращаюсь къ опшесствію нашему отъ Біона. Фаноръ не говорилъ мнѣ ни объ чемъ, кромѣ Психеи. Онъ клялся любить ее до послѣдней минутой своей жизни. — «Ты также клялся любить Θεану, сказалъ я. — Ахъ! какая разница! сколько Θεофа-

нія имѣетъ преимуществъ предъ
Θеаною! — Теперь такъ, пошому чпо
Θеофанія послѣдняя; увидимъ въ ше-
ченіи времени, не найдется ли еще
какая нибудь прешья красавица, ко-
шорая бы зашмила эшу блиспашель-
ную Психею.»

Разговаривая такимъ образомъ о
Фаноровой любви, о Біонѣ, о Лакидѣ,
прибыли мы въ Дельфы.

ГЛАВА XI.

*Описаніе города Дельфъ и его слав-
наго храма. Объ Оракулѣ. Чудеса.
Повѣсти.*

Городъ Дельфы стоишъ на скашъ го-
ры Парнасса, и предспавляешся взору
амфишепромъ. Еще издали видѣнъ
храмъ Аполлона Пиѣійскаго, на горѣ,
покрышой бронзовыми спашуями,
изъ копорыхъ большая часшь обло-
жены золошомъ. Вся гора сіяла блес-
комъ сего мешалла. Сказали намъ,
чпо Пиѣія издаешъ свои пророчесш-
ва по одному только разу въ мѣсяцъ,
въ шѣ дни, копорые называюшся
щасшливыми.

Мы остановились у одного гражданина, по имени Аминшора. Хозяинъ нашъ былъ человѣкъ очень набожной и легковѣрной; онъ молился богамъ и поутру и ввечеру, молился и на восходѣ и на закатѣ солнца, молился и на восходѣ и на закатѣ мѣсяца. Аполлоновы оракулы казались ему... *оракулами*. Онъ былъ такъ увѣренъ въ ихъ справедливости, какъ въ собственномъ своемъ бытіи; а чтобы увѣришь и насъ, рассказалъ намъ слѣдующую побасенку: «Крезъ, Царь Лидійскій, послалъ въ Дельфы спросить у Пифіи, чѣмъ онъ занимается въ Сардахъ въ такой-то день и въ такой-то часъ. Оракулъ отвѣчалъ стихами: *я знаю число песчинокъ и предѣлы моря. Разумѣю языкъ нѣмого. Слышу гласъ безмолвствующаго. Обоняю запахъ черепахи, которую варятъ съ ягнятиемъ мясо въ мѣдномъ котлѣ*. Крезъ, получа сей отвѣтъ, пришелъ въ великое изумленіе, и въ воспоргъ благоговѣнія своего къ премудрому Аполлону, признался, что онъ, для испытанія и затрудненія Оракула, подлинно велѣлъ изрѣзать въ куски черепаху и ягненка, и варить ихъ въ мѣдномъ сосудѣ. Въ другое время сей Царь спросилъ

Оракула о сынѣ своемѣ, юношѣ самыхъ прекрасныхъ свойствъ, котораго напура щедро наградила всѣми дарами, опказавъ ему въ одномѣ шокмо дарѣ, въ упошребленіи языка. Онѣ былѣ нѣмѣ опѣ рожденія. Пиеія изрекла: *безразсудный Крезѣ! не желай слышать голосѣ сына своего! Онѣ нагнетѣ говорить въ тотѣ день, въ который нагнутѣ твои нещастія.* Пророчество совершилось: въ день взашія Сардѣ одинѣ изѣ рядовыхъ воиновѣ успремился сѣмечемѣ на Креза. Царѣ, копорому жизнь опосшылѣла, споялѣ неподвижно и не думалѣ обороняшѣся; но молодой царевичѣ восшренепшалѣ опѣ опасности, въ копорой видѣлѣ своего родишеля, сдѣлалѣ шакое спремительное движеніе, чшо распорѣлѣ узы, копорыми природа оковала языкѣ его, и произнесѣ чисшымѣ и громкимѣ голосомѣ: *воинѣ! не цмерщвляй Креза! Сѣ шѣхѣ самыхъ порѣ говорилѣ онѣ свободно во все продолженіе своей жизни.* Но никакое чудо не прославило сполько Аполлона, какѣ испребленіе Гальскаго воинспва, напавшаго, подѣ предводишельствомѣ Бренна, на Фокиду. Варвары, разбивѣ непріашелей, шли прямо кѣ Дельфамѣ. Успрашенныя

граждане прибѣгли къ своему богу, и богъ увѣрилъ ихъ, что имъ нѣчего бояться. По полученіи помощи отъ союзниковъ, Дельфское воинство вступило въ бой. Тогда-то Аполлонъ оказалъ все свое могущество и пролилъ на варваровъ весь свой гнѣвъ. Земля подъ ними зашептала; мѣсто, на которомъ стоялъ ихъ станъ, разсѣлось въ глубокія пропасти; молніи воспламенили атмосферу, страшные удары грома слѣдовали одинъ за другимъ, и вылезающее изъ нѣдръ земли пламя пожирало воиновъ со всѣмъ ихъ оружіемъ. Повѣснующъ, что въ сей день древніе прои Греціи, носясь на облакахъ, сражались за своихъ соотечественниковъ и помогали имъ карать Галловъ. Ночь довершила ихъ погибель. Выпалъ глубокой снѣгъ; сдѣлался жестокой холодъ; казалось, что всѣ спихіи на нихъ возспали; превеликіе камни, опдѣляясь отъ Парнасса, покапались въ ихъ станъ, и убивали чловѣкъ по прицѣлу и по сороку разомъ. Тогда Фокидяне, пользуясь своимъ преимуществомъ, напали на непріятелей и легко обрашили ихъ въ бѣгство.»

Аминторъ имѣлъ къ симъ чудесамъ такую вѣру, что малѣйшее съ нашей

спороны сомнѣніе показалося бы ему спрашнымъ преспуленіемъ. На другой день прибытія нашего онъ повелъ насъ въ храмъ (*), и дорогою рассказывалъ, какимъ образомъ эпопъ храмъ пришелъ поспепенно въ то соспоянiе, въ какомъ онъ тогда находился. Первое посвященное Аполлону на семъ мѣстѣ зданіе сооружено было изъ лавровыхъ вѣтвей, насѣченныхъ въ долину Темпейской, и походило болѣе на хижину, нежели на храмъ. Пошомъ вмѣсто сего воздвигнуто мѣдной, но земля подъ нимъ провалилась и поглотила его. Наконецъ Амфиктіоны поспроили сей самый каменный храмъ, копорый сущесвуеетъ нынѣ. Приходъ къ нему чепырью чинаровыми аллеями. Число спашуй несчетно. Тамъ находящся всѣ ирои, всѣ боги и полубоги Греціи, изваянные лучшими художниками. Въ сей обширной оградѣ нѣтъ пуспаго мѣста: вездѣ спойтѣ или конь, или аплетѣ, или Викторія. Мы

(*) Древніе храмы имѣли пространное мѣсто, обнесенное стѣнами. Въ оградѣ находились дворы, водоемы, комнашы жрецовъ и свящилище, или храмъ, въ копорой жрецы одни могли входить.

поклонились изображеніямъ Кодра и Мильшіада.

Храмъ построень чепвероугольнымъ замкомъ изъ прекраснаго камня. Въ одной изъ чепырехъ споронъ помѣщены жрецы. Аполлонова спашуя возвышаеяся посреди внушренняго двора. Фроншисписъ сдѣланъ изъ Паросскаго мрамора; на немъ видна слѣдующая надпись мудраго Хилона :

Познай самого себя.

У входа въ ограду находящся два источника, изъ которыхъ одинъ, низвергаясь по скапу горы, образуеъ водопадъ, и называется Касшальскимъ. Оба сіи источника наполняюъ большіе водоемы, въ которыхъ жрецы и всѣ, желающіе воспросить Оракула, очищающся. Преддверіе убрано драгоцѣннѣйшими картинами и множествомъ разнообразныхъ судовъ; въ иныхъ хранищся лустральная вода, въ другихъ мѣшаюъ воду съ виномъ для изліяній. Благочесливый Аминпоръ указалъ намъ многія надписи на колоннахъ, и между прочими слѣдующую:

Никто да не внидетъ сюда съ нечистыми руками.

Фаноръ шепнулъ мнѣ на ухо: «это ошибка; они хотѣли сказать: *свѣтыли руками*.

Мы пришли очень рано; въ храмъ никого еще не было; одинъ только жрецъ караулилъ и мелъ его лавровою вѣпвью, срубзанною у Каспальскаго испочника. Аминпоръ сказалъ намъ, что всякой день одинъ изъ жрецовъ вспадаетъ съ восхожденіемъ солнца и исполняетъ сію должностъ; украшаетъ лавровыми вѣнками двери, стѣны, жершвенники и преножники; наполняетъ Каспальскою водою золотые сосуды и окропляетъ сею самою вѣпвью помостъ, стѣны и двери; попомъ беретъ лукъ, и спирѣлами сгоняетъ пшицъ съ кровли и спашуй. Тогда другой жрецъ подошелъ къ намъ и предложилъ свои услуги; мы поблагодарили его за учтивостъ; но Аминпоръ сказалъ намъ тихонько, что онъ исполняетъ только свою должностъ, будучи къ тому приставленъ, чтобъ водить чужеспранцевъ по храму и по городу, и показывать имъ все достойное любопытства. Сокровища, которыя хранятся въ храмъ, несчетны. Цари, частные люди, всѣ тѣ, которые вопрошаютъ Оракула, присылаютъ со

всѣхъ споронъ сосуды, чаши, преножники, фіалы, спашуи и золошо въ слишкахъ. Видя сполько богатства, Фаноръ не могъ удержашься, чшобъ не сказаць мнѣ на ухо: «можно бы здѣсь поживишь! боги не имѣюшъ нужды ни въ золошѣ, ни въ серебрѣ; они пипаюшся дымомъ. — Но жрецы, опвѣчалъ я, не будушъ дымомъ сыши.»

Нашъ Миспагогъ указалъ намъ на фроншонъ храма изображенія Лапони, Діаны, Аполлона, Музъ, заходящаго солнца, Вакха и Фіадъ. Капищели сполбовъ обвѣшаны были золошыми щипами, славными памянниками побѣды при Мараѣонѣ. «Эпонтъ золошой преножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ, сказалъ намъ жрецъ, посвященъ Аполлону обще всѣми Греками послѣ битвы при Платеи. Бронзовый волкъ подлѣ большаго олшаря принесенъ богу въ даръ Дельфскими жишелями, и вошъ по какому случаю: одинъ злодѣй ограбилъ храмъ и укрылся въ самомъ глухомъ мѣстѣ горы Парнасса; шамъ онъ заснулъ, и во время сна своего расшерзанъ волкомъ; послѣ того сей звѣрь ходилъ каждую ночь въ городъ, наполняя его своимъ вышьемъ. Такое

явленіе показалось сверхъестественнымъ: пошли за звѣремъ въ слѣдъ и нашли сокрытое сокровище.

Вопъ, продолжалъ жрецъ, спашуи Вишона и Клеовида, великихъ силачей, кошорыхъ сыновнѣ благочестіе останешся навсегда образцемъ. Вы знаете, что въ Аргосѣ опправляеся ежегодно праздникъ въ честь Юнонъ; въ эпопъ день блистательная и многочисленная процессія шествуетъ торжественно опъ города до храма богини. Впереди идущъ стю воловъ, украшенныхъ вѣнками, и назначенныхъ на жертвоприношенія и прапезу для присушествующихъ; юноши, покрывые сіяющимъ оружіемъ, замыкающъ и охраняющъ шествіе; по прибытіи же къ храму полагающъ свое оружіе на жертвенникъ. Верховная жрица вдепъ позади всѣхъ на колесницѣ, заложенной двумя прекрасными волами снѣгоподобной бѣлизны.

Кидиппа, мать Вишона и Клеовида, верховная жрица, видищъ шествіе, а волы для ея колесницы еще въ полѣ; она была въ опчаяніи. Сыновья, пронувые сокрушеніемъ своей матери, запрягающся сами въ колесницу и везущъ ее до храма, распоя-

ніемъ сорокъ чешыре спадиі. Когда Кидиппа появилась, то раздались повсюду радостные плески; всякъ за-видовалъ ея щасіію, что она имѣетъ такихъ дѣтей; эшотъ день былъ ея поржеспвомъ и прекраснѣйшимъ днемъ ея жизни. Кидиппа, проливая слезы умиленія, просила Юнону воздашь ея сыновьямъ величайшее блаженство, какого смертный можетъ надѣяться на земли. По совершеніи жершвоприношеній и трапезы, Вишонъ и Клеовидъ заснули въ храмъ, и эшотъ сонъ былъ сномъ вѣчнымъ. Боги конечно хотѣли показашъ, что щасливѣйшій предѣлъ жизни чело-вѣческой естъ смерть. Вишонъ и Клеовидъ, какъ наперсники боговъ, почтены спашуями.

Аминшоръ и жрецъ, вода насъ отъ спашуи къ спашуѣ, рассказы-вали множество чудесъ. Иная повела глазами; другая говорила, эша кивнула головою; та, кошорая предспавлена сидящею, всшавала и долго стояла. Между прочими спашуями было изображеніе одного Спаршанца, у кошораго глаза выпали дни за при предъ смертью. Жрецъ клялся, что всѣ сіи чудеса не подвержены ни малому сомнѣнію; тысяча свидѣтелей,

говори́лъ онъ, видѣ́ли ихъ; и Амин-шоръ въ помѣ́же увѣ́рялъ насъ всею своею вѣ́рою.

Мы долго разсма́тривали Аполлонову спа́пую; она была вся изъ зо́лоша, а рабо́ша превосходи́ла еще ма́перію.

О нача́лѣ оракула вопѣ́ чѣ́то жре́цѣ́ намъ сказа́лъ: «ко́зы, ски́павши́сь по Парна́ссу, подо́шли къ одной разсѣ́линѣ́, изъ ко́пороу выхо́дили ме́фишическі́е пары, и по́пчасъ́ нача́ли прыга́ть и бѣ́ситься ка́къ шья́ныя. Примѣ́шили э́то, и лю́дямъ захо́тѣ́лось испы́тать дѣ́йствіе́ сего́ мѣ́ста надъ со́бою: съ́ ними случи́лось по́же, чѣ́то и съ́ ко́зами: та́ же нево́льная пля́ска, шѣ́ же судоро́ги; въ по́мѣшательствѣ́ ума́ своего́ выгово́рили они́ нѣ́сколько пу́стрыхъ, не́связныхъ́ словъ́, ко́пороу по́пчасъ́ и за́писаны. Нашло́сь, чѣ́то сіи́ слова́ были́ предска́занія́. За́ключили́ изъ́ того́, чѣ́то выхо́дящее́ изъ́ сей сква́жины́ испаре́ніе е́сть прорица́тельный́ духъ́ боговъ́, и на по́мѣ́ самомъ́ мѣ́стѣ́ воздвигли́ хра́мъ. О́пверсші́е нахо́дятся́ вну́при свя́тилища́, и на него́-то́ стави́тся прено́жники́, на ко́пороу восхо́дишь́ Пие́ія.»

Пойде́мте, продо́лжалъ́ жре́цѣ́, я

свожу васъ посмотрѣть Гіампій, той горы, съ кою сверженъ славный сочинитель басенъ Езопъ. Крезъ отправилъ его сюда, нагрузя золомъ, для принесенія великолѣпной жершвы Аполлону, и приказалъ раздать всѣмъ Дельфскимъ жителямъ по чепыре мины на человѣка; но Езопъ, будучи ими недоволенъ, принесъ жершву, а слѣдующія къ раздачѣ деньги возвратилъ въ Сарды. Народъ озлобясь, причелъ ему эшо въ святошашество и осудилъ его на смерть.

Наканунъ того дня, въ который надлежало оракулу прорицать, жители Дельфскіе провели всю ночь въ радостномъ пѣніи, въ музыкѣ и шумномъ веселіи. Опданъ приказъ, чтобъ въ слѣдующій день никто ничего не ѣлъ, кромѣ сыра и опрѣснокъ.

Поутру очень рано, мы, возложивъ на себя вѣнки и взявъ по вѣпви, обвишой бѣлою шерстяною песьмою, отправились къ храму въ полкъ многочисленнаго народа. Иные шли за ошвѣтомъ, другіе изъ любопытства или набожности. Всѣ тѣ, которые хотѣли вопрошать бога, вели какую нибудь жершву: или козу, или овцу, или пелицу; у меня съ Фаноромъ

былъ молодой быкъ. Мы видѣли, какъ лавровое дерево предъ воротами храма запряслось; храмъ даже весь поколебался. Такъ обыкновенно Аполлонъ возвѣщалъ свое присутствіе.

У входа жрецъ очисти́лъ насъ луспиральною водою; мы вручили ему свои вопросы письменно и представили жершву. Жрецы въ вѣнкахъ и повязкахъ, съ распущенными волосами, въ распашныхъ ризахъ, безъ поясовъ, имѣя ноги обнаженныя, повергли ее священнымъ ножомъ, разсмопрѣли съ великимъ вниманіемъ прпепещущія внушренности, и объявили, что они благополучнаго предзнаменованія. Тогда ввели насъ въ одинъ придѣлъ, гдѣ пошчасъ разлилось благоуханіе, подобное запаху драгоцѣннѣйшихъ ароматовъ. Жрецы поздравили насъ съ симъ знакомъ Аполлонова благоволенія и сказали, что никто не знаетъ напередъ минуты, когда такое благоуханіе должно разлпться. Между тѣмъ народъ спекался. Почти всѣ входили въ благоговѣйномъ молчаніи, пошупя взоры и успрема всѣ свои мысли и чувствованія къ божеству; иные молились сшоя, другіе на колѣняхъ; Аминторъ преклонился до земли и поцѣ-

ловалъ ее; нѣкоторые поднимали вѣпвъ свою вѣ небу, другіе цѣловали собствѣнные свои руки и проспѣвали ихъ кѣ спашуѣ. Мы узнали также отъ Аминпора, какимъ образомъ воздаешся поклоненіе богамъ ада: надобно прежде всего для возбужденія ихъ вниманія постучать вѣ землю ногами или рукою.

Одинъ изъ жрецовъ повелъ насъ вѣ свяпилище. Отверстіе было такъ обставлено дарами а, свѣпъ такъ былъ опшуманенъ куреніями и паромъ, выходящимъ изъ земли, что не лзя было ничего разсмотрѣть; самый преножникъ былъ закрытъ лавровыми вѣпвями и кожею змѣя Пиеона. Пиеія пригошавлялась при дни очищеніями, постомъ и жершвоприношеніями; вѣ четвертый поушру выкупалась она вѣ источникѣ Каспальскомъ, вымыла руки и ноги, выпила опредѣленное количество воды, жевала лавровые листья, нащипанные подлѣ источника, и по окончаніи сихъ обрядовъ вошла вѣ провожаніи двухъ жрецовъ. Мы увидѣли маленькую шарушку лѣпъ шестидесяти, болѣе похожую на мумію, нежели на живую женщину: суха, желша, дурно одѣша; словомъ сказаъ, она была

живой образъ шоски ; на лбу ея была повязка, а на головѣ лавровый вѣнокъ. Она опорвала отъ него нѣсколько листовъ, и смѣшавъ ихъ съ ячменною мукою, бросила въ священный огонь ; потомъ напившись воды, которая открываетъ будущее, подошла къ преножнику, но опречалась упорно на него взойти. Жрецы угрозами и насиліемъ принудили ее повиноваться. Она сѣла надъ жерломъ опверстія, и такимъ образомъ приняла въ себя прорицательное испареніе. Едва успѣла она посидѣть нѣсколько времени, какъ сдѣлались ей спрашныя судороги; кровь вступила въ лице, ршомъ пошла пѣна, грудь надулась ; она начала стонашь и вышь ужаснымъ голосомъ. Наконецъ не въ силахъ будучи долѣе выдерживать сильного надъ нею дѣйствія божества, хотѣла сскочить съ преножника ; но два жреца удержали ее насильно. Тогда она разтерзала на себѣ и покрывало и повязку, завывла пуще прежняго, и произнесла дупломъ груди своей нѣсколько словъ, которыя тотчасъ записаны; послѣ чего сошла почти бездыханна.

Жерпивоприносители вручили намъ отъ вѣсть оракула письменно. «Пой-

демъ отсюда , сказалъ мнѣ Фаноръ ; у меня сердце обливается кровью. Эта бѣдная Пиѳія попалась въ руки злодѣевъ , кошорые не знаютъ жалости ; что имъ нужды , что челоѳчество спрaдаеиъ , когда они чрезъ то обогащаются !» Аминторъ подбѣжалъ къ намъ съ веселымъ лицемъ сказать , что внутренности нашихъ жертвѣвъ очень здоровы.— «Тѣмъ лучше для жрецовъ , отвѣчалъ Фаноръ ; ужинъ ихъ будетъ вкуснѣе.»

Какъ скоро Аминторъ ушелъ , то мы прочли данные намъ отвѣпы. Я спрашивалъ , долго ли буду жить , и получилъ въ отвѣпъ :

Виноградъ собираютъ прежде оливокъ.

Фаноръ спрашивалъ , щасливъ ли онъ будетъ въ бракъ. Оракулъ отвѣчалъ :

Сынъ мой ! заложенные въ плуеъ волю раздираютъ землю , чтобъ поля произращали плодъ.

Мы долго искали таинственнаго смысла сихъ загадокъ , но тщетно : Аполлонъ облакалъ ихъ всѣ непроницаемою темнотою. Такими пророчествами жрецы никогда не подвергались опасности обезславить бога своего.

Когда мы шли изъ храма, попалась намъ на встрѣчу еще парочка вопрошателей, любовникъ съ любовницею, оба въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, оба самаго привлекательнаго лица. Любовникъ велъ овцу, а любовница козу. — «За чѣмъ идете, друзья мои? — Вопрошаетъ Оракула. — О чемъ? — Хорошо ли мы сдѣлаемъ, если женимся. — Вы другъ друга любите? — О, конечно! — Чегожъ вы боитесь? — Мы бѣдны. — Но если одинъ изъ васъ отдастъ послѣднюю свою овцу, а другая послѣднюю свою козу, то это не сдѣлаетъ васъ богаче. — Правда. — Повѣрьтежъ мнѣ, друзья мои, не ходите къ Оракулу; оставьте дары свои у себя, они пригодятся вамъ на первое заведеніе дому; и когда ваши сердца уже соединены взаимною склонностью, то не спрашивайтесь никого, кромѣ бога любви и собственнаго своего благоразумія. Женитесь, и небо благословитъ ваше супружество.» Наградивъ ихъ добрымъ совѣтомъ, мы дали имъ нѣсколько денегъ, и они ворожились отъ храма весьма благодарны, весьма довольны, и давъ намъ честное слово, что на другой день вступятъ въ бракъ.

ГЛАВА XII.

Письмо отъ Ласееніи.

Въ Дельфахъ я получилъ письмо отъ любезной моей Ласееніи.

«Здравіе и благоденствіе!

Время не испребляешъ изъ памяти моей злыхъ дней нашей любви. Прошедшее блаженство поршишь всѣ удовольствія и возмущаетъ сладкую пищину наспоющаго. Какъ все уединенно, все пусто вокругъ меня! Философія и дружба единое мое утѣшеніе. Но удалимъ печальныя мысли и спанемъ говоришь объ Аѣинахъ. Не знаю, какъ тебѣ покажется поступокъ философа Аввавка. Не давно домъ его загорѣлся. Какъ скоро онъ увидѣлъ пожаръ, по оставя жену и двоихъ маленькихъ дѣтей, бросился спасать друга своего, который въ то время жилъ у него. Между тѣмъ одинъ изъ двухъ его младенцевъ сгорѣлъ. Когда спали говоришь ему о шакомъ поступкѣ съ удивленіемъ, то онъ отвѣчалъ: «ребенка можно имѣть другаго, но потеря друга невозвращима.»

Нечего сказать тебѣ новаго ни о
 правительствѣ, ни о политическихъ
 дѣлахъ. Народъ таковъ же, какъ
 былъ. Хитрые Демагоги мажутъ его
 по губамъ и усыпляютъ лестью.
 При Солонѣ народу досугъ было
 спрашивать времени въ собраніяхъ;
 каждый гражданинъ былъ занятъ по-
 лезными для себя упражненіями въ
 своемъ домѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ
 всѣ граждане получили право при-
 сущствія, всякой негодяй бѣжитъ
 въ слѣдъ за толпою, шумитъ, тол-
 каетъ людей самыхъ почтенныхъ,
 копорые, чтобы не оспыдишься и
 не навлечь на себя ярости буйной
 черни, принуждены изъ благоразумія
 уклоняться. Все свое время Аѣиня-
 нинъ проводитъ въ томъ, что ша-
 тается по площадямъ, слушаетъ раз-
 сказы вѣсповщиковъ, и спрашива-
 етъ: *нѣтъ ли чего новаго?* Говоря
 вообще, не лзя сказать, чтобы не
 было въ характерѣ Аѣинскаго народа
 много хорошаго; на примѣръ: онъ не
 имѣетъ недосыпка въ чувствитель-
 ности, но въпренъ, непосоя-
 ненъ, празденъ и легковѣренъ. Те-
 перь у насъ что-то не очень тихо;
 кажется, какъ будто собирается гро-
 за; мятежъ неминуемое слѣдствіе

Демократических правлений. Я живу за городомъ, и слѣдую правилу Пифагора: во время бури обожай эхо.

За не имѣніемъ политическихъ новостей буду говорить тебѣ о нашихъ философахъ.

Помнишь Циника Крапеса: у него ошѣ Иппархія двѣ дочери, дѣвочки еще очень молоденькія; онѣ опдалъ ихъ на пробу двумъ своимъ ученикамъ, съ тѣмъ, что по прошествіи одного мѣсяца власны они или женишься на нихъ, или опослашь ихъ назадъ. Какъ тебѣ кажется эпитѣ философической договоръ?

Ты зналъ Пропагора? Правительствово осудило его на изгнаніе; а послѣднее его сочиненіе, въ копоромъ онѣ написалъ: *не могу убѣдительно сказать, есть ли боги, повелѣно сжечь.* «Главное, что наводишь мнѣ сомнѣніе о существованіи боговъ, говоритъ онѣ, есть то, что нѣкоторые уже въ томъ сомнѣвались, и крапкость человѣческой жизни.»

Онѣ полагаетъ, что душа не разнишя ошѣ чувствъ: вошѣ чиспый машеріализмъ! Ахъ, мой другъ! какой мракъ! какая бездна неизвѣстностей! Кто я? Откуда я? Куда иду?

Какая вѣчная и глубокая матерія споровъ и размышлений!

Сословіе жрецовъ возспало на Анаксагора, того философа, опъ котораго пы слыхалъ, что онъ предпочипаетъ каплю мудрости бочкамъ золоша. Обвиняютъ его въ злочесціи и беззаконіи, хопя онъ признаетъ вышнее Сущесство, устроившее хаосъ. За неявкою его къ суду онъ приговоренъ къ смерти. Когда ему о семъ сказали, онъ опвѣчалъ спокойно: «давно уже напура изрекла шакой приговоръ и на меня и на судей моихъ.»

Вотъ еще новосць и очень новая. Преславная Лаиса изволила опправиться на тошъ свѣшъ. Говорятъ, будпо она поѣхала съ однимъ молодымъ человѣкомъ въ Фессалію, и шамъ погибла опъ рукъ Фессальскихъ женщинъ, копорыя заманивъ ее въ Венеринъ храмъ, убили камнями; другіе увѣряютъ, что она пала подъ знаменами бога Купидона опъ неумѣреннаго наслажденія. Нрависься ли тебѣ эша кончина? Какъ бы то ни было, смерть пожала не весенній цвѣшокъ. Сказываютъ, что она за нѣсколько времени до того, чтообъ ошпашься общесству полезною, сдѣлалась своднею.

Можешъ бышь ты не знаешь мадригала, копорый сочиненъ на шотъ случай, когда она поставила свое зеркало въ Венеринъ храмъ:

Отдаю его Венерѣ, потому что она всегда прекрасна. Сіе вѣрное зеркало лишь умножаетъ грусть мою. Не могу видѣть себя ни такою, какъ я была, ни такою, какъ я теперь.

Нашъ полъ не умѣетъ старѣться. Кажется однаковъ, что книги, упражненія, здоровье, пижія, невинныя склонности, сладость дружбы, моглибъ замѣнить щепетный и скоропреходящій блескъ молодости и красоты.

Философъ Клеанѣ скончался. По мнѣнію однихъ, онъ умеръ какъ чужакъ, а по мнѣнію другихъ какъ истинный философъ. Онъ занемогъ, и по предписанію врача своего нѣсколько времени не употреблялъ никакой пищи; когда ему спало легче, тогда врачъ разрѣшилъ свое запрещеніе. «Не споймѣ пруда начинать снова жить», сказалъ Клеанѣ; когда уже я попалъ на дорогу, то и пойду прямо по ней.» Не могли никакъ уговорить его; онъ уморилъ себя голодомъ. Эшотъ оригинальный конецъ напоминаетъ мнѣ смерть Демокри-

шову. Сей философъ, будучи упом-
ленъ бременемъ дряхлой старости,
вознамбрился прекрашнть свои спра-
данія посредствомъ голода. Сестра
упросила его, чшобъ онъ по крайней
мѣрѣ опложилъ свое намѣреніе до со-
вершенія трехъ Церериныхъ празд-
никовъ; и Демокрипъ, въ угодность
ей, пилался медомъ, и жилъ еще нѣ-
сколько дней. Я нахожу въ нашихъ
философахъ чудную смѣсь ориги-
нальности, добродѣтелей и спран-
ностей, которыя кажутся несомѣ-
стными. Надобно искашь рѣшенія
этой задачи въ самолюбіи.

Вопъ, мой милой другъ, все, что
я нашла въ тебѣ написать, и по-
едва могла выбрашь изъ тысячи одной
глупости, которыя здѣсь всякой
день рассказываютъ. Праздность
великая охотница до вѣстей. Да, по-
забыла сообщить тебѣ о чудной пе-
ремѣнѣ жизни Полемона, одного изъ
тѣхъ молодыхъ людей, которые сла-
вятся любезностью и распушствомъ,
и какихъ въ Аѳинахъ множество.
Этотъ, какъ и всѣ ему подобные,
полагалъ вышнее блаженство въ ус-
лажденіи чувствъ, въ нѣгѣ и празд-
ности. Онъ человѣкъ очень умной,
но со стороны благоразумія и вкуса

весьма не похожъ былъ на Аристиппа и Эпикура, которые хотя и не опмешаютъ чувственныхъ удовольствій, но предпочитаютъ имъ однакожъ удовольствія ума и сердца. И дѣйствительно, что въ благополучіи такого человѣка, который ограничивается одними машинальными чувствованіями; который не умѣетъ размножать и украшать своихъ наслажденій просвѣщеннымъ разумомъ и разборчивостью! Если онъ щасливъ, то конечно не больше, какъ и всякое пресмыкающееся животное.

Обращаюсь къ Полемону. Онъ провелъ всю ночь на пирѣ у Таисы, и вышелъ отъ нее уже пошлру въ самомъ безобразномъ видѣ, въ безуміи отъ любви и вина; волосы его всѣ были всклокочены, грудь обнажена, обувь почти свалилась, вѣнокъ изорванъ, ноги подъ нимъ дрожали. Въ семъ состояніи видя отъ него, что дверь Ксенократовой школы опворена, входя отъ него, садился, слушаетъ минушныя дѣла, насмѣхается надъ философомъ и его учениками; говорилъ ему, что онъ промѣнялъ бы всю его мораль, всѣ его прекрасныя правила на одну чашу Хіосскаго вина, или на поцѣлуй Таисы. Ксенократъ не сму-

щається, и начинаєть говорить о воздержности и скромномъ поведеніи. Спокойная важность философа усмирила нѣсколько дерзость молодого вершопраха; онъ началъ слушать внимательнѣе, и мало по малу сталъ приходиться въ чувство. Наконецъ пронулся до глубины сердца и устыдился своего состоянія. Ксенократъ продолжалъ рѣчь, и Полемонъ по смущался, по наклонялся пихонько, смотря, чтобъ другіе того не примѣтили, и поправлялъ на себѣ обувь, рвалъ свой вѣнокъ, закрывалъ епанчею голыя свои руки. Съ тѣхъ поръ ведетъ онъ жизнь преспрогую, не упошребляеъ вина, и приучаеъ себя къ швердости. Не можно надивиться, какъ скоро онъ себя передѣлалъ. Недавно, при множествѣ людей, укусила его собака, о которой думали, что она бѣшеная; всѣ испугались, онъ только одинъ даже не поморщился. Уединеніе любитъ нынѣ столько же, сколько прежде любилъ жизнь разсѣянную; его философія практическая; онъ говоритъ, что надобно больше дѣйствовать, нежели умствовать. Теперь его жилище въ маленькомъ саду; у него уже есть ученики, и всѣ строятъ себѣ хи-

жины вокругъ учительской. Ему не больше шридцати лѣтъ отъ роду.

Сію минушу сказывающъ мнѣ объ одной сценѣ, копорая должна происходить на площади. Надобно думать, что она будетъ очень забавна. Спѣшу труда, прощай; что увижу, то тебѣ сообщу.

Видѣла, и очень довольна; подлинно презабавная сцена. Но прежде надобно тебѣ знать особу, копорая на свой счетъ насъ повеселила. Эта особа называется *Анаксандридъ*, и сочиняетъ комедіи. Многія изъ его твореній были весьма хорошо приняты, попому что онъ завязалъ ихъ на любовныхъ интригахъ, и представлялъ обольщенныхъ дѣвушекъ, оплакивающихъ свою невинность. Наша публика всегда принимаетъ хорошо все то, что ново; но онъ выдаетъ свои сочиненія безъ поправки. Суди же, каковы онъ должны быть для чтенія! Крипики не терпятъ, и опражаетъ ее досаднымъ образомъ. Эпопъ духъ надменнаго самолюбія составляетъ главную черту его характера. Впрочемъ онъ собою видѣнъ, счастенъ и хорошъ, одѣвается богато, и окружаетъ себя величайшею пышностью. Внѣшность его многихъ

обманивается. Сцена, о которой я говорю, изображаетъ очень хорошо его спѣсъ, и довершаетъ порпретъ. Онъ повѣстилъ публикѣ, что будетъ читать комедію подъ порпикомъ вѣпораго Архонта. Всѣ кинулись шуда шолпою. Анаксандридъ прѣхалъ на прекрасной лошади, и самъ великолѣпно убралъ, и началъ читать не сходя съ своего коня. Сначала комедія понравилась, и на лицѣ Автора живо изображалось, сколько онъ собою доволенъ. Когда чтение дошло почти до половины, то нѣкошорые признаки охуденія помушили его радость. Онъ вскинулъ на народъ презришельный взглядъ, и народъ замолчалъ. Но какъ ропотъ снова безпокоилъ нѣжный слухъ сего поэта, то онъ потчасъ изорвалъ рукопись въ клочки, и посреди свиста и громкаго смѣха удалился гордо самымъ тихимъ шагомъ.

Проси, мой милый другъ! сердце мое не можетъ съ тобою разстаться. Сколько бы я къ тебѣ ни писала, оно никогда не удовольствуется. Мысль моя такъ наполнена тобою, что я иногда забываюсь и думаю, что ты сидишь подлѣ меня, говорю съ

Актен. Т. II.

И

шобою ; но щаспливая мечта исчеза-
етъ, и слезы умиленія, слезы нѣжной
любви капящся изъ глазъ моихъ. На
что ни посмопрю, безъ тебя все, ка-
жешся, спало печально. Можешъ
бышь, я ошибаюсь, можешъ бышь
мракъ моего унынія ошемняешъ, въ
глазахъ моихъ природу. Ахъ, любез-
ный Аншеноръ! швое присущствіе
перемѣнило бы все: самая мрачная
ночь освѣтилась бы свѣтомъ при-
ятнѣйшаго дня. Здоровье Арисшип-
ново опчасу слабѣе. Какъ разрушеніе
совершается помаленьку, безъ насилія
и безъ скорби, то онъ, такъ сказать,
играетъ съ смерщю ; онъ спараеш-
ся, сколько можно, пользоващся
малымъ оспашкомъ своей жизни. Но
равнодушіе, съ какимъ сей достой-
ный другъ смопришъ на приближеніе
конца своего, не умаляетъ моего объ-
немъ безпокойства: воображеніе вѣч-
ной разлуки перзашельно! Будь здо-
ровъ и щаспливъ!»

Сіе письмо возобновило мою шоску
и любовь. Я впалъ въ уныніе; жизнь,
какъ шяжелое бремя, удручала мою
душу. Фаноръ упошреблялъ всѣ свои
спаранія развеселишь меня своею
веселосщю, ласками дружбы и пра-
вилами философіи, и въ семъ намѣ-

реніи убѣждалъ меня опсправившись скорѣе въ Спаршу.

Мы простились съ набожнымъ Аминшоромъ, который, думаю, очень былъ радъ, что избавился отъ такихъ гостей. Онъ вѣрно очистишь свой домъ пошчасъ послѣ нашего опбышя, пошому что почишалъ насъ беззаконниками.

ГЛАВА XIII.

Путешествіе въ Спаршу. Пробѣдомъ живутъ въ Давлисъ и Коринѣ. Діанинъ праздникъ. Встрѣга на корабль съ Діагоромъ. Прибытіе въ Эпидавръ и вступленіе въ Лаконію.

И такъ мы опсправились въ сей знаменистый городъ, котораго нравы, законы и обычаи совершенно противоположны правамъ, законамъ и обычаямъ всей прочей Греціи, а особливо Аѣинскимъ.

На пуши къ Давлису находишся дорога, называемая развилистою, дорога обогренная кровію Лаія. Тутъ-то Эдипъ встрѣтился съ отцемъ своимъ и по несчастію убилъ его. Сшарацъ и служитель зарыши на

шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они пали. Нѣсколько прекрасныхъ плитъ дикаго камня составляютъ все украшеніе гробницы. Воспоминаніе сего произшествія поразило насъ ужасомъ; мы не могли безъ содроганія приблизиться къ памянику.

Давлисъ весьма малолюденъ; но жители почитаются великорослѣйшими и крѣпчайшими изъ всѣхъ Фокидѣй. Сей городъ былъ сценою страшнаго мщенія. Женщины убили Пиреева сына, и предложили на пиршествъ члены его въ пищу несчастному опцу. Пиръ достойный Эвменидъ!

Мы продолжали путь, по своему обыкновенію, по пѣшкомъ, по верѣхъ, и прибыли въ Коринѣ здоровы и веселы.

Коринѣскій перешеекъ соединяетъ Пелопонесъ съ прочею Греціею. Городъ лежитъ на горѣ по срединѣ перешейка, въ шестидесяти стадіяхъ отъ одного и отъ другаго моря. Множество общественныхъ зданій и очень хорошихъ домовъ украшаютъ его. Театръ, въ которомъ народъ собирается подѣламъ правленія, великолѣпный монументъ. Поприще сооружено изъ бѣлаго мрамора.

Опшуда до храма Непшунова просшираешся гульбище, усаженное съ одной спороны прямымъ рядомъ сосенъ, а съ другой украшенное спашуями Аплетовъ, копорые побѣдили на Испмическихъ играхъ. Показали намъ купальни, гдѣ прекрасная Елена покоила нѣжные свои члены; онѣ названы по ея имени, и наполняющся обильнымъ источникомъ, копорый печетъ съ вершины одного утеса и повергаешся въ море; вода шепла и солона.

Мы съ удовольствіемъ видѣли другой источникъ, украшенный бронзовымъ изображеніемъ Непшуна. Лежащій у ногъ его дельфинъ изливаетъ воду въ большую купель. Кругомъ стоятъ спашуи Аполлона, Венеры, двухъ Меркуріевъ и шрехъ Юпитеровъ.

По срединѣ площади возвышаешся на пьедесталѣ богиня художествъ и мудрости; Музы, вѣрныя ея подружки, изображены на подножіи въ выпукломъ видѣ.

Источникъ Пирены привлекъ наши взоры; мы пожалѣли о участи несчастной, отъ копорой онѣ получилъ свое названіе. Сынъ ея, гоняясь за звѣрями, погибъ отъ діаниныхъ стрѣлъ;

Пирена пролила столько слезъ, что она превратилась въ источникъ. Подлѣ, какъ нарочно для услажденія горести ея, поставленъ любезнѣйшій изъ боговъ, Аполлонъ, въ полномъ сіяніи молодости, во всей его красотѣ. Сей источникъ обложенъ бѣлымъ мраморомъ, и окруженъ сѣбною, имѣющею локопъ высоты, на которой представлено рѣзбою сраженіе Улисса съ любовниками Пенелопы. По берегу множество маленькихъ грошовъ.

Послѣ обѣда, когда зефиры нѣсколько прохладили воздухъ, мы пошли на пригорокъ, на которомъ стоитъ цитадель. При входѣ, прежде всего, представляется зрѣнію Венеринъ храмъ. Ея спашуя, покрывая блестящимъ оружіемъ, стоитъ посреди спашуй Купидона и Солнца. Коринѣяне поклонялись сему свѣшлу еще прежде, нежели Венерѣ. Съ высоты холма богиня, кажется, простираетъ владычествующій взоръ на землю и моря. Мы, будучи не столько честлюбивы, и не желая никакого владычества, смотрѣли однакожъ съ удовольствіемъ на два залива, куда рѣзвыя волны, играя между собою, текутъ разрушиться. Наши

глаза обнимали горы Парнасса и Геликона, и съ пріяпношью опдыхали на Аѣинской цидашли и богатыхъ поляхъ Сиціонскихъ.

Множесиво общеспвенныхъ купальней и обильныхъ родниковъ дѣлають Коринѣ очарованнымъ жилищемъ. Фаноръ болѣе всего восхищался красою женщинъ. Коринѣянинъ, родясь въ роскоши и нѣгѣ, любилъ художества и забавы. Женщина, копорая посвящаетъ себя на удовольствіе Публики, у него въ превеликомъ почщеніи; онъ покланяется ей почти какъ самой Венерѣ. Послѣ опступленія Ксерсова Республика приписала свое спасеніе ходатайству сихъ женщинъ, и повѣла изобразить ихъ на каршинѣ, точно какъ Аѣиняне написали портреты своихъ вождей послѣ битвы при Мараѣонѣ. Сіи два народа чрезвычайно предубѣждены къ своему опечесству. Аѣиняне ушверждають, что боги спорили между собою, кому достанется Аппика; а Коринѣяне полагають такую же распрю о своей землѣ между Солнцемъ и Нептуномъ.

Пригласили насъ на Діанинъ праздникъ, на приспанъ Кенхрійскую.

Тогда было при началѣ весны; земля улыбалась отъ любви и удовольствія. День сего праздника казался шоржесвомъ напуры. Она выспавляла всѣ свои сокровища; раждающаяся зелень, споль пріятная зрѣнію, разстилалась по полямъ; деревья одѣвались листвіемъ и цвѣтами; волны морскія съ пихимъ журчаніемъ пропешная, сокрушались при берегѣ; несчетныя толпы радостнаго народа наполняли всѣ пущи. Они соединялись въ храмъ, откуда процессія отправилась съ великою пышностію. Каждый былъ одѣтъ по своему капризу и набожности: иной представлялъ воина; другой, съ рогашиною въ рукѣ и маленькимъ мечемъ на боку, одѣтъ былъ охотникомъ; сей, во всѣхъ украшеніяхъ прекраснаго пола, въ позолоченныхъ башмакахъ, подражалъ походкѣ и ухваткамъ женщинъ; тотъ выступалъ въ видѣ гладіатора, въ коропкихъ сапогахъ, неся щитъ, копье и мечъ; рядомъ съ нимъ шелъ Градоначальникъ въ багряной ризѣ, а передъ нимъ несли пуки; другой, нарядясь философомъ, выступалъ въ епанчѣ, съ палкою въ рукѣ, съ густою бородою, обутъ въ сандаліи; иные наряжены были пшицеловами,

рыбаками: первые несли камышѣ обмазанный клеємѣ, другіе шли съ удами. Но слѣдующее явленіе было всего забавнѣе: принесли ручнаго медвѣдя; онѣ сидѣлъ на носилкахѣ, за нимѣ слѣдовала обезьяна въ шишой шапкѣ, въ одеждѣ Фригійской, шафраннаго цвѣта; она держала золотую чашу и представляла Ганимеда. Фанорѣ былъ шакого мнѣнія, что не худо бы обезопасить ее отъ Юпитеровыхъ любовныхъ покушеній спражею. Видѣнѣ былъ еще крылатый оселѣ, провожаемый дряхлымѣ спарикомѣ. Богиня праздника шествовала во всей своей славѣ посреди сего радостнаго народа; предѣ нею шелъ сонмѣ женщинѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, въ вѣнкахъ; онѣ несли разныя вещи и усыпали дорогу цвѣтами. У многихъ за плечами были зеркала, чтобѣ Діана могла видѣть всѣхъ шѣхъ, копорыя шли позади. Нѣкопорыя махали гребнями, представляя, какѣ будто онѣ разчесываютѣ богинѣ волосы; другія изливали предѣ ея снопами по каплѣ драгоцѣнныхъ благовоній. Несчастная шолпа разсѣяннаго вокругѣ спашуи народа несла факелы, восковые свѣпильники, лампады и всякаго рода искусственные огни. Воз-

духъ наполнился пѣніемъ и звуками флейтъ. Блистательное юношество въ бѣлой одеждѣ пѣло попеременно духовные стихи, въ которыхъ изъяснялась причина сего праздника. Спража удаляла народъ и очищала пушь кумирамъ. За изображеніями боговъ слѣдовали допущенные къ священнымъ пѣніемъ въ ризахъ изъ бѣлаго сѣгоподобнаго полотна. У женщинъ волосы были напшаны благоуханіями, и обвязаны флеромъ; бришья головы мушинъ сѣшлись какъ воскъ. Сей священный сонмъ, неся мѣдныя, серебряныя и даже золотыя сиспры, наполнялъ воздухъ громкимъ звукомъ. Потомъ шли главные служители богини также въ бѣлыхъ полотняныхъ ризахъ, которыя просѣпирались до самыхъ пятъ.

Верховный жрецъ имѣлъ золотой свѣщильникъ, сдѣланный продолговатымъ ковшемъ; другой несъ маленькіе жертвенники; у шрепьяго былъ въ рукъ Меркуріевъ жезлъ съ златолиственною пальмою; четвертый шелъ, возвыся лѣвую руку, символъ правосудія, а въ другой держа золотый сосудъ, имѣвшій подобіе женской груди, и наполненный молокомъ, которое онъ изливалъ; пятый под-

держивалъ золотого шельца, наполненнаго вѣшьями изъ того же металла.

За шѣмъ непосредственно слѣдовали кумиры. Одинъ съ собачьею головою изображалъ Анубиса; другой, посланникъ боговъ, имѣлъ въ одной рукѣ жезлъ, а въ другой зеленую пальму. За нимъ видна была корова, поднятая на заднія ноги, изображеніе богини, плодородной матери всѣхъ вещей. Одинъ жрецъ несъ ее на плечахъ, гордясь своимъ бременемъ; другой несъ корзину, въ которой заключены были сокровенности закона; у прешьяго въ рукѣ была маленькая золотая урна, круглая со дна, на которой вырѣзаны были Египетскіе іероглифы. Сія урна представляла божество, и означала изыщенье закона, коего тайнства должны быть непроницаемы.

По долговременномъ шествіи, при радостныхъ восклицаніяхъ и молитвахъ всего народа, процессія достигла моря и поставила кумиры на берегу. Верховный жрецъ посвятилъ богинѣ корабль, построенный изъ лимоннаго дерева, и во всѣхъ частяхъ очень хорошо опрабошанный. Прежде очисти́ли его горящимъ пламен-

никомъ, яицомъ и сѣрою. Сей корабль изпещренъ былъ весь Египетскими іероглифами. На бѣломъ его парусѣ изображены были большими буквами молишвы мореплавателей; а на кормѣ блисталъ золотой рѣзной гусь. Жрецы и народъ носили наперерывъ корзины съ ароматами и другими въ жерпвоприношеніяхъ употребительными вещами, и бросали все оное въ корабль. Лили въ море составъ, сдѣланный изъ молока и другихъ жидкостей. По нагруженіи корабля дарами, сняли якорь, и пошчасъ благопріятный вѣтерокъ удалилъ его отъ берега. Какъ скоро онъ ушелъ изъ виду, то жрецы подняли кумиры, и вся процессія возвратилась въ храмъ шѣмъ же порядкомъ и съ такимъ же оказаніемъ радости.

По возвращеніи къ храму верховный жрецъ, шѣ, которые несли кумиры, и допущенные къ таинствамъ, вошли въ святилище и поставили боговъ на ихъ мѣста. Одинъ изъ Пасшофоровъ, стоя на превысокой каедрѣ, произнесъ молишвы о всѣхъ присутствующихъ, о благополучномъ мореплаваніи, и благоденствіи опечесства и кончилъ оппускомъ народа. Народъ опвѣчалъ восклицанія-

ми: да послужитъ сей праздникъ къ благу общему! и всѣ бросивъ предъ кумиромъ богини нѣсколько оливковыхъ вѣшвей, желѣзняку и цвѣпочныхъ вѣнковъ, и приложившись къ ея ногамъ, разошлись по домамъ очень веселы.

Фаноръ во время сего продолжительнаго шествія приспалъ къ двумъ Коринѣянкамъ. Одна изъ нихъ была молода и прекрасна; другая (мать ея) имѣла шотъ возрастъ, въ которомъ Гекуба доспалась на часъ Улиссу. Фаноръ, прельсаясь молодою Тимандрою, распочалъ ей всѣ ласкашества и угожденія, какія волокитство можетъ придумать. Она отвѣчала ему глазами и улыбкою. Онъ предложилъ матери проводить ихъ до города; мать согласилась, и Фаноръ былъ въ восхищеніи. Но по окончаніи церемоніи, одинъ молодой жрецъ подошелъ къ Тимандрѣ, и шотчасъ сладкія движенія радости изобразились на ея лицѣ. Сіе нѣсколько охолодило раждающуюся Фанорову любовь; но всего ему досадило было то, что дочь совсѣмъ объ немъ позабыла, и оставила его заниматься спарухою. Давъ слово соповариществу имъ до Коринѣа, онъ не зналъ, какъ отъ

нихъ опдѣлаться; наконецъ выдумалъ сказать, что общался Діанѣ, по Пифагорову установленію, очистишься семь разъ въ морѣ, и что онъ идетъ исполнить свой обѣтъ, послѣ чего постарается ихъ догнать. Но Фаноръ, вмѣсто купанья, пошелъ искать меня, и мы тотчасъ сѣли на корабль, который отправлялся въ Эпидавръ.

На семъ кораблѣ нашли мы Діагора, прозваннаго безбожникомъ. Ученые и остроумные разговоры его сдѣлали сей переѣздъ весьма для насъ пріятнымъ. Онъ рассказалъ намъ случай, который ввергъ его въ безбожіе. «Веноръ укралъ у меня поэму; я позвалъ его въ судъ: онъ дерзнулъ произнести ту спрашную клятву, ошъ которой самые злодѣи содрогаются. Мы сошли въ подземные храмы Цереры и Прозерпины. Послѣ обыкновенныхъ жертвъ, вѣроломецъ въ Прозерпининою мантии, съ горящимъ пламенникомъ въ рукѣ, каялся, что сочиненіе принадлежитъ ему; призвалъ боговъ во свидѣтельство своей справедливости, и въ слѣдующій день обнародовалъ украденную поэму за свою. До шѣхъ поръ я былъ святоша, даже суевѣръ; но когда уви-

дѣлѣ, что громъ Юпишеровъ не караеиъ этого бездѣльника и попускаеиъ ему пользоваться спокойно плодами его воровства, что перешагъ вѣроваиъ въ боговъ.

Съ начала нашего пути погода была тихая и благополучная, но скоро возспала буря: вѣтры зашумѣли, волны поднимались какъ горы, и каждый мигъ угрожали поглотить наше плѣнное судно. Машросы, начальники, пассажиры, всѣ зывали въ Непшуну, Оешидѣ, Нерею. Діагоръ, Фаноръ и я, лежа одинъ подлѣ другаго, ожидали судьбы своей, не безпокая безсмертныхъ. Между плѣмъ машросы начали поговариваиъ, что они сами навлекли на себя погибель приняиъ на корабль безбожника. Не трудно было догадаиъся по ихъ виду, что они намѣревались бросиъ Діагора въ море, а можеиъ быиъ и насъ вмѣстѣ съ нимъ. Діагоръ, не шакой будучи человекъ, чтобъ чего нибудь испугаиъся, сказалъ имъ спокойно: «смотрише, сколько кораблей, кромѣ нашего, буря мечеиъ по волнамъ; не уже ли я нахожусь въ каждомъ изъ нихъ? Не мучише себя, друзья мои, пустымъ воображеніемъ; боги не мщи-

шельны; много естъ бездѣльниковъ, кошорымъ они попускаюшъ жишъ.» Сія Діагорова догадка и безбоязненный духъ его спасли насъ отъ смерти.

По прибытіи въ Эпидавръ онъ еще доказалъ намъ свое невѣріе, и очень забавнымъ образомъ. Мы были въ Непшуновомъ храмѣ, коего стѣны всѣ устлавлены картинами, принесенными въ даръ отъ пѣхъ, копорые покровительствомъ сего бога спаслись на морѣ. «Кто можетъ не обожать владыки морей, видя столько доказательствъ его могущества, сказалъ одинъ изъ жрецовъ! — Я не вижу здѣсь, ошвѣчалъ Діагоръ, картинъ отъ пѣхъ, копорые погибли, не смотря на ихъ молишвы и обѣщы.» Въ другое время мы хотѣли приготовить обѣдъ, но не было у насъ дровъ! Діагоръ увидя вѣхій деревянный кумиръ, копорый представлялъ Геркулеса, раскололъ его и сказалъ: «севодни ты долженъ сварить намъ кошелъ; эшо будетъ послѣднимъ твоимъ подвигомъ.» Мы во весь ужинъ шутили и смѣялись на счетъ Геркулесовой божественности.

Діагоръ, подъ веселой часъ, открылся намъ, что Аѣинской Ареопаги

положилъ голову его въ цѣну, и обѣщаль палантъ пому, кпо его убьешъ, и два, кпо приведетъ живаго. Послѣ сей довѣренности поварищесство съ нимъ было уже намъ непріятно; мы опасались, чтобъ не поспрадашь за него, и какъ скоро благоприспосойность позволила, то разпрощались съ нимъ.

Городъ Эпидавръ посвященъ Эскулапу, и, какъ сказывають жители, вошъ по какой причинѣ: дочь Флегія, одного изъ величайшихъ воиновъ того времени, была любима Аполлономъ и сдѣлалась беременною. Въ намѣреніи скрыть проступокъ свой отъ отца, она удалилась къ Эпидавру, и тамъ разрѣшась отъ бремени, положила новорожденного младенца на горѣ. Коза пипала его своими сосцами, а собака того спада была его спражемъ. Однажды паспухъ искавъ козу и собаку, нашелъ ихъ подлѣ младенца. Онъ хотѣлъ его унести; но увидя около его сіяніе, знаменіе божества, не дерзнулъ къ нему прикоснуться. Тотчасъ разнесся слухъ, что родился чудотворный младенецъ, исцѣляющій недуги и воскрешающій мертвыхъ. Надъ воротами храма находится слѣдующая

надпись: *входъ сюда позволенъ только гистымъ душамъ*. Кумиръ Эскулаповъ сооруженъ изъ золота и слоновой кости; онъ представленъ на тронѣ, у ногъ его собака; одною рукою держитъ палку, а другая лежитъ на змѣиной головѣ.

Лѣсъ, къ которому храмъ примыкаетъ, обнесенъ оградой. Тамъ не допускающъ ни единого человека умереть, ни единой женщины разрѣшившись отъ бремени. Всѣ приносимыя богу жертвы должны быть испреблены внутри ограды. Вкругъ храма построены дома для пришлыхъ богомольцевъ; одна большая храмина уставлена ложами, на которыхъ вопрошающіе бога, выложивъ на столъ плоды, опрѣсноки и другіе дары, препровождаютъ ночь. Фаноръ, любознѣсively узнавъ обряды, припворился больнымъ. Одинъ изъ жрецовъ велѣлъ ему наблюдать глубокое молчаніе, пропившись сколько можно сну и внимая мечтамъ, которыхъ богъ ему пошлетъ; послѣ чего онъ погасилъ свѣщильникъ и унесъ дары.

На другой день Фаноръ сказалъ мнѣ, что онъ не видѣлъ ни одного сна, но слышалъ голосъ мнимаго

Эскулапа. Сей богъ совѣщевалъ ему опшравившися на шри мѣсяца въ островъ Косъ, опечество славнаго Иппократа, и увѣрялъ, что воздухъ того мѣста исцѣливъ болѣзнь его; но Фаноръ общался выздоровѣть и безъ сего путешешствія. Одна женщина, уроженка изъ Лесбоса, увѣряла меня, что она видѣла во снѣ бога самаго, который однимъ прикосновеніемъ къ ея груди вылечилъ ее навсегда отъ боли въ желудкѣ.

Змѣи посвящены Эскулапу. Жрецы кормящъ одного во внутренности храма; онъ повинуется ихъ голосу, обвивается около ихъ шѣла, и принимаетъ пищу изъ ихъ рукъ. Намъ сказано, что сей змѣй выходитъ весьма рѣдко; но по щасстью, въ бытность нашу въ Эпидаврѣ, онъ изволилъ показать себя на улицахъ. Онъ ползъ величественно; и какъ народъ почищаетъ за хорошій знакъ встрѣтившися съ нимъ, то радость блистала на всѣхъ лицахъ. Молились ему, преклонялись предъ нимъ, и многіе принимали его за бога самаго. Говорящъ, что не оспалось ни одной сумазбродной системы, которая бы не была въ головѣ какого нибудь философа; также

справедливо можно сказать, что нѣтъ глупости, которой бы разумъ человѣческой не заплашилъ дани.

Эпидаврцы торжествуютъ ежегодно великолѣпные праздники въ честь Эскулапу. Въ лѣсу находишь великое множество сполбовъ, съ именами тѣхъ особъ, которыхъ сей богъ исцѣлилъ, и съ описаніемъ ихъ болѣзней и врачеванія. Близъ города есть роща, посвященная Діанѣ, гдѣ спашуя представляешь сію богиню въ одеждѣ звѣроловительницы.

Изъ Эпидавра мы продолжали путь свой въ Спарту сухимъ путемъ; аппешии и веселости были вѣрными нашими поварищами. Фаноръ былъ чрезвычайно забавенъ. Пока любовь не возмущала духа его, онъ ни на минушу не задумывался; но когда проклятый Купидонъ пронзалъ его своею стрѣлою, то нравъ перемѣнялся удивительнымъ образомъ; тогда онъ питался только жалобами и вздохами. По щасію, любовныя его лихорадки были перемѣжающіяся; одинъ взглядъ воспалялъ огонь, и одинъ день отсутствія погашалъ его. Прелестная Теофанія была уже на ряду съ божественною Теоною; то есть, обѣ равно изглажены изъ

сердца, обѣ равно преданы забвенію. Онѣ рассказывалѣ мнѣ, что въ четырнадцатѣ лѣтѣ отъ роду влюбился въ снѣжную Венеры, украшалъ ее цвѣтами, вздыхалъ у ногъ ея, посвящалъ ей стихи, обнималъ ее, словомъ сказать: сдѣлался въпорымъ Пигмаліономъ. Сіе сумасшество продолжалось до шѣхъ поръ, пока онѣ однажды въ жару спраси ухватилъ свою любезную съ такимъ воспортомъ, что снѣжная упала и чужь его не задавила, чѣмъ и кончилась любовь его.

Мы прибыли очень поздно въ Гелосѣ, коего жипели, порабощенные Спаршанами, получили названіе Гелоповъ или Илоповъ. Здѣсь мы только переночевали. Сей городъ представляетъ вездѣ картину рабства.

Доспигнувъ Эвроскихъ горъ, увидѣли мы человека, который безъ оружія, съ помощію однихъ рукъ своихъ, сражался съ преспрашнымъ волкомъ. Мы закричали изо всей силы и бросились ему на помощь. Волкъ испугавшись, оставилъ добычу и побѣжалъ. Я думалъ, что найду прошивника его полумершвымъ отъ спрахъ, блѣднымъ, ушомленнымъ; но вмѣсто того онѣ былъ въ такомъ

ожесточеніи, что хотѣлъ еще гнаться за своимъ непріятелемъ, и погнался бы, если бы волкъ не скрылся изъ виду. Храбрый нашъ ратоборецъ былъ весь покрытъ кровью. Когда мы ему о томъ сказали, то онъ отвѣчалъ хладнокровно: «это ничего: двѣ язвы.» Насилу уговорили мы его перевязать ихъ. Попомъ онъ спросилъ насъ, куда мы идемъ. «Мы Греки, отвѣчалъ я; а идемъ въ Спаршу изъ одного только желанія узнать этотъ славный городъ, который весьма справедливо называютъ окомъ Греціи. — Пойдемте вмѣстѣ; я Спаршанецъ; имя мое Демонаксъ. Вы остановишесь у меня. Бывало мы не принимали иноспранцевъ: нынѣ все уже не то.» Мы согласились на его лаконическое предложеніе въ такихъ же сухихъ и корешкихъ словахъ.

Лаконія покрыва горами и холмами; дороги идущъ съ крутизны на крутизну. Посреди сей исковерканной земли случалось намъ однакожь находить долины прекрасныя, коихъ миловидность награждаетъ путешественника за всѣ понесенныя имъ шруды. Подходя ближе къ Спаршѣ, мы видѣли мѣста плодородныя, усыпанныя маленькими, оплогими

пригорками. Демонаксъ сказалъ намъ, что всѣ сѣи пригорки произведены человѣческими руками, и что въ ихъ нѣдрахъ хранился прахъ главныхъ начальниковъ народа. Мы перешли чрезъ Эвропъ тѣмъ же самымъ бродомъ, которымъ перешелъ Эпаминондъ, предводительствуя шестидесятью тысячами воиновъ. Демонаксъ пылалъ еще гнѣвомъ, показывая намъ опустошенія, которыми Фивской герой ознаменовалъ путь свой до самыхъ воротъ Спарши.

Эвропъ прошекаелъ чрезъ мирповые и лавровые лѣсочки. По берегу просширается долина, усѣянная виноградными лозами, чинаровыми аллеями, оливковыми деревьями, садами и увеселительными домами. Множество лебедей блистательной бѣлизны плавали величественно по рѣкѣ и, казалось, гордились своею красотою. Взбираясь на одну гору, мы увидѣли еще новое доказательство, что не рѣдко благополучіе обитаетъ въ мѣстахъ дикихъ и посреди напуры самой грубой. Эпикуръ справедливо говорилъ: *если хочешь быть счастливъ, живи въ неизвѣстности.*

ГЛАВА XIV.

Перекутъе у старушки. Ея нравы и образъ жизни. Повѣсть объ Алкандрѣ.

Солнце достигло уже до предѣла крайней своей высопы, земля подъ нашими ногами горяча была какъ огонь. Мы пащились изнурены жаждою и зноемъ; Демонаксъ одинъ шелъ неупомимыми шагами. На дорогѣ нашли мы спарушку, кошорая сидѣла подъ деревомъ, пасла козъ. Она пригласила насъ отдохнуть въ ея хижинѣ и напишья молока. Ласковая и добродушная рѣчь ея заставила насъ потчасъ согласишья. Она указала намъ свое жилище, и мы пошли за нею.

Маленькой ея домикъ, поспроенный на уклонѣ одного пригорка, состоялъ изъ двухъ комнатъ. Впереди двѣ спарыя смоковницы опѣняли окна и давали плодъ. Для козъ и курицъ было особое мѣсто. Фиги, овощи, козы и нѣсколько пчелъ соспавляли все богатство, все владычество сей новой Бавкиды. Она побѣжала потчасъ за пищею, и принесла намъ сыръ, молоко и медъ. Подъ одною изъ смоковницъ споялъ каменный столъ, за

кошпоруи мы и сѣли. «На эшомѣ са-
момѣ сполѣ, сказала спарушка, уго-
щала я Царя Агезилая.—Какѣ! вскри-
чалѣ Демонаксѣ, пому уже семдесятиѣ
шесѣ лѣтиѣ, какѣ Агезилаи умерѣ.—
Я не умѣю щипашѣ, помню шолько,
что уже давно, очень давно, какѣ
онѣ былѣ здѣсь. Я какѣ будио ше-
перѣ его вижу: онѣ былѣ роспу ма-
ленькаго, хромоногѣ, и сѣ виду не
похожѣ на Царя; но изѣ рѣчей его
шопчасѣ можно было узнашѣ, что
онѣ великой человекѣ.—Вѣ кошпормѣ
году эшо было? спросилѣ Демонаксѣ.
—Не помню; посмотрише сами: годѣ
и число вырѣзаны на эшомѣ сполѣ.
«Демонаксѣ прочелѣ и увидѣлѣ, что
шому прошло уже восемдесятиѣшесѣ
лѣтиѣ. Я спросилѣ Теодору (шакѣ на-
ша хозяйка называласѣ), сколько ей
шогда было лѣтиѣ? — Эшо случилось
годѣ послѣ моего замужсѣва, а я вы-
шла за мужѣ двадцати. — Слѣдова-
тельно шебѣ шшо семѣ лѣтиѣ? вскри-
чалѣ я.—Не знаю, шолько много уже
времени я живу на свѣтѣ.» Мы по-
дивились шакон долговѣчносѣи. По
ея виду никшо бы не сказалѣ ей боль-
ше осьмидесяти лѣтиѣ. Она пользо-
валасѣ еще упошребленіямѣ всѣхѣ
своихѣ чувствѣ, имѣла швердую по-

ходку и почпи ничего не сторбилась. Она возбудила мое любопытство; я сдѣлалъ ей множество вопросовъ. «Не одна ли ты живешь?—Нѣтъ; со мною козы мои и собака. Внучка моя за мужемъ; домъ ея въ двухъ спадіяхъ отсюда; она приходитъ ко мнѣ брашь мой сыръ и медъ въ городъ.—Давно ли ты здѣсь?—Лѣтъ около восьмидесяти, и во все это время была я въ Спартъ одинъ только разъ.—Чѣмъ ты кормишься?—Молокомъ отъ козъ моихъ, и медомъ отъ моихъ пчелъ; а что осмается, тѣмъ угощаю правнучатъ своихъ.—И ты довольна; ты ничего не желаешь?—Желаю пожить еще такъ же, какъ теперь живу; впрочемъ знаю, что когда нибудь надобно умереть, и ожидаю воли великаго Юпитера съ сердцемъ покорнымъ. Говорятъ, что на земли много золъ и печалей; отъ чего это? Юпитеръ могъ бы сдѣлать всѣхъ насъ благополучными. Что до меня касается, то я участью своею довольна; чего мнѣ хотѣть! Я никогда не была больна, никогда не имѣла печалей; одинъ только разъ поплакала, когда мой храбрый мужъ убитъ; но и эта упраша была не очень для меня огорчительна, потому что онъ

положилъ жизнь свою за опечесство. «Демонаксъ спросилъ, на какомъ сраженіи мужъ ея убишъ. — При осадѣ одного большаго города, право не помню какого; знаю только, что главный надъ войскомъ назывался *Лизандръ*. — Это было конечно при осадѣ Аѳинъ! Лизандръ былъ вождемъ искусный, но по честполюбію и правиламъ его человекъ опасный: онъ говаривалъ, что дѣшай забавляющъ игрушками, а людей словами; что правда лучше лжи, но что надобно употреблять и правду и ложь, смотря по обстоятельству. — Не слыхала ли ты о войнѣ Тиспановъ, спросилъ я старуху; о пошопѣ при Девкалионѣ и Пиррѣ; объ осадѣ Трои; объ Агамемнонѣ; объ Ахиллѣ; о Гекторѣ? — Нѣтъ: а какіе это были люди? пастухи что ли, музыканты, или жрецы? — Какого ты мнѣнія о душѣ швоей? безсмертна ли она, или погибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ? — Я никогда объ этомъ не думала. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ умерла любимая моя коза; я долго ей говорила, но она не подала никакого знака, что меня слышитъ; а прежде бывало всякое слово мое понимаетъ. Доказательство, что когда умрешь, то и тѣло, и душа, и все

умреть.—Однакожь не лѣзя себѣ не знашь, что по кончинѣ нашей мы пойдемъ въ шаршарѣ, или въ Елисейскія поля, смотря по заслугамъ.— Эшо я часто слыхала, когда еще была молода. Впрочемъ я поклоняюсь богамъ, не дѣлаю зла никому, напрошивъ того раздѣляю бѣдную свою пищу со всякимъ, кому случается проходить или пробѣжать мимо меня; чего мнѣ бояться?—Хотѣла ли бы ты начать снова такую же почтенную жизнь, какую вела?—Хотѣла бы конечно.—Первое вижу существо благоразумное, которое соглашается на такое предложеніе, сказалъ я своимъ поварищамъ. Мы любимъ жизнь пошому единственно, что живемъ всегда въ надеждѣ на что нибудь лучшее; но столько скорбей, столько золъ насъ удручаютъ, что всякой бы отказался родиться въ другой разъ, съ тѣмъ, чтобы пройти опять чрезъ тѣ же искушенія.

Гуляя вокругъ дому, увидѣлъ я развалины великолѣпнаго зданія, камни, мраморы избѣденные временемъ, опломки колоннъ, напикелей, карнизовъ. Я возвратился къ Теодорѣ и спросилъ ее о сихъ остаткахъ роскоши и богатства. «На эшомъ

самомѣ мѣстѣ, гдѣ шеперь стоишѣ
бѣдная моя хижина, опивѣчала она,
жила въ спарину богачѣ въ огром-
ныхъ палахахъ. Разсказываюшѣ обѣ
немѣ чудную исторію, но памяшѣ
моя мнѣ уже не служишѣ. Кпо жи-
вешѣ долго, тошѣ напоследокѣ все
забываешѣ.» Тогда Демонаксѣ ска-
залѣ, что исторія сего богача ешѣ
подлинное произшествіе, извѣстное
всякому Спаршанцу.

«Когда нашѣ великой законода-
тель, продолжалѣ онѣ, вознамѣрился
поспановишѣ новое правленіе и уч-
редишѣ въ имуществахъ равенство;
то богачи воспрошивились ему всею
своею силою и соспавили спрашный
заговорѣ. Алкандрѣ, человекѣ пребо-
гашый и пречесплюбивый, былѣ гла-
вою недовольныхъ; онѣ взбуншоваѣ
часть народа, самѣ гнался за Ликур-
гомѣ съ палкою и вышибѣ ему глазѣ.
Нещасіе этого великаго мужа воз-
будило преданныхъ ему, и даже ви-
новные, почувспвовавѣ свой проспу-
покѣ, обрапились на Алкандра, и
конечно бы его разшерзали, если
бы самѣ Ликургѣ (изѣ кошораго кровь
еще текла) не спасѣ его своими
прозьбами

Но гордый Алкандрѣ не могѣ выдер-

жашь пребыванія въ такомъ городѣ, изъ котораго роскошь и забавы изгнаны; гдѣ самый послѣдній гражданинъ стоялъ на одной съ нимъ ногѣ; гдѣ бремя благодарности тяготило его душу. Онъ съ женою и прехлѣпнымъ своимъ сыномъ удалился въ эпитъ домъ, послѣднее убѣжище богатства и пышности. Жена его, женщина прекрасная и чувствительная, старалась всячески развеселить своего супруга и украситъ ихъ уединеніе; она употребила для сего все, что разсудокъ и нѣжливѣйшая дружба могутъ внушить утѣшительнаго.

Но ни ласки ея, ни улыбка и младенческія прелести невиннаго залога ихъ любви, ни прекрасное зрѣлище поля, ни спокойствіе, которое они вкушали въ удаленіи отъ суеты, въ обвѣщаніяхъ любезной пишины, ничто не могло усладить, утѣшить души высокомерной и преогорченной. Несчастный не умѣлъ жить внѣ города съ природою, съ милою другою, и довольствоваться шѣмъ блаженствомъ, какое чувствительный человѣкъ можетъ найти въ своемъ семействѣ! Скука его сѣдала; ненависть къ опечесству пламенела

въ его сердцѣ опчасу сильнѣе. Услышавъ, что Ликургъ раздѣлилъ Лаконію на тридцать тысячъ участковъ, и опдалъ ближніе къ городу девять тысячъ настоящимъ Спартанцамъ, онъ пришелъ въ совершенное изсипу-
 пленіе. Въ одну ночь вспадаетъ съ поспели, и всѣ его движенія показывающъ сильное волненіе. Жена испугавшись спрашиваетъ его прене-
 щущимъ голосомъ и въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ, куда онъ идетъ. «Не покидай меня, мой другъ! Если что нибудь тебя терзае-
 тъ, излей горести свои въ мою душу; я раздѣлю ихъ съ тобою, буду спарашься тебя утѣшить.» Ал-
 кандръ отвѣчаетъ сухо: «не пре-
 вожься; я спокоенъ! мнѣ что-то не спится, хочу только выйти на свѣжій воздухъ.» Онъ пошелъ въ
 комнату, гдѣ маленькой сынъ его спалъ подлѣ своей кормилицы, унесъ
 его соннаго, написалъ къ женѣ записку, которую приказалъ одному не-
 вольнику опдать ей, когда она прос-
 нется, и вышелъ... Взгляните на лѣво, продолжалъ Демонаксъ; ви-
 дите эту высокую, крупную камен-
 ную гору; Алкандръ взлѣзъ на самый
 верхъ ея, и бросившись опшуда съ

младенцемъ своимъ, разшибъ и его и себя.

На разсвѣтѣ жена его видя, что онъ еще не возвратился, встаетъ, и въ ту мину невольникъ вручаетъ ей записку. Сердце бьется, руки дрожатъ; она развертываетъ и читаетъ: «я уже не существую; жизнь была мнѣ несносна; я оставилъ ее; да погибнетъ равно и неблагодарное мое опечесство! Ненависть моя къ этому опечесству не позволяеть мнѣ оставивъ ему моего сына, сына рожденнаго пользоваться всѣми дарами счастья, всѣми почестями, и который нынѣ сталъ равенъ послѣдному гражданину. Прости! не плачь! я былъ жалокъ, но теперь не чувствую уже никакой муки.» Вообрази се состояніе супруги нѣжной, чувствительной, пламенной по проченіи такого ужаснаго письма! Въ себя бѣжитъ она искавъ опашковъ драгоцѣнныхъ ей существъ, бѣжитъ можетъ быть въ надеждѣ успѣть еще спасти ихъ жизнь. У подошвы скалы (какая картина!) видитъ своего супруга, съ раздробленною головою, еще дышащаго, но уже лежащаго безъ памяти; младенецъ подлѣ него не имѣлъ уже никакого образа. Несчастная смо-

пришѣ неподвижнымъ окомъ; сердце
ея сжималось, кровь спынешѣ; она
не можешѣ произнести ни слова. На-
конецъ одинъ вздохъ вылетѣлъ изъ
ея души, и эшопѣ вздохъ былъ по-
слѣдній: она упала на шѣло своего
младенца бездыханна.

Какъ скоро въ Спаршѣ узнали о
смерти Алкандра, то Сенашѣ пове-
лѣлъ испребишѣ до основанія эшопѣ
домъ, памятникъ гордости и изсту-
пленія.»

По окончаніи сей повѣсти мы про-
спились съ нашею добренькою спа-
рушкою, обняли ее, и пожелали ей,
чшопѣ она еще долго наслаждалась
безпорочною и щасливою своею
жизнію.

Дорогою разговаривали мы о ха-
рактерѣ и положеніи сей женщины,
которая будучи добродѣтельна по
внушенію добраго сердца, и сама не
зная, что такое добродѣтель, вѣруя
въ боговъ единственно потому, что
другіе въ нихъ вѣряшѣ, безъ заботы
о будущемъ, безъ сожалѣнія о про-
шедшемъ; не имѣя другихъ удоволь-
ствій, кромѣ удовольствіи малому
числу данныхъ простою натурою
нуждъ; ни другихъ знаній, кромѣ
воспитанія своихъ козъ; ни другаго

чесполубія, кромѣ ихъ благоденствія; въ неизвѣстности у всей вселенной, и въ глубокомъ невѣдѣніи о вселенной—совсѣмъ шѣмъ была, можетъ быть, благополучнѣйшее существо на земли. Она попала машинально на правила и философію нашихъ мудрецовъ.—«Ты плѣняешься блаженною жизнію эпой спарухи? спросилъ я Фанора.—Плѣняюсь.—Но скажи: хотѣлъ ли бы ты быть почно въ ея положеніи, то есть, живи въ уединеніи, въ неизвѣстности, въ невѣжествѣ, въ бѣдности, однимъ словомъ: купишь ея спокойное благоденствіе цѣною всѣхъ шѣхъ преимуществъ и удовольствій, которыхъ она не знаетъ?—Не могу тебѣ сказать рѣшительно; однакожь думаю, что я на такія условія не согласился бы.—А для чего?—Правосамъ не знаю.—Такъ я тебѣ скажу, мой другъ: опъ самолюбія. Тебѣ кажешься спыдно, безчесно быть простымъ и бѣднымъ человѣкомъ, а особливо не разсуждаешь, не умничаешь. Однакожь первая наука человѣка, самая важная, самая нужная, есть наука быть благополучнымъ. Для нашего минушнаго въ свѣшъ пребыванія что пользы быть краснорѣчи-

вымъ орапоромъ, искуснымъ стихотворцемъ, великимъ вождемъ? Въ сравненіи съ благополучіемъ всѣ дарованія ничто. — Я согласенъ съ побою; но вопреки голосу разсудка, ни одинъ, можетъ быть, умной человѣкъ не пожелалъ бы блаженства эшой спарухи.»

Демонаксъ перервалъ нашъ разговоръ, указавъ намъ Спаршу. Мы поклонились ей издалека. Сей городъ стоишь посреди долины. Какъ мы любовались прекраснымъ его положеніемъ, то Демонаксъ сказалъ: «ни одинъ Пелопонесской городъ не имѣетъ такихъ пріятныхъ окрестностей. Мы успѣемъ еще сегодня многое обозрѣшь; я буду вашимъ миспагогомъ.» Онъ повелъ насъ чрезъ лабиринтъ рощицъ и садовъ: эмблемы, девизы, спашуи, все изображало Миеологическія приключенія изъ исторій Кастора и Поллукса, Гіацинта, Леды, а особливо Елены, коюрой имя написано было почти на всѣхъ чинарахъ: *имѣй ко мнѣ погтеніе; я дерево Елены.* Въ сіи-то прелестныя мѣста Спаршанскія дѣвы ходящъ пѣтъ славную пѣснь, которую Сафо сочинила въ пятнадцать лѣтъ отъ роду: *Дѣство! куда бѣжишь,*

меня оставя? Пришедъ къ городу, мы удивились, что не нашли ни стѣнъ, ни другихъ какихъ преградъ. Я спросилъ Демонакса : какое укрѣпленіе защищаетъ Спарту? «Наши руки, опивѣчалъ онъ.»

Между тѣмъ вечерняя заря угасала. Какъ мы очень устали, то и поспѣшили на ночлегъ къ проводнику своему.

ГЛАВА XV.

Описаніе Спарты. Одежда. Нравы. Гимназія. Общественная трапеза. Кража.

На другой день Демонаксъ повелъ насъ по городу.

Спарта имѣетъ круглую фигуру, и раздѣлена холмами. Окружность ея сорокъ восемь стадій (*). Жителей въ то время считалось годныхъ къ службѣ не болѣе осьми тысячъ. Сей городъ, равно какъ и Самосъ, Аргосъ и Микена, находится подъ покровительствомъ Юноны; Кришъ

(*) Какая малость! какая разница отъ Афинъ!

подъ покровительствомъ Юпитера и Діаны: Кипръ и Пафосъ посвящены Венерѣ; Наксосъ Вакху; Лемносъ Вулкану; а Дельфы и Родосъ Аполлону.

Мы не нашли въ Спартѣ ни одного порядочнаго дома: всѣ были чрезвычайно малы и низки. Демонаксъ показывалъ намъ общенародную площадь. Тамъ собирается Сенатъ Спартишинъ въ числѣ двадцати осьми человекъ, и другой изъ пяти Эфоровъ. Мы пошли къ Персидскому портику. Лучшее сего зданія нѣтъ во всемъ городѣ. Оно названо по имени непріятелей, на корысти которыхъ воздвигнуто. Мы тамъ видѣли множество бѣлыхъ мраморныхъ статуй, возвышенныхъ на колоннахъ. «Эпопоршресы непріятельскихъ вождей, сказалъ намъ Демонаксъ. Воиъ Мардоній, который разбилъ при Марафонѣ и Платеѣ. Здѣсь видите храбрую Артемизу, которая сражалась за Ксеркса при Саламинѣ.» Попомъ смогъли мы многіе храмы, посвященные Землѣ, Юпитеру, Минервѣ, Непшуну, Юнонѣ и Аполлону. Одна превеликая статуя представляла народъ Спартианской. Нѣсколько подальше находился храмъ Парка, подлѣ

котораго видна была Орестова гробница.

Оспавя площадь, мы пошли улицею *границь*, такъ названною попому, чпо Икарій, отецъ Пенелопы, вознамѣрясь выдать дочь свою за мужъ, общалъ ее пому, кпо общипъ своихъ соперниковъ; и риспаніе было въ сей улицѣ. Удиссъ остался побѣдителемъ.

На высотѣ маленькаго пригорка увидѣли мы древній храмъ, посвященный Венерѣ. Фигура его пречудная: эпо два храма одинъ на другомъ. Въ нижнемъ обожаютъ Морфу или Венеру, богиню красоты, а въ верхнемъ молящся Венерѣ, завѣщенной покрываломъ и скованной въ знакъ вѣрности, которою жены обязаны своимъ мужьямъ.

Демонаксъ повелъ насъ въ Дромъ, гдѣ молодые люди упражняются въ бѣганіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дрома споймъ старая Геркулесова спашуя, которой юноши, при вступленіи въ классъ мужей, приносятъ жершвы.

Видъ Дрома, близъ спашуи, онъ указалъ намъ вѣтхой домъ, который нѣкогда принадлежалъ Менелаю, несчастному супругу прекрасной

Елены. Въ Спаршѣ нѣтъ такой цишадели, какъ на примѣрѣ Кадмея въ Оивахѣ, или Ларисса въ Аргосѣ; а вмѣсто цишадели служилъ одинъ превысокой домъ.

Всѣ молодые люди, которые попадались намъ на встрѣчу, имѣли длинныя бороды, длинные, распущенные волосы, раздѣленные на двѣ или три косички, и прегустые усы, висящія до груди. Вмѣсто длинныхъ Аѳинскихъ епанчей носили они сверхъ хитона очень короткіе казаки, красныя въ военное время, и всегда изорванные и замаранные. Одинъ философъ называлъ сію одежду епанчею гордоспи. Обуваятся они въ сандалии (при Ликургѣ ходили босикомъ), голову покрывающъ шапкою конической фигуры; ходящъ не говоря ни слова, пошупя глаза и спрятавъ руки. Иныеносящъ клюку. Попадались намъ дѣши босые. «Какая розница, сказалъ я Фанору, между грубою проспешною Спаршанъ и шонкимъ вкусомъ, щегольствомъ и роскошью Аѳинскаго юношества, а особливо швоего любезнаго друга Бапша Θεона!—Да; однакожъ я довольно хорошо поколѣшилъ этого бездѣльника, а съ неопшесанными Спаршанскими

болванами не хошѣлось бы мнѣ испытать своихъ силъ.» Въ ту самую минушу при молодья дѣвки высокаго роста, плошныя, спашныя, прекрасныя, румяныя, здоровыя, прошли мимо насъ твердою и проворною походкою: головной уборъ ихъ состоялъ въ превеликихъ шляпахъ изъ Эвротскаго протина, а ноги изъ подъ коропкой одежды видны были выше икръ, которыя у всѣхъ почти Спаршанокъ опмѣнно складны. «Какія прекрасныя дѣвки! сказалъ я Демонаксу. — Вѣрите ли, что онѣ обѣ опомѣ и не думаютъ. — Да я за нихъ думаю! вскричалъ Фаноръ.» — Нашъ хозяинъ примолвилъ: «Аѣинянки въ превеликомъ соперничествѣ съ Лакедемонками, и почишаютъ себя прекраснѣе, потому что умѣютъ прикрывать недосшатки природы и украшать ее прелестями наряда.» — Я сказалъ ему, что одежда Аѣинянокъ благоприспосойнѣе.» Наши дѣвушки, опвѣчалъ онъ, завѣшены непорочношью мыслей: цѣломудріе служилъ имъ вмѣсто одежды. Жены наши одѣваются гораздо благоприспосойнѣе; но такой нарядъ связалъ бы молодыхъ особъ, которымъ надобно упражняшся въ пляскѣ, въ боръ-

бѣ, въ бѣганіи, въ метаніи свинцоваго кружка или копья. Ихъ приучають къ подвигамъ въ намѣреніи укрѣпить, выправить тѣло и дать складъ всѣмъ частямъ, чѣмъ привести ихъ въ состояніе родить опечеснѣвшаго дѣтей здоровыхъ и сильныхъ. Вамъ спранно, можете быть, покажется, что на нѣкоторыхъ праздникахъ наши молодая дѣвушки пляшутъ нагія.—Можно ли видѣть ихъ упражненія? спросилъ Фаноръ.—Можно, если вы женаты.» Я хотѣлъ сказать, что нѣтъ; но Фаноръ, предупредивъ меня, закричалъ: «женаты, женаты.—И такъ завтра я васъ поведу въ ихъ Гимназію.»

Демонаксъ сдержалъ свое слово, и по утру очень рано повелъ насъ въ Платанистъ, поле на берегу Эвроса, опшѣненное прекрасными чинарами и окруженное Эврипомъ, гдѣ Спартанское юношество упражняется въ подвигахъ. На семь-то полъ рваны цвѣтны для свадебнаго вѣнка прекрасной Елены. Приходъ шуда двумя аллеями: предъ одною стоить изображеніе Геркулеса или Силы, коптой подвластно все; а предъ другою статуя Ликурга или Закона, коптой оковывается людей.

Насѣ посадили на каменные уступы. По данному знаку, сорокъ молодыхъ рослыхъ двушекъ вошли въ поприще: всѣ были чрезвычайно спешны, чрезвычайно прекрасны. Хипонѣ ихъ проспирался только до колѣна, и разпашенъ былъ по обоимъ бокамъ. Ноги и руки были голыя; лавровый вѣнокъ служилъ повязкою волосамъ. Онѣ присупили къ срединѣ поприща, и потомъ раздѣлились на двѣ партіи. По второму знаку оба войска приблизились гордо одно къ другому, остановились; каждая аплешка бросилась на свою противницу; схватились, обнялись, переплелись всѣми членами, шѣснили, осиливали одна другую попеременно; то подвигались впередъ, то отступали, колебались, поправлялись. Легкой и короткой ихъ хипонѣ взвѣвался при каждомъ движеніи и обнажалъ прелести достойныя взора боговъ. Фаноръ сидѣлъ недвижимъ отъ восхищенія, устремля глаза на двухъ сильнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ аплешковъ. «Какія прелести, говорилъ онъ мнѣ тихонько, какой складъ всѣхъ частей, какая обрисовка шѣла! взгляни на мущинъ: они холодны какъ камень; эго не люди.—А ты, кажешься, не холо-

денѣ.— Я весь горю; не достаешьъ терпѣнія смощрѣшь долѣ.— Спайся однакожь скрыватьъ свои чувства; подражай мнѣ.» Минуту послѣ, онѣ дернувъ меня за руку, вскричалъ: « посмотри, какая картина! О, мой другъ! сама Паетоская богиня не можетъ бытьъ прекраснѣе!» Я взглянулъ, и увидѣлъ двухъ молодыхъ аплешокъ, на которыхъ мы до того времени смощрѣли, проспершихъ на земли; онѣ лежали одна на другой. Которая была на верху, казала намъ прелести спокрашно восхищительнѣ шѣхъ, какими славится богиня красоты. «Ахъ, какъ бы я желалъ бытьъ съ ними прещимъ! говорилъ Фаноръ.» Я попросилъ его, чщобъ онѣ молчалъ: начинали насъ примѣчать. Мы щочасъ щопунили глаза, и приняли важный видъ. Побѣдительницею въ щощъ день оспалась прекрасная Аспазія, ща самая, щоторая плѣнила Фанора; она была бы достойна побѣдить и въ щощъ о красотѣ. Я примѣщилъ въ продолженіе сихъ щощговъ, чщо дѣвушки нападали на щощей насмѣщками и эпиграммами, и хвалили щѣхъ, щоторые имъ нравились. Однихъ щощало смѣлѣе, а въ другихъ щощуждало ревность.

Послѣ борьбы шѣ же дѣвушки при-
гошовились къ бѣганію. Двадцать изъ
нихъ спали въ линію по напѣнутой
веревкѣ. Какъ скоро музыка дала си-
гналъ, веревка упала, и наши героини
пустились въ бѣгъ. Онѣ лепяшъ бы-
стрѣе вѣтра. Фаноръ, видѣ себя,
слѣдуешъ глазами за проворною Ас-
пазією, и сердце его пламенно же-
лаешъ ей успѣха. Сіе желаніе совер-
шилось: уже Аспазія опередила сво-
ихъ соперницъ: легка, какъ Апалан-
па, едва оставляетъ на песокъ знаки
ногъ своихъ, спремится, кидаетъ
и первая доспигаетъ мешы. Радост-
ный крикъ и громкіе плески просла-
вили ея побѣду. Одинъ изъ Эфоровъ
идешъ и возлагаетъ на нее вѣнокъ
изъ дикой маслины. Аспазія уклоня-
ешъ чело свое съ благородною скром-
ностью, и свѣжія ея ланины покрыва-
ются яркимъ карминомъ — цвѣшъ
прекраснѣйшій всѣхъ цвѣшовъ, ког-
да бываетъ признакомъ дѣвической
смыдливости.

Сіи Гимназическія потѣхи вскру-
жили Фанора: онѣ не могъ заснуть;
во всю ночь мечшались ему живо-
писныя Аспазіины формы. Онѣ при-
знался мнѣ, что любилъ ее спраш-
но. Тогда я напомнилъ ему о прекрас-

ной Θεанѣ Аѳинской, о прелестной
 Θεοφάνіи Милетской. «Какое срав-
 неніе! вскричалъ онѣ! Θεана и Θεο-
 φανія конечно хороши, но Аспазія
 божество.» Нѣсколько дней спустя
 Демонаксѣ выпросилъ у начальства
 позволеніе обѣдать съ нами, и по-
 томъ привести насъ за общесшвен-
 ную трапезу. Цари, Эфоры, граж-
 дане, всѣ ѣдящѣ вмѣстѣ. Всякой
 общникѣ обязанъ внести въ аршель
 ежемѣсячно одинѣ чепверикѣ муки,
 восемнадцатѣ мѣрѣ вина, пять фун-
 товъ сыру, два фунта съ половиною
 смоквъ и нѣсколько желѣзной моне-
 ты на покупку мяса: сія порція естѣ
 часѣ ихѣ дохода. Столы разстав-
 лены въ пространныхъ залахъ, и
 каждый столѣ на пятнадцатѣ чело-
 вѣкѣ. У дверей трапезной палаты
 стоялѣ одинѣ Спаршанецѣ старѣе
 прочихъ. Должностѣ его была напо-
 минаѣ всѣмѣ входящимѣ, что ни-
 какія рѣчи не должны быѣ выноси-
 мы за дверь.

Одна аршель не мѣшается съ дру-
 гою; не лзя ни въ кошорую быѣ
 приняту безѣ общаго согласія всѣхъ
 участвующихъ, и отказѣ одного до-
 стпапоченѣ на исключеніе предлагае-
 маго челоѣка. Вошелѣ хромоногой

юноша; я удивился; но Демонаксъ сказалъ мнѣ, что онъ во всей республикѣ одинъ шаковъ. Сей молодой человекъ раненъ на сраженіи. Мать его въ утѣшеніе сказала ему: «сынъ мой! каждый шагъ пвой будешь напоминать тебѣ о пвоей храбрости.» Спаршане, прошивно обыкновенію другихъ народовъ, сидяшъ за прапезою на деревянныхъ лавкахъ. Пища ихъ состоишъ изъ черной похлебки (*) и вареной свинины, изрѣзанной на равныя учаспки. Фаноръ сказалъ мнѣ на ухо: «какой дурной обѣдъ! — Однакожь приправленный апешипомъ, сказалъ я. Посмотри, какъ прилѣжно они ѣдятъ.» Мы спросили Демонакса: «всегда ли Спаршане упоиребляющъ такую пищу?— Всегда; изрѣдка только дающъ имъ дичины и рыбы.» Въ замѣну вкусной пищи сполъ былъ оживленъ шумкою и веселостью. Когда я сказалъ Демонаксу, что сіе весьма хорошо, то онъ указалъ мнѣ посреди палаты

(*) Черную похлебку варили изъ свинины, и приправляли солью и уксусомъ. Плутархъ говоритъ, что у Спаршанъ была еще похлебка изъ угрей, которая называлась бѣлою.

сташую, посвященную богу смѣха. «Ликургъ поставилъ ее въ наставленіе собесѣдникамъ, что они должны бытъ всегда веселы.»

Я спросилъ еще, могутъ ли иногда Спаршане обѣдать дома? — Могутъ въ двухъ только случаяхъ: если возвращаясь съ звѣриной ловли поздно, или когда приносятъ богамъ жертвы въ домахъ своихъ; и тогда обязаны они послать къ общему столу часть дичины, или начинки отъ жертвъ. Царь Агисъ, возвращаясь изъ арміи побѣдителемъ, и желая опужинавъ дома съ женою, послалъ въ артель за своимъ участкомъ. Полемархи ему въ томъ отказали. Агисъ въ досадѣ не оправилъ въ слѣдующій день обыкновеннаго жертвоприношенія по случаю щасливаго окончанія войны, и Полемархи осудили его на пеню. «Въ самую ту минушу ввели двухъ Илошовъ и подали имъ большія чаши вина. Выпивъ нѣкоторое количество, не хотѣли они пить болѣе; но Спаршины принудили ихъ къ тому силою. Намѣреніе ихъ было напоить сихъ рабовъ до пьяна. Какъ скоро они начали шатаваться и врать непристойнымъ образомъ, то повели ихъ вокругъ залы, заславили цѣпъ

скверныя пѣсни, и плясать, дѣлая неблагоприспоиныя шѣлодвиженія. Сіе зрѣлище, вмѣсто удовольствія, сдѣлало намъ истинную скорбь. Мы соспрадали несчастнымъ, въ копорыхъ человѣчество было такимъ образомъ поругано; и я не выперилъ, чтобъ не сказать мнѣнія своего о томъ Демонаксу. «Мы даемъ иногда это предствленіе, ошвѣчалъ онъ, чтобъ показать нашимъ молодымъ людямъ гнусность и печальныя слѣдствія пьянства.— Прекрасный способъ учить нравственности! вскричалъ Фаноръ. Лучше пейте сами: это сдѣлаетъ васъ чувствительнѣе и жалостливѣе.»

Молодые воспитанники присупствовали при шрапезѣ, стоя какъ зрители. «Они ходятъ сюда за уроками веселости и мудрости, сказалъ Демонаксъ.» Въ то самое время Фаноръ примѣтилъ, что одинъ изъ нихъ крадъ весьма искусно плоды и пряталъ ихъ за пазуху. «Посмотри, сказалъ онъ мнѣ, какъ эшотъ плутишка пользуется уроками мудрости.— Молчи, ты его обезчестишь и погубишь.» Тогда хвашился онъ двухъ прекрасныхъ куропапокъ, которыхъ, будучи не охотникъ до

черной похлебки и вареной свинины, купилъ было для нашего ужина, и не нашелъ уже ихъ въ своихъ карманахъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ украли у него въ гимназіи избъ-подъ епанчи молодого зайчика, котораго онъ самъ убилъ на охотѣ. Въ первомъ движеніи досады онъ пропажи куропапокъ спалъ онъ жаловаться Демонаксу о чудной необходимости беречь свои карманы въ собраніи людей важныхъ и почтенныхъ. Демонаксъ захохоталъ, говоря, что онъ обнялъ бы онъ чистаго сердца шого вора, который укралъ куропапокъ. — Бьюсь обв закладъ, что и зайчикъ швой ему же доспался. — Такъ вы его знаете, спросилъ Фаноръ? — Очень знаю. Видѣлъ ли вы эшого великорослаго молодого челоѡвка, который споялъ между побою и мною? Онъ мой другъ; малой проворной и искусной; любовница его изволила скушать вашего зайца; вѣроятно, что и куропапкамъ будетъ та же участь. — А вамъ эшо кажется очень забавно? Жалѣю сердечно, что вы имѣете шакого друга. — Напрасно жалѣете, потому что я дружбу его спавлю за честь; онъ храбрый и досшойный Спаршанеп¹,

Антѣн. Т. II.

М

копорый у всѣхъ въ почтеніи. Вы, можешь бышь, не знаете, что воровство позволено Ликурговымъ закономъ, и что по этому закону наши молодые люди какъ въ городѣ, такъ и въ полѣ, будучи на охотѣ, могутъ брать искуснымъ образомъ все, что имъ понравится. — Такъ мы здѣсь въ лѣсу между разбойниками? Клянусь Геркулесомъ, что я свое возьму, и буду также красъ. — Совѣщую однакожь красъ умненько; а если васъ поймають, то будешь вамъ худо: здѣсь неprovорство наказываея очень жестоко. — Это бы меня не испугало; но то бѣда, что у васъ нечего и украсъ; развѣ только деревянные чаши, сандали, нѣсколько желѣзныхъ шелеговъ. — Не осуждайте нашего законодателя: онъ, давая позволеніе воровать, имѣлъ въ виду сдѣлать молодыхъ людей provорными. — Да, разбойниками очень provорными. — Нѣтъ; искусными во всѣхъ военныхъ хитростяхъ, неусыпными. — Другъ мой! сказалъ мнѣ Фаноръ, когда мы оспались одни, эта славная Спарта негодной городишка: бѣдѣтъ какъ свиньи, живущѣ въ лачушкахъ, окрадывають честныхъ людей безбожно; да нечего имъ

больше и дѣлашъ: нѣшъ ни художествъ, ни наукъ, нѣшъ никакого умнаго упражненія; скука и праздность только царшвуютъ здѣсь. Нарѣчіе сполько же жестко и дико, какъ и нравы. Великорослые ихъ болваны шапаются всякой день по площади, съ пустою головою, или лучше сказаць, съ головою набишою только военными замыслами и духомъ властолюбія. Кромѣ прекрасныхъ молодыхъ дѣвицъ нѣшъ ничего доспойнаго вниманія. Но я не люблю быць въ дуракахъ, и если только найду случай, то не упущу опблагодарить Демонаксова пріяшеля, копорый шеперь кушаетъ мою дичину.

ГЛАВА XVI.

Приключеніе въ Діаниномъ храмѣ. Подвиги молодыхъ людей. Обряды при разрѣшеніи женщинъ отъ бремени. Славные сказки. Анекдоты.

Одинъ несчастный случай, опъ котораго мы едва не погибли, усугубилъ Фанорову досаду. Въ Діаниномъ храмѣ происходило великое шоржество; весь городъ шамъ былъ, въ

помѣ числѣ и мы. Вдругъ храмъ запылалъ, огонь усиливается: при женщины бѣгають съ пламенниками и спараются поджигать. Народъ испугавшись, спремится толпою къ дверямъ; кричатъ, пѣсняясь, давясь другъ друга. Вопль младенцевъ и женъ умножается еще сумятицу и ужасъ. Меня опшѣснили опѣ Фанора, утѣшили, и я очутился за дверями исперхъ, изможенъ, оборванъ. Между пѣмъ Эфоры возстановили порядокъ. Эвмениды, которыя въ ярости своей разпространяли еще пожаръ, взяты подъ стражу. Я нашелъ Фанора. Онъ поспрадалъ еще болѣе меня, и проклиналъ и праздникъ, и всю Спаршанскую республику. Пожаръ потушенъ, и зажигапельницы приведены на площадь. То была мать съ двумя дочерьми. Сіи послѣднія, не смотря на безпорядокъ ихъ одежды и волосовъ, казались прелесными.

Мать, по имени Демокриша, съ глазами полными ярости и смѣлости, увѣщевала двухъ своихъ дочерей сносить муки и презирать казнь. Когда одинъ Эфоръ спалъ упрекать ее въ злодѣяніи, то она вскричала: «нѣтъ, я не злодѣйка! Я опмѣщаю за Алкипа,

моего супруга и отца моихъ дочерей! Вы, безъ всякой причины, осудили его на изгнаніе; вы запресли намъ слѣдовать за нимъ; мы осуждены на стыдъ и на бѣдность. Я опущаю вамъ за вашу несправедливостъ и варварство; жалѣю только о томъ, что не могла испребишь васъ всѣхъ подъ сводами этого храма. Знайтеши пираны, что Демокриша никогда не будетъ имѣть подлости просишь у васъ жизни. — По сихъ словахъ извлекаетъ она кинжалъ, дочери ея дѣлають то же, и всѣ при поражають себя въ глазахъ народа, недвижимаго отъ удивленія. Облившись кровью, упадають онѣ въ объятія одна другой. Демокриша умирая, призываетъ Немезиду и Апею, передаетъ опечесство свое Плутону, Фуриямъ, всѣмъ богамъ мстителямъ. Сія ужасная сцена повергла городъ въ страхъ и уныніе; но и самые герои опдали справедливостъ пвердосши сихъ прехъ женщинъ.

Демонаксъ возвѣспилъ намъ, что у молодыхъ людей будетъ сраженіе въ Плашанисѣ. «Вчера, раздѣлясь на двѣ толпы, принесли они въ жершву богу Марсу маленькую собачку, какъ звѣрка храбрѣйшаго изб

всѣхъ домашнихъ живописныхъ. Помѣ пустили двухъ ручныхъ кабановъ одного противъ другаго, и каждая спорона брала участіе въ своемъ. Ночью бросали они жеребей, по копорому мосту копорой споронѣ войши въ Плашанисѣ. Теперь полдень, самое время, когда должно начаться ихъ сраженію; пойдѣмъ шуда.» Мы пришли почно въ ту минушу, когда данъ сигналъ. Топчасъ обѣ спороны бросились одна на другую; начали драпъся кулаками, ногами; иногда чловѣкъ противъ чловѣка, иногда куча противъ кучи; они даже кусались: каждая спорона напругала всѣ свои силы прогнашь другую и погрузишь ее въ Эвришъ. Въ сей схваткѣ одинъ молодой чловѣкъ, прекрасный собою, и копорого лице показывало самыя лучшія качества души, упавъ опъ руки своего побѣдителя, переломилъ ляжку. Сей случай не произвелъ надъ зриателями никакого дѣйствія. Раненый унесенъ, и пошѣха не перерывалась. Фаноръ, негодуя на такую звѣрскую нечувствительность, сказалъ мнѣ: «пойдемъ: Спаршане хуже Оракійцевъ; у самыхъ дикихъ варваровъ больше чловѣколюбія; а при помѣ и зрѣлище

ни чуть не пріятно. Я лучше люблю сморѣть на прекрасныя Аспазіины формы. Ахъ мой другъ! эша Аспазія не выходила у меня изъ ума; и днемъ и ночью образъ ея всегда предъ моими глазами. Сево дни поушру она прошла мимо меня, въ корошкѣ юбка, въ плешеной своей шляпкѣ. Боги! какъ она была прекрасна! Я пошелъ за нею, хошѣлъ съ нею говорить; но думаю, что она ошгадала мое намѣреніе, пошому что убѣжала отъ меня проворнѣ молодой лани. Клянусь Поллуксомъ, что я охотно бы на ней женился.—Ее не ошдадушъ за тебя; ты не имѣешь чеспи бышъ Спаршанцемъ; а сверхъ того не лзя тебѣ женишся на всѣхъ шѣхъ, въ копорыхъ будешъ еще влюбляшся.—Правда.»

Въ слѣдующій день пошли мы сморѣть дѣшской домъ. Дѣши помѣщенны въ спальныхъ комнашахъ; постели ихъ сдѣланы изъ камыша, и покрышы зимою нѣкошорымъ родомъ пуха отъ расшѣнія, волчецъ называемаго. Съ семилѣшняго возраста берущъ ихъ отъ родителей и ошдающъ въ сей домъ. «Въ пять лѣш отъ роду, сказалъ намъ Демонаксъ, они начинающъ учипся Пиррикъ,

по естѣ, военной пляскѣ.—Вѣ Аѣи-
нахѣ, опѣвѣчалѣ я, семилѣтніе дѣшн
начинаютѣ чишаѣ Гомера.»

Демонаксѣ жена приближиласѣ
кѣ сроку родовѣ своихѣ: она была на-
стоящая Спартанка, по естѣ, чрез-
вычайно горда и власполѣбѣва. Од-
нажды мужѣ просилѣ ее за Илоша,
копорого она хотѣла наказатѣ; но
прозьбы его опѣвергнушы сѣ высоко-
мѣрїемѣ. Удивясѣ такой повелїтель-
ности, я сказалѣ ей, что вѣ Спаршѣ
только мужѣ вѣ повинѣненїи у женѣ.
—За по вѣ Спаршѣ только, опѣвѣ-
чала она, жены родяшѣ опечестѣву
мужей.»

Наконецѣ вѣ одну ночь Демонаксѣ
прибѣжалѣ кѣ намѣ внѣ себя опѣ ра-
дѣши и сказалѣ, что жена его му-
чїтся родами. Онѣ пригласилѣ насѣ
посмотрѣтѣ обрядѣвѣ, которые вѣ
такихѣ случаяхѣ употреблѣются.
Положили родильницу на щїшѣ, и
дали ей вѣ руку копѣе. Какѣ скоро
она разрѣшиласѣ опѣ бремени, по
родшѣвенники положили младенца на
щїшѣ, вскричавѣ: *или на немѣ, или
сѣ нимѣ* (*). Какѣ скоро разсвѣло, по

(*) Когда Спартане ходили на войну, по
машери, вручая дѣшамѣ своимѣ щїшѣ,

опецѣ, восхищенный, опнесѣ его въ Лисхисѣ (*), куда восемь изѣ спаршихѣ въ родѣ пришли освидѣтельствовать его пѣблосложеніе. Кормилица налила вина въ деревянную лахань, погрузила въ него новорожденного младенца, вымыла и оставила его нѣсколько времени въ сей ваннѣ; попомѣ поднесла его спаршимѣ. Сіе опасное погруженіе утомило младенца; ему сдѣлались судороги. Судьи объявили, что онѣ никогда не будетѣ сильнымѣ человекомѣ, и слѣдственно останетѣся для республики бесполезнымѣ бременемѣ. Фанорѣ представилѣ имѣ, что освидѣтельствоваіе такого рода подвержено великому сомнѣнію, и что сверхѣ того сей недоспаіокѣ пѣблесныхѣ силѣ можетѣ быть сѣ избыткомѣ замѣненѣ дарованіями разума и нравственными качествами. Но важные Спаршанцы

говорили: или сѣ нилѣ, или на немѣ, то естѣ, возврати сѣ. Убиые на сраженіи относимы были домой на ихѣ щитахѣ.

(*) Во всѣхѣ большихѣ Греческихѣ городахѣ были Лисхисы, въ кошорыхѣ собирались всѣ праздные люди, какѣ у насѣ въ кофейныхѣ домахѣ. Въ Спаршѣ было два Лисхиса, но совсѣмѣ для другаго употребленія.

спрогимъ и презрительнымъ взглядомъ заставили его молчать; и всѣ единогласно изрекли новорожденному смерть. При семъ безчеловѣчномъ приговорѣ взглянулъ я на опца. Онъ не показавъ ни малѣйшаго движенія, приказалъ спокойно одному невольнику опнести сына его на гору Тайгешу. Мы пошли за ними вмѣстѣ съ судьями, и младенецъ сверженъ въ пропасть. «Какіе люди! говорилъ мнѣ Фаноръ, какое варварство! если бы не было здѣсь прекрасныхъ дѣвущекъ, то надлежало бы испребишь эптомъ проклятый городъ до основанія.

Мы не смѣли говорить Демонаксу о его упрямствѣ и безчеловѣчномъ законѣ, который лишилъ его сына. Напослѣдокъ я опважилъ изъяснить ему слегка мое сожалѣніе. «Эпо учрежденіе весьма благоразумно, сказалъ онъ хладнокровно. Дѣши родящаяся не для насъ, но для опечесства. Республика не должна приниматьъ гражданъ хворыхъ и слабосильныхъ; они опягопили бы ее безъ всякой пользы. У насъ каждыя десятии дней представляющъ дѣшей нагихъ на смотрѣ Эфорамъ; шѣхъ, которые окажущся слишкомъ шучными, нака-

зываютъ шѣлесно, или осуждаютъ на пеню. Друга моего, которъй теперь имѣетъ спанъ довольно тонкой, нѣсколько разъ морили голодомъ и сѣкли, чѣмъ остановить его разположеніе къ дородству. Впрочемъ я не виноватъ, что жена моя принесла такой слабый плодъ : я обвѣщалъ ея компанію поршрешами Аполлона, Кастора, Геркулеса, Гіацинта, Нарциса и Адониса.»

Фаноръ, чѣмъ видѣлъ свою любовную, шаскалъ меня часто въ дѣвичью Гимназію. Въ какомъ бы подвигѣ Аспазія ни упражнялась, онъ пожиралъ ее глазами; любилъ видѣть, когда она мешала дискъ; любилъ видѣть, когда скакала; любилъ видѣть, когда боролась или бѣгала. Справедливостъ пребуешь сказать, что она во всѣхъ сихъ упражненіяхъ блистала предъ всѣми прочими, какъ ясный мѣсяцъ предъ звѣздами. Она вызывала на прѣніе даже мужчинъ, и часто похищала у нихъ пальму. Случилось однакожь, что одинъ Лакедемонскій юноша одержалъ надъ нею превосходство, перескочивъ болѣе разспоянія, нежели она. Побѣдитель, гордясъ торжествомъ своимъ, началъ надъ униженною Амосанкою смѣяться и

къ шуткѣ присовокупилъ презрѣніе. Одинъ молодой Тессалецъ вступилъ за честь обиженной красавицы и вызвался перескочить вдвое далѣе Спаршанца, то есть, сорокъ шесть фушовъ. Сей принялъ вызовъ съ кичливою усмѣшкою; а Тессалецъ, разгораясь отъ того еще болѣе, предложилъ перепрыгнуть чрезъ рѣку Эвропъ. Представили ему опасность такого предпріятія: рѣка тогда была очень полна и быстра; но ничто не могло поколебать его. Зришши сбѣжались толпою къ берегу; широша печенія на семь мѣстъ была сорокъ семь фушовъ. Тессалецъ слагаетъ съ себя одежду, кидается и упадаетъ на прошиволежщій берегъ. Сей скачокъ оспался навсегда славнымъ. Такого чуда не бывало ни прежде, ни послѣ.

ГЛАВА XVII.

*Обозрѣніе Лаконіи. Встрѣга. Статуя
Стыдливости.*

Демонаксъ предложилъ намъ обѣ-
ѣхашъ Лаконію и обозрѣшъ виды,
земледѣлія и каршинныя мѣстополо-
женія сей земли. «Я достану повоз-
ку, сказалъ онъ.» Мы ошвѣчали, что
такой расходъ не нуженъ, и что мы
не боимся усталости. — Какой рас-
ходъ? я не издержу ни одного обола;
подише со мною, вы увидите.» Онъ
привелъ насъ къ одному дому на кон-
цѣ улицы, пошелъ прямо въ конюш-
ню, вывелъ изъ нее двухъ лошадей и
заложилъ ихъ въ повозку. Въ удивле-
ніи спросилъ я его, не брашъ ли ему
хозяинъ того дома. — Нѣтъ, мы
не родня; но здѣсь все общее: каж-
дый Спаршанецъ можетъ распола-
гашъ имѣніемъ другаго Спаршанца. —
Эшотъ порядокъ и коропкія юбки на
дѣвушкахъ, сказалъ Фаноръ, только
и есть у васъ хорошаго.»

Для пучевыхъ издержекъ Демо-
наксъ запасся очень тяжелымъ мѣш-
комъ свѣжельною монешюю. Кладущъ
сію монешу въ огонь, пока она раска-
лился; потомъ обмакиваютъ ее въ

уксусъ, чшобъ желѣзо сдѣлавшись ломкимъ, не могло бытъ ни на чшо иное упопреляемо.

Подъ самымъ городомъ находится гробница, называемая *Схисматія*: памятникъ по несчастныхъ, копорые погибли во время одного землетрясенія. «Ужасное произшествіе! сказалъ Демонаксъ: земля во многихъ мѣстахъ разсупилась; цѣлыя селенія поглощены (*); Тайгетъ и другія горы покачнулись въ самомъ ихъ основаніи (сѣ нѣкопорыхъ вершины обвалились); въ городѣ пятъ домовъ только уцѣлѣли, всѣ прочіе попадали. За нѣсколько времени предъ ударомъ молодые люди, занимаясь шѣлесными подвигами въ поршикѣ, увидѣли зайца: шѣ изъ нихъ, копорые были ближе къ ребяческому возрасту, кинулись шопчасъ ловишь его: Едва они выбѣжали, какъ поршикъ обрушился и задавилъ всѣхъ прочихъ. Щасъе, чшо Царь Архидамъ сохранилъ присущее ума и бодрость духа. Видя, чшо граждане бѣгутъ безъ памяти и уносятъ драгоцѣннѣйшія свои по-

(*) По мнѣнію Діодора Сицилійскаго погибло отъ сего землетрясенія болѣе двадцати тысячъ человекъ.

жишки, онъ велѣлъ прубить превогу, какъ будто непріятель приспустилъ къ городу. Это спасло Спаршу: Илопы спекались уже со всѣхъ споронъ, въ намѣреніи довершить испребленіе Спаршанъ и перебить всѣхъ тѣхъ, копорыхъ землетрясеніе пощадило; но увидя ихъ въ боевомъ спроу, удалились въ сосѣдственныя города.»

Попомъ Демонаксъ показалъ намъ пропасть *Лакіяду*, въ копорую свертали пресступниковъ за великія злодѣянія. «Въ эту самую пропасть, сказалъ онъ, былъ брошенъ славный Аристоменъ, непримиримый врагъ Спаршы, слава и щитъ Мессины, своего опечесхва. Храбрые наши воины напали на него въ разплохъ и въ превосходномъ числѣ. Онъ дрался какъ левъ; но будучи пораженъ камнемъ, упалъ безъ памяти и взятъ въ плѣнъ. Его свергли въ *Лакіяду* живаго съ пятыюдесятью Мессинцами. ...Вы видите, какая спрашная глубина! — Подлинно спрашная. — Кто бы подумалъ, что слепя въ такую бездну, можно оспашься живу? этому чуду опредѣлено было свершиться съ Аристоменомъ. Изъ всѣхъ Мессинцовъ онъ одинъ не только не ушибся, но и не получилъ ни одной тяжелой

раны; прочіе всѣ погибли. Приписывающѣ его спасеніе полному воинскому убору, въ кошоромъ его свергли. Въ эшомъ мрачномъ гробѣ онъ два дни ожидалъ смерти съ героическою швердоспїю. Въ претїй день слышишѣ шорохъ, смошришѣ во всѣ стороны, и при слабомъ лучѣ свѣша разглядываешѣ лисицу, кошорая искала мертвыхъ шѣлъ. Онъ ожидаетѣ ее, удерживаясь отъ малѣйшаго движенія, и какъ скоро она подошла близко, шо онъ схватилъ ее одною рукою за хвостѣ, а другою подносилъ ей къ рылу свою одежду всякой разѣ, когда она обращалась, чшобъ укусишѣ его. Такимъ образомъ Ариспоменъ шелъ за звѣремъ, не выпуская его; а гдѣ отверстіе было очень шѣсно, герой ползѣ. На послѣдокъ лиса довела его до шакого мѣста, кошорое было хотя нѣсколько посвѣшлѣе, но гдѣ она шолько одна могла пролѣзшѣ. Тогда Ариспоменъ далъ ей свободу; она вскарабкалась и убѣжала эшою порою. Ариспоменъ, по ея примѣру, собравъ всѣ свои силы, началъ рабошашѣ, разширилъ отверстіе, и вышелъ наконецъ изъ пропастш. Мессинцы, кошорые оплакивали его

кончину, увидѣли его съ неизбяснимою радостію.»

Мы прибыли въ Гиѳій. Гавань и арсеналъ республики находятся въ одной милѣ съ четвертью отъ сего города, при устьѣ Эвропа. За завтракомъ бѣли мы прекрасный тамошній сырѣ, который былъ гораздо повкуснѣ сыра добренькой спарушки Θεодоры, хотя сей послѣдній сдѣлалъ намъ больше удовольствія. Изъ Гиѳіа переправились мы черезъ Эвропѣ, поворопили къ горѣ Тайгетѣ. Вся сія земля покрыта виноградомъ и холмами. Близъ вершины горы находишся лѣсъ Энорѣ, въ который спекается Спартанское юношество для звѣроловства; тамъ великое множество красныхъ звѣрей, дикихъ козѣ, медвѣдей и кабановѣ. Мы вошли до вершины, называемой *Телетонѣ*, гдѣ повсегодно приносится въ жертву солнцу лошадь. На возвращеніи пуши съ горы заспигла насъ гроза; пошелъ пресильной дождь: мы укрылись подъ скалою. Демонаксъ сказавъ, что Спартанцу спыдно пряпашься, одинѣ продолжалъ свой путь, обливаемый дождемъ.

Когда дождь пересшалъ, то мы пошли догонять Демонакса, и встрѣ-

пились съ человѣкомъ, котораго видѣ и одежда показались намъ чрезвычайными. Онъ былъ безъ епанчи, босой, обезображенъ густою, черною бородою и десятипальшимъ огаромъ; худъ сполько, что жалко было на него смотрѣть; глаза имѣлъ вналые и мрачный взглядъ. Всмотриваясь въ насъ нѣсколько времени, онъ подошелъ и спросилъ, не изъ Спарши ли мы идемъ, и получа нашъ отвѣтъ, сдѣлалъ множество вопросовъ о городскихъ дѣлахъ. Мы сказали ему, что, будучи иностранцы, ничего о томъ не знаемъ; но что товарищъ нашъ Демонаксъ, гражданинъ Спаршанской, можетъ лучше удовлетворишь его любопытству. Какъ скоро онъ сіе услышалъ, то не сдѣлавъ намъ никакого привѣщія, удалился. Мы почли его сумасшедшимъ, и сказали объ немъ Демонаксу. — «Эпопъ человѣкъ меня знаетъ. Десять лѣтъ уже поминся онъ въ пещерѣ; у него есть жена и дѣти. — Конечно эпо мизантропъ, (человѣко-ненавидѣць)? — Напротивъ того онъ очень любилъ общество и забавы; но обезчестилъ себя прусосшью, и осужденъ влечить дни свои въ спыдѣ. Кто повѣритъ, что Спаршанецъ

могъ бытъ прусомъ! Онъ убѣждалъ съ одного сраженія, броса свой щипъ; жена его опреклась видѣться съ нимъ; республика запретила его дѣшамъ всякое съ нимъ сношеніе. У насъ бѣглецы не упопреляются ни въ какія должності: почиается за безчестіе женись на ихъ дочеряхъ, или всупасть съ ними въ какой бы то ни было союзъ; позволено всякому, кто съ ними вспрѣшися, бишь ихъ; они должны носить одежду замаранную и всю въ заплахахъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, и бришь одну только половину бороды, а другую опрашивать. Какъ онъ ни подлъ, однакожъ не могъ перенести такого поруганія, и спрятался отъ взора людей въ вертепахъ дѣшнихъ горъ. ... И эшотъ малодушный не смѣетъ умереть! « Мы согласились, что смерть дѣйствительно предпочтительнѣе такой жизни.

Въ тринадцати спадяхъ отъ города увидѣли мы спашую *Стыдли-вості*. « Она весьма древняя, сказалъ намъ Демонаксъ, и посшавлена Икаромъ, опцемъ Пенелоцы, вошъ по какому случаю :

Послѣ того, какъ дочь его вышла за Улисса, онъ просилъ зятя своего

поселился въ Спартѣ; но какъ Улиссъ на сіе не соглашался, то спарикъ обратился къ Пенелопѣ и умолялъ ее, чѣмъ она не покидала его въ спароспи. Пенелопа сколько ни чувствовала скорбь отца, однакожь отвѣчала, что не можетъ оставить супруга. Въ минушу ихъ отвѣзда Икаръ усугубилъ прозбы, и слѣдуя за колесницею, проливалъ токи слезъ. Улиссъ, видя его спраданіе, сказалъ Пенелопѣ, что онъ отдастъ ей на выборъ жить съ мужемъ или съ отцемъ; бѣхашъ въ Ипаку или осташся въ Спартѣ. Пенелопа покраснѣла, и вмѣсто отвѣта закрыла лице свое покрываломъ. Икаръ понялъ эшопъ безмолвный отвѣтъ, и прекратилъ свои прозбы; но, пронувъ будучи горесшью и смущеніемъ милой своей дочери, поставилъ спашую Спыдливоспи на помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило эшо.»

Мы подошли тогда къ Минервину храму. Демонаксъ сказалъ: «вотъ храмъ, сдѣланный весь изъ мѣди, и въ помъ только состоиптъ его достоинство; но онъ славенъ смершью одного Спаршанскаго Царя, измѣнника Павзанія. — Разскажете намъ исторію эшого знаменитаго пре-

спутника. — Хорошо ; однакожъ прежде надобно позавтракать. »

Мы сѣли подъ ивами на берегу прекраснаго ручейка. Демонаксъ вытащилъ изъ мѣшка нѣсколько черстваго хлѣба и кусокъ вареной свинины , и ушолъ голодъ легкою и здоровою прапезою , началъ говорить такимъ образомъ :

ГЛАВА XVIII.

Измѣна и смерть Павзаніева. Діанинъ праздникъ. Бѣгство дѣтей. Забавный случай съ Антеноромъ.

«Павзаній , эполъ великій полководецъ , который увѣковѣчилъ имя свое и увѣнчалъ себя неувядаемыми лаврами победы при Платеѣ , герой Павзаній дерзнулъ спремиться къ самовластію : онъ заплашилъ опечесству своею головою. Боги конечно попустили его погибнуть , въ опмщеніе за невинную кровь , пролитую имъ на берегахъ Гелеспонта , гдѣ онъ начальствовалъ морскимъ нашимъ ополченіемъ. Въ то время , когда онъ умышлялъ сдѣлаться измѣнникомъ ,

понравилась ему одна молодая дѣвушка, родомъ изъ Византіи, по имени Клеониса. Онъ приказалъ привести ее къ себѣ ночью. Повелѣніе исполнено; между тѣмъ Павзаній заснулъ, и Клеониса, подходя тихонько къ его постелѣ, уронила зажженный свѣщильникъ. Павзаній проснулся, и будучи подверженъ испугу, какъ-то бываешь обыкновенно съ людьми, которыхъ совѣсть не чиста, вскочилъ, схватилъ свой мечъ и повергъ несчастную Клеонису къ ногамъ своимъ мерзаву. Терзаемъ раскаяніемъ, онъ хотѣлъ очистишься, но всѣ храмы и всѣ боги его опринули; кровь Клеонисы вопіяла на небо, и вопъ какимъ образомъ онъ примирился на послѣдокъ съ правосудіемъ безсмертныхъ.

Тайную переписку свою съ Царемъ Персидскимъ опправлялъ онъ посредствомъ лазутчиковъ, которые всѣ пропадали. Послѣдній опправленный опъ него былъ молодой Тесалецъ. Этогъ примѣня, что ни одинъ изъ его предшественниковъ не возвращался, и возмѣвъ нѣкопое изъ того подозрѣніе, опважился разорвать вязъ и переломить печать ввѣреннаго ему письма: онъ увидѣлъ

изъ него все расположеніе заговора и неизбѣжную свою погибель. Пораженъ ужасомъ, спѣшитъ въ Спаршу и вручаетъ письмо Эфорамъ... Здѣсь должно опдѣлать справедливостъ благоразумной оспорожности нашихъ правителей: они не хотѣли взять Царя своего подъ спражу, пока не услышатъ его изуспшнаго признанія.

На Тенарскомъ мысу есть храмъ, посвященный Нептуну, и почитаемый у Грековъ за убѣжище ненарушимое. Послали Эссальца засѣсть въ эпомъ храмъ, и дали повелѣніе вырыть подлѣ жершвенника скрытую пещеру, изъ которой можно было слышать все, что говорили вверху: шрое изъ Эфоровъ спрятались въ ней. Какъ скоро Павзаній узналъ, гдѣ его посланный находится, то испугавшись, бросился поспѣшнѣе. Онъ входитъ въ превеликомъ смятеніи: юноша въ то время обнималъ жершвенникъ съ видомъ чело-вѣка опчаяннаго. Павзаній спрашиваетъ его, какое онъ сдѣлалъ преступленіе? Эссалецъ признается, что прочелъ письмо. Тогда Царь, объя-вивъ ужасомъ, началъ умолять его о сохраненіи тайны, и общался

осыпашъ его сокровищами, если онъ
поможетъ ему выпуститься изъ бѣды.

Эфоры, услыша все, и рѣшась
взявъ преступника подѣспражу,
оправились въ Спаршу. Павзаній,
положась на общанія Тессальца,
возвращался спокойно къ своему мѣ-
сту, и близь этого Минервина храма
повстрѣчался съ Эфорами. Одинъ
изъ нихъ, желая спасти его, далъ ему
знакъ, что онъ въ опасности; Пав-
заній тотчасъ кинулся въ храмъ.
Эфоры приказали снять кровлю и
заклать двери. Говорятъ, что мать
его, женщина преспарѣлая и дряхлая,
помогала работникамъ и сама носи-
ла имъ камни. Павзаній прожилъ нѣ-
сколько дней въ жестокихъ мукахъ;
послѣ чего при послѣднемъ уже изды-
ханіи извлеченъ за ограду, и тамъ
окончилъ жалкую свою жизнь. Та-
кимъ образомъ этою Царь, великій
по его воинской доблести и по мно-
гимъ другимъ дарованіямъ, помра-
чилъ свою славу и всѣ свои лавры
честнолюбіемъ и поносною смертію.»

Мы возвратились въ Спаршу,
чтобъ видѣть въ слѣдующій день
праздникъ въ честь Діанѣ Орѣи.
Храмъ ея находился на улицѣ Лим-
неѣ. Спашуя богини показалаь

намѣ весьма бѣдною. «Правда, что она деревянная и очень мала, сказалъ Демонаксъ; но достойна примѣчанія потому, что она та самая, копорую Орестъ и сестра его Ифигенія вывезли изъ Тавриды. Орестъ подарилъ ее намѣ. Въ слѣдствіе изреченія одного Оракула жертвенникъ ея долгое время орошался человѣческою кровью; но Ликургъ отмѣнилъ эшотъ безчеловѣчный обычай, и учредилъ вмѣсто того бичеваніе дѣтей.» — Фаноръ искалъ во храмѣ прекрасной Аспазіи, и къ щасстью случилось ему стояшь насупрошивъ ее.

Жрецы приступили къ олтарю. Одинъ изъ нихъ возгласилъ: «совершимъ изліянія и вознесемъ молишвы наши.» Другой спросилъ: «какіе здѣсь люди?» Мы отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ: «люди честные.» — И такъ, да царствуетъ молчаніе! — Тогда жрецы прочли въ лаконическомъ шшилѣ обыкновенную молишву; они просили боговъ наславивъ ихъ, какъ совокупивъ славу съ добродѣтелью: въ шомъ состояишь все то, чего они швъ благости небесной ожидають, и въ двухъ словахъ все правоученіе Гре-

Антен. Т. II.

О

ческихъ философовъ. По окончаніи молишвы привели обреченныхъ въ жершву двухъ воловъ и двухъ оленей; возложили имъ на лбы по опрѣсноку изъ ячменной муки съ солью, и лили на головы вино. На олшарѣ жгли фиговое и миршое дерево; съ чела жершвъ вырвали по клочку шерсти и бросали въ огонь. Когда живошныя пали подъ священнымъ ножемъ, то сожгли ихъ лядвеи. Жершвы раздѣлены между богами, жрецами и шѣми, кошорые поднесли ихъ: доставшееся на часть богамъ испреблено пламенемъ.

Потомъ позвали дѣшей. Для нихъ давали сей праздникъ, ихъ же и мучили. Числомъ ихъ было двадцать: всѣ нагіе, всѣ лѣшѣ по семи опрѣ роду; за каждымъ шелъ невольникъ съ пучкомъ розгъ. Юная сія толпа спала посреди храма. Одна изъ жрицъ, держа въ рукахъ Діанину спашую, подошла къ нимъ и подняла кумиръ, сколько могла выше. По сему знаку невольники начинаютъ съчь дѣшей изъ всей своей силы; удары сыплются на нихъ, какъ градъ. Невинныя жершвы не смѣютъ даже и поморщиться; родилиши знаками, угрозами, словами, укрѣпляютъ ихъ

въ перпѣніи. Кровь печешъ ручьями. Зрипели и зрипельницы, мушцины и женщины, стоя съ непоколебимою важностью, наслаждающія симъ звѣрспвомъ, какъ зрѣлищемъ пріятнымъ. Фаноръ хопя болѣе смопрѣлъ на прекрасные глаза Аспазіины, однакожъ разчувспвовался до слезъ, и сказалъ мнѣ пихонько: «о мой другъ! какое варварспво! И они смѣютъ называть это праздникомъ!» Что касается до меня, то я сжалъ всю свою чувспвительность въ сердцѣ, и просилъ пріятеля моего, чшобъ онъ былъ осторожнѣе.

Между пѣмъ палачи начали ослабѣвать; тогда жрица закричала, чшо силъ ея не спановитъся держащъ спашую. При семъ укоризненномъ воплѣ невольники усугубили свое усердіе, и удары посыпались болѣе прежняго. Нѣжные опроки, плавая въ крови, спарались казаться совершенно нечувспвительными, и улыбались всякой разъ, когда розга выдирала изъ нихъ лоскутъ кожи. «Ахъ! эшотъ мальчикъ умираетъ! вскричалъ громко Фаноръ.» Въ самомъ дѣлѣ, силы его истощились: онъ упалъ

почти безъ дыханія; поспѣшася его унесли. Но Фанорово восклицаніе не понравилось Спаршанцамъ: они взглянули на насъ какъ звѣри; мы попустили глаза и замолчали.

Когда мы пошли изъ храма, я спросилъ Демонакса, какое сдѣлали пресупленіе сіи несчастные дѣши? — Никакого; но мы хотимъ приучить ихъ къ шершнѣю. — Для чего не переломите имъ копорой нибудь ноги, чшобъ приучить ходить на одной? — Знаю, чшо мы поступаемъ нѣсколько жестоко; но за то всѣ наши молодые люди герои: никакая опасносшь не можетъ ихъ успрашивать. — Я бы очень удивился, услыша, чшо ваши молодые люди бояшся смерти: такая жизнь, какую они ведутъ, не стоить того, чшобъ объ ней жалѣть!»

Вечеромъ того дня прохаживался я въ Платанистѣ одинъ. Человѣкъ, лѣтъ шестидесяти лѣтъ роду, выспиривавъ меня долго, подошелъ ко мнѣ съ ласковымъ видомъ и сказалъ, чшо имѣетъ до меня просьбу, важную какъ для него, такъ и для всей республики. — «Располагайте мною; я ичшу себя очень щасливымъ, если

услуга, о которой вы говорили, состоитъ въ моей возможности. — Вы молоды, большого роста, смѣлы, крѣпки; я начинаю старѣться, видимо дряхлѣю. (Я неперѣливно ожидалъ конца сего предисловія). Мнѣ сдѣлана обида; вы можете спасти меня отъ безчестія. Вчера, когда я вошелъ въ наше собраніе, всѣ молодые люди вспали; одинъ только не хотѣлъ воздать этой чести моимъ лѣтамъ. Я спросилъ его о причинѣ такого презрѣнія; онъ отвѣчалъ, что я не родилъ дѣтей, которые могли бы оплести ему въ его спаросити такимъ же почтеніемъ. Вы не можете представить себѣ моей горести: четыре года тому назадъ я женился на дѣвушкѣ молодой и прекрасной. — Поздравляю васъ отъ всего моего сердца; вы должны быть очень счастливы. — Съ одной стороны я конечно счастливъ; но часно сосудъ горести стоитъ подлѣ сосуда удовольствія. Желалъ бы душевно подарить моему опечесиву гражданина; но богамъ не угодно было оказать мнѣ этой милости; теперь къ вамъ прибѣгаю: я увѣренъ, что вы обогатите республику маленькимъ

Геркулесомъ (*). «Сіе предложеніе сполько меня удивило и смутило, что я споялъ неподвиженъ, какъ спашуя. Видя молчаніе, онъ продолжалъ: «можешъ бытъ дошло до вашего свѣденія, что главное наказаніе Спаршанцу, котораго законъ лишилъ чеспи, состоишъ въ томъ, что онъ не власненъ поступаться своею женою, и не можешъ имѣть совокупленія съ чужою; онъ осужденъ обитать въ домъ своемъ съ дѣвственницами: но я ни въ чемъ передъ опечесствомъ не просхупился, и слѣдовательно могу располагать моею супругою какъ хочу.— Я никогда въ томъ не сомнѣвался (опвѣчалъ я, собравшись наконецъ съ разумомъ). Будьше

(*) Спрогіе законы другихъ народовъ о сохраненіи супружеской вѣрности казались Ликургу совершенно безразсудными. Прелюбодѣянiе почиталось въ Спаршѣ преступленіемъ въ такомъ шолько случаѣ, когда жена поступала противно волѣ мужа своего. Часно случалось, что мужья усхупали свое ложе виднымъ и благообразнымъ юношамъ, чтобы добыть отъ нихъ дѣшей крѣпкихъ и хорошо сложенныхъ. Спаршанецъ требовалъ отъ жены своей болѣе всего дѣшей.

увѣрены, что нѣтъ жерпвы, ко-
рой бы я для васъ и для города Спар-
ты не сдѣлалъ.— Можете ли вы по-
даришь меня этою ночью?— Очень
охотно. Я уже горю непремѣнно-
стию доказать вамъ мое усердіе са-
мымъ дѣломъ.— Пойдемтежь вмѣ-
стѣ; вы опущинаете съ нами.» Въ
ту минуту увидѣлъ я Фанора, и
попчасъ побѣжалъ сказать ему,
чтобы онъ вечеромъ не ждалъ меня
домой, потому что республика имѣ-
етъ нужду въ моихъ талантахъ, и
что я для города Спарты намѣренъ
провести всю ночь въ трудахъ.— Я
тебя не понимаю; располкуй мнѣ
эту загадку.— Почивай, мой другъ,
не думая ни объ чемъ, и наслаждайся
покоемъ, котораго я конечно имѣть
не буду. Прощай! мнѣ недосугъ.

Оставя Фанора, я возвратился
къ Анпифону: такъ назывался че-
стный мужъ, котораго надлежало
одолжить. Онъ попчасъ повелъ меня
къ женѣ своей и сказалъ ей: «вошъ
очень недурной молодой человекъ,
который соглашается быть на эту
ночь твоимъ супругомъ; надѣюсь,
что онъ будетъ щасливѣе меня, и
доставишь тебѣ названіе матери.
Посмотрише, довольны ли вы будете

другъ другомъ.» Тогда онъ сдерживалъ съ нее покрывало; я увидѣлъ лице прекрасное и привлекательное; большіе черные глаза, которыя она пошчасъ пошупила; длинныя рѣсницы и брови, выведенныя правильною дугою. Образъ ея привелъ меня въ восхищеніе, и обольщенныя надеждою чувства мои запылали. Я хотѣлъ сказать ей какое нибудь привѣщаніе, но слова замерли на устахъ моихъ. Заблещательство мое было ей конечно лестнѣе всякой похвалы. Взглянувъ на меня украдкою, красавица оповѣчала мужу, что она, какъ истинная гражданка, для него и для опечесства гошова на все. Я скрылъ, сколько сей оповѣщъ меня обрадовалъ; мнѣ хотѣлось дать такой видъ, что я дѣлаю одолженіе. Мы пошли ужинать, и тогда-то я узналъ всю цѣну моего шаснія. Сшанъ имѣла она величественный, походку благородную и сановитую. Во время прашезы говорила мало, и весьма изрѣдка взглядывала на меня очень скромно; когдажъ ея глаза встрѣчались съ моими, то прелестный румянецъ покрывалъ ея лице. Что касается до меня, я удерживался, чтобъ не часто на нее смотрѣшь. Аншифонъ,

виѣ себя опы радостѣ, былъ свѣтелъ, какъ ясное солнышко; казалось, что онъ любитъ свою находку. Онъ былъ съ великою жадностію, и упрашивалъ меня слѣдовать его примѣру. «Добрый Аплетъ, прежде нежели вступишь въ поприще, говорилъ онъ, долженъ подкрѣпить свои силы.» Я опивчалъ на все его шушки скромною улыбкою и самымъ дѣятельнымъ аппетитомъ, хотя столъ любезнаго моего хозяина не очень былъ великолѣпенъ. Онъ подчивалъ меня, какъ пріятеля, черною похлебкою и вареною свининою.

Предъ концемъ ужина Фартелія, (такъ называлась жена добраго Анпифона) вышла; мужъ ея сказалъ мнѣ, что она пошла меня дожидаться. «Какъ она вамъ кажется? — Прекрасная женщина; но мнѣ всего болѣе нравились ея скромность. — Думаю, что севоднишняя жертва будетъ ей не шуготна: она очень предана своему опеческу; а опы васъ можетъ надѣяться ребенка крѣпкаго сложенія.» Я увѣрялъ Анпифона, что весьма желаю оправдать его надежду и похвалы. Тогда онъ опвелъ меня въ комнату прекрасной Фартеліи: она лежала уже на постелѣ и

ожидала, какъ жертва, минуть закланія. Мужъ поцѣловалъ ее и пожелалъ намъ доброй ночи. Въ одинъ мигъ очутился я на брачномъ одрѣ, гдѣ Любовь и Гименъ упишали меня всѣми своими сладостями. Я бы желалъ, послѣдуя Юпитеру, остано-вивъ печеніе солнца, и продолживъ сію щасливую ночь; но безжалостная заря, не заботясь о моихъ удовольствіяхъ, ошворила въ свое время врага дню.

Едва слабое блистаніе свѣта начало прогонять ночную тьму, какъ попечительный Анпифонъ пришелъ напомнить намъ, что пора уже разсѣяться. Такой опускъ показался мнѣ весьма неучпивымъ. Я долго мѣшкалъ всѣваться съ постели; но временная моя супруга вырвалась изъ моихъ объятій; пріятно-сти и ушѣхи утѣкли вмѣстѣ съ нею. Анпифонъ осыпалъ меня благодареніями. Я вызвался прийти къ нему въ другой разъ, если онъ думаетъ, что одного опыта не довольно. Покорно благодарю! я увѣренъ, что такому человѣку, какъ вы, не нужно приниматься за одно дѣло два раза.» Мы разсѣлись восхищены другъ другомъ. Съ тѣхъ поръ сей усердный

гражданинѣ всегда оказывалѣ мнѣ чрезвычайныя ласки, но къ себѣ однакожь не звалѣ; а жена его, когда со мною вспрѣчалась, пошупляла глаза и не удостоивала меня даже взглядомѣ.

Фанорѣ ни мало не думалѣ, что со мною случилось такое щаспіе; напрошивѣ того онѣ очень превозвился о моемѣ опсущствіи, и нѣжная дружба его не прежде, какѣ по возвращеніи моемѣ, успокоилась. Нельзя предсавивѣ себѣ его удивленія, когда я рассказалѣ ему о важной услугѣ, оказанной мною городу Спарѣ, между тѣмѣ какѣ онѣ, бесполезный болванѣ, предавался праздности и сну. Чшобѣ разгорячивѣ его еще больше, я не пропустилѣ ни одной подробности, и описалѣ ему пламенную кистью прелести моей Венеры. При каждомѣ словѣ, которое довершало картину, онѣ восклицалѣ: «возможно ли! какѣ пы щаспливѣ! Видишь однакожь, что и въ этой землѣ естѣ хорошее. Гораздо лучше поступаться женою, выславляя на показѣ прелести молодыхѣ двушекѣ, нежели мучивѣ ребятѣ розгами, кидать ихѣ въ пропасть, или красѣ изѣ кармановѣ. Если

республика разсудилъ за благо упо-
 пребилъ мои дарованія; но я прошу
 ей охотно покражу моей дичины, и
 сверхъ того обязываюсь обогатить
 ее самымъ здоровымъ и сильнымъ
 гражданиномъ.» Фаноръ не спалъ
 дожидаясь до завтра, и въ то же
 самый день, закушавшись въ боль-
 шую епанчу, отправился искать
 себѣ упражненія. Онъ шагалъ до
 самаго вечера по площади, по Пер-
 сидскому портику, по Платанисту,
 по всѣмъ общесшвеннымъ мѣстамъ,
 выпягивался какъ журавль, чпобъ
 казаться выше, подходилъ къ спа-
 рикамъ, говорилъ имъ о своемъ по-
 чтеніи къ Спаршъ, и продолжалъ
 сію комедію двѣ недѣли сряду; но
 не нашелъ ни одного учпиваго Спар-
 шанца, который бы догадался пред-
 ложить ему свою жену: онъ былъ
 въ презлой досадѣ.

Демонаксъ позвалъ насъ на одну
 очень забавную церемонію. «Она по-
 кажетъ вамъ спранною, сказалъ
 онъ; все то, что несогласно съ на-
 шими обычаями, съ чѣмъ привычка
 не ознакомила нашихъ глазъ, всегда
 удивляетъ.» Въ то самое время вхо-
 дили мы въ Юонинъ храмъ. Предъ
 жершвенникомъ мы увидѣли велико-

рослаго мушину, лѣпѣ сорока отѣ
роду; онѣ стоялѣ нагой посреди пя-
ти или шести женщинѣ, копорыя
его сперегли. Вдругѣ сей человекѣ
началѣ бѣгать около жершвенника;
женщины за нимѣ погмались съ роз-
гами, и сѣкли его изо всей силы. Фа-
норѣ и я помирали со смѣху. Обѣ-
жавѣ нѣсколько круговѣ, спрада-
лецѣ остановился, и сѣченье кончи-
лось. Я спросилѣ Демонакса о сей
чудной сценѣ. «Это у насѣ наказа-
ніе за безженство, отвѣчалѣ онѣ.
Мы почишаемѣ супружеское соспо-
яніе должностью всякаго гражда-
на; и для того копорыя остаются
холосными, шѣхѣ замужнія женщи-
ны сѣкутъ розгами. У насѣ даже
поздній бракѣ вмѣняется въ пре-
супленіе.»

Два дни спустя былѣ общенарод-
ный праздникѣ. Спаршане раздѣли-
лись для пляски на три толпы: въ
первой были спарики, въ другой
взрослые люди, въ третей дѣти.
Каждый ихѣ прехѣ хоровѣ пѣлѣ по-
переменно. Спарики начали такимѣ
образомѣ:

*Мы нѣкогда были молоды, муже-
ственны и смѣлы.*

Люди средняго возраста:

Мы таковы теперь. Пусть кто захотѣ насъ испытаетъ.

Дѣши:

А мы таковыми будемъ со временемъ, да еще и превзойдемъ васъ.

ГЛАВА XIX.

Письмо отъ Ласееніи. Болѣзнь Аристиппова. Кантата.

Я былъ еще въ Спартѣ, когда получилъ непріятное извѣстіе о смерти Аристипповой.

«Дѣвѣ недѣли уже (писала ко мнѣ Ласеенія), какъ сей почтенный другъ, сей любезный философъ переспалъ мыслишь и жишь. Посылаю тебѣ подробное описаніе послѣднихъ его дней, которое я просмотрѣла и выправила, какъ скоро горестъ моя позволила мнѣ шѣмъ заняться. Перешествіе такого человѣка отъ жизни къ небытію достойно любопытства и вниманія людей. — — — Когда Аристиппъ почувствовалъ близость смерти, то попросилъ своего врача, чтобы онъ безъ всякихъ околичностей сказалъ ему искреннее свое мнѣніе. Врачъ видя, что онъ имѣетъ

дѣло съ человѣкомъ швердымъ, опшвѣчалъ, что судьба его рѣшилась въ весьма короткое время. — « Чрезъ нѣсколько дней вы или умрете или будете здоровы. — Понимаю. И такъ я сойду съ опять съ училемъ моимъ Сократомъ; увижу эту Лаису, которой красота и разумъ воспламенили столько сердецъ, вскружили столько головъ! » Надежда возродилась новымъ бытиемъ заключаешь въ себѣ нѣчто великое, нѣчто доспоенное существу разумаго! Она ласкаетъ самолюбіе, подкрѣпляетъ во всѣхъ горестяхъ и облегчаетъ путь къ смерти. Врачъ совѣтовалъ Аристиппу удалять печальныя мысли. « Не опасайся, опшвѣчалъ больной; смерть меня не испугаетъ, я знаю цѣну жизни. Пиндаръ называлъ жизнь сонною мечтою. Любезный другъ! продолжалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, я училъ себя жить; теперь хочу показатъ себѣ, какъ должно умирать. Не знаю, за чѣмъ мы въ эпопѣ подлунной міръ приходимъ; но между шѣмъ, какъ Харонъ приготовляетъ для меня свою лодку, я намѣренъ прыгнуть въ нее легкимъ скачкомъ, и сдѣлать конецъ моего путешествія подобнымъ вечеру прекраснаго дня. »

Онѣ распорядилѣ дѣла свои съ удивительною ипвердоспью духа; послѣ чего велѣлъ себя перенести въ загородный свой домѣ, и поспавилѣ свою поспелю противѣ самаго окна, чпобѣ успѣшѣ, говорилѣ онѣ, еще нѣсколько насладишся зрѣмищемѣ поля и приптноспью зелени. Комнатѣ его убрали вѣшными деревѣ и сосудами съ цвѣтами. Не взирая на смѣшное обыкновеніе, онѣ не хопѣлъ, чпобѣ печальная шемноша омрачала его жилище: днемѣ самое блиспапельное солнце разсыпало предѣ нимѣ свои лучи; ночью множеспво свѣспильниковѣ замѣняли дневное сіяніе. Видя, что я весьма огорчаюсь, онѣ сказалѣ миѣ: «обѣ чемѣ ты сокрушаешь? кпю знаешь: смерть благо или нещаспие? Время, которое разлучаетѣ умирающаго отѣ оспяющихся въ живыхѣ, шакѣ корощко, что не спощишѣ сожалѣнія. Первая шолько смерть, равно какѣ первая ночь, должна была произвеспи удивленіе и печаль. На приливѣ и опливѣ людей надобно смопрѣшѣ шакѣ же спокойно, какѣ на приливѣ и опливѣ моря, или на перемѣну листвія. Чпю нужды, что одно сущеспво убудетѣ? другое заспунишѣ его мѣспо. Земля

такой театр, въ которомъ дѣйствовашели *бѣлыя тѣни*, а декорации *подвижныя картины*. Я всѣмъ наслаждался, все видѣлъ, все вычерпалъ; не было бы уже ничего для меня новаго. При томъ извѣстно ли, какая была бы моя судьба, если бы жизнь моя еще продолжалась? Хочу окончить свое печеніе какъ достойный начальникъ Киренаической секты. Я посылалъ за пѣвицами: прикажите ихъ позвать. — Тогда начался маленькой концертъ. Одна музыканшша, въоря себѣ на лиръ, пѣла любовь прекраснаго Нарциса. «Нарцисъ не любилъ ни одной Нимфы. Эхо, молодая Эхо, вздыхала по немъ бесполезно. Ея прелести, нѣжныя взгляды, крошкія прозбы, пламенная любовь, ничто не могло побѣдить его равнодушія. Въ опчаяніи отъ такой жестокости, чѣмъ скрыть свой стыдъ, она убѣжала въ лѣса; но любовь погналась за своею добычею и привязалась къ ней еще сильнѣе. Грусть снѣдаетъ несчастную; тѣло ея сохнетъ; прекрасныя, нѣжныя округлости пропадаютъ; остаются одни кости, но и тѣ превращаются въ камень. Эхо уже только звукъ: она обитаетъ на скалахъ, на горахъ; всѣ слышатъ

ея голосъ, никто ее не видѣлъ. Такъ Нарцисова красота дѣлала любезнѣйшихъ Нимфъ несчастными. Въ одинъ день, когда солнце, съ крайней своей вышины, изливало огонь ручьями, онъ возвращался съ звѣриной ловли, утомленъ трудомъ и зноемъ. Видѣвъ источникъ, который многолиственныя попоны покрывали благодѣтельной своею тѣнью; густая, мягкая трава предлагаетъ ему покойное ложе. Привлеченъ миловидностью и прохладностью сего убѣжища, Нарцисъ ложился на берегу; прозрачная вода манила его утолить жажду; онъ наклоняется, и вдругъ пекучій кристаллъ представляетъ ему черпъ его. Онъ видѣвъ на гладкой и чистой поверхности лице прекрасное; не познавъ себя, и любуется самимъ собою; сердце его пылаетъ, и чего не могли сдѣлать всѣ Нимфы вмѣстѣ, то производитъ пустая мечта. Прикинувъ къ ручью, онъ ее разсматриваетъ, и все его восхищаетъ: пріятная множествъ глазъ, волосы подобные волосамъ Аполлоновымъ, прелестное лице, на которомъ нѣжный румянецъ розы мѣшается съ бѣлизною лилеи; Нарцисъ горитъ; онъ, предметъ своихъ желаній.

Хочешъ облобызать обманчивое начертаніе, хочешъ сжать его въ своихъ объятіяхъ, и обнимаешъ утѣкающую воду. Безумный! шы влюбленъ въ собсѣвенную свою тѣнь! Ничто, ничто не можешъ оплечь его опъ сихъ мѣстъ: ни приманчивость сна, ни попребность въ пищѣ. Размѣтавшись на правѣ, онъ насыщаешъ только жадные свои взоры. Попомъ приподнимаешся, и проспирая руки къ окружающимъ его деревьямъ, говоришь: милые лѣса! былъ ли кто нещаснѣе меня, больше меня разперзанъ любовью? вы, копорые живете сполько вѣковъ, вы то знаете; скажалъ—и умолкъ. Нещасный гибнешъ, изнуряешся, румянецъ его пропадаешъ, красота вянешъ. Онъ сохнешъ, подобно какъ жидкіе перлы ушра изсыхающъ опъ первыхъ солнечныхъ лучей. Онъ шерзаетъ на себѣ одежду, разитъ грудь свою — и грудь его спановишся подобна яблоку, копорого бѣлизна подкрашена зрѣлостью. Нимфа Эхо, печальная мукъ его свидѣтельница, забываешъ жестокости его и неблагодарность; забываешъ—и вмѣстѣ съ нимъ печалишся. Каждый разъ, когда Нарцисъ воздыхаетъ и говоришь *цвы!* она опвѣчаетъ *цвы!*

Когдажъ при послѣднемъ издыханіи говоришъ онъ своему изображенію слабымъ голосомъ: *прости, прости!* Эхо голосомъ еще слабѣйшимъ повшоряешъ: *прости, прости!* На яды, сеспры ея, оплакивали его кончину, и положили волосы свои на его шѣло. Онѣ пригопояляли кosterъ, гробъ и погребательные факелы; но шрупъ изчезъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, нашли желтый цвѣтъ, коего средопочіе окружено бѣлыми лепешками. Сей цвѣтокъ названъ нарцисомъ.»

Послѣ сей канпаши вошелъ врачъ и предписалъ Аписпишу взваръ изъ шравъ. «Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ больной, не надобно ничего горькаго, ничего непріятнаго! я буду пить вмѣстѣ съ вами Лесбоское вино.» — Онъ посадилъ насъ ужинашъ подлѣ своей постели и спросилъ смѣючись: «какъ вы думаете, если бы я принесъ богу Эпидаврскому въ жертву пѣшука, или черную овцу, шо даровалъ ли бы онъ мнѣ исцѣленіе? — Богамъ все возможно. — Вѣрю; но я никогда не буду имѣшъ дерзости требовашъ, чшобъ они для меня перемѣнили порядокъ вселенной. Попрошу шолько бога Меркурія, про-

водника душъ , чшобъ онъ опвелъ
моей хорошенькую кварширу. »

Мы спросили его, не хочешъ ли онъ
бышь погребенъ въ Киренъ, его опе-
чешвъ?— Дорога на шотъ свѣшъ не
ближе опъ одного мѣста, какъ и опъ
другаго. Года при шому назадъ, на-
шелъ я на горъ Парнъ (не далеко опъ
олшаря , на кошоромъ приносяшъ
жершвы шо Юпишеру дождливому,
шо Юпишеру доброму) пещеру окру-
женную скалами и обросшшую плю-
щемъ: хочу, чшобъ тамъ положили мои
кости. Я около этой пещеры часно
препровождаль цѣлые часы въ раз-
мышленіяхъ о гордостши и ничтож-
ности человѣческой, объ оконча-
тельной и непоняшной причинъ эфе-
мернаго нашего бышя и о непоси-
жимомъ Творцѣ всѣхъ шѣхъ миллио-
новъ міровъ, кошорые плавають по
безпредѣльному пространству. Жи-
вописецъ-меланхоликъ не могъ бы
лучшей выбрать напуры: дубы, со-
крушенные древностью, вязы во всей
своей крѣпости, сосны и дикія олив-
ковыя деревья—все, на что ни взгля-
нешъ , одно на другое не похоже.
Какъ скоро я это мѣсто увидѣлъ,
шо и назначилъ его въ послѣднее
себѣ жилище. По крайней мѣрѣ, если

пѣнь моя спаненіѣ, какѣ увѣряющѣ,
скипанѣсья вокругѣ моей могилы, шо
не буденѣ ей душно; и докучливые,
кошорыхѣ вѣ здѣшнемѣ мірѣ я боялся
болѣе мора и голода, не придумѣ шуда
возмушнѣ моего покоя.»

Г Л А В А XX.

*Бесѣды Аристипповы съ Эвдоксіемъ
и Анаксимандромъ. О Египет-
скомъ богослуженіи. О нравахъ
Египтянъ.*

Подѣ конецѣ нашего ужина вошли
Эвдоксій и Анаксимандрѣ—два фи-
лософа, Аристипповы друзья. Пер-
вый былѣ Аспрономѣ, врачѣ и зако-
нодатель; а другой ученикѣ изѣ Ли-
цея. Они пришли сидѣть съ боль-
нымѣ и посвящнѣ ему свои попе-
ченія. Оба достойны были общества
его и дружбы. При обширныхѣ зна-
ніяхѣ имѣли они самое тонкое раз-
сужденіе и необыкновенный филосо-
фическій разумѣ. Аристиппѣ уго-
варивалѣ меня, чшобѣ я шла спать;
но мнѣ разсудилось лучше оспать-
ся съ ними, нежели посповать одной
вѣ щещномѣ ожиданіи сна: разго-

ворѣ между прѣмѣя учеными и любезными философами общалъ много пріятнаго и поучительнаго. Рѣчь зашла о законѣ: ихъ забавныя и оспоряя шутики пали на оракуловъ, на чудеса, на легковѣріе и глупость народа. Говорили смѣяучись о пламенныхъ спруяхъ Флегетона, о Теогоніи жрецовъ, о раздѣленіи челоуѣка по смерши его на чешыре часши. Эвдоксій, кошорый болѣе года жилъ въ Египтѣ, рассказывалъ намъ, что онъ былъ въ Мемфисѣ въ то самое время, когда скончался воуѣ Аписъ. Я спросила его о семъ божествѣ и какимъ чуднымъ случаемъ Египтяне впали въ такое безуміе, что обоготворяли скотину?—Воуѣ какъ, опѣчалъ онъ: Озиридъ, ихъ Царь, супругъ Изиды, сеспры своей, убишъ брапомъ его Тифономъ. Изида, нашедъ прупъ, велѣла предашъ его погребенію. Подлѣ гробницы явился быкъ, и суевѣріе заключило, что то самъ Озиридъ; а народъ изъ благодарности и привязанности къ бывшему своему Царю причелъ его къ лику боговъ. Срокъ жизни вола Аписа опредѣляется жрецами. Тотъ, кошорому поклонялись, когда я пріѣхалъ въ Мемфисъ, осужденъ на смершь во

время моего тамъ пребыванія. Опшвели его на берегъ Нила, воздали ему божескія почести и утопили; пошомъ выпасили его изъ воды, набальзамировали и погребли великолѣпно. Жрецы одѣлись въ черное плашье и весь городъ впалъ въ уныніе.

Печаль и сѣшование продолжались до шѣхъ поръ, пока нашли другаго бога-быка. Онъ долженъ имѣть бѣлое чешвероугольное пяшио на лбу, подобіе орла на спинѣ, и бѣлые лунные рога на правомъ боку. Жрецы увѣряютъ, что такой быкъ бываетъ всегда породы небесной. Они говорятъ, что луна изливаетъ плодотворный свѣтъ, который какъ скоро коснется коровы, то она пошчасъ дѣлается спельною и раждаетъ Аписа. Въ такомъ случаѣ священнослужители разсмаприваютъ плодъ, и если на шеленкѣ найдутся всѣ пошребные знаки, то признаютъ его Аписомъ и возвѣщаютъ о томъ народу. Въ мое время искали новаго Аписа при мѣсяца. Какъ скоро его нашли, городъ принялъ совсѣмъ другой видъ: радость и ликованіе развѣяли облака печали. Новое божество должно было всшунить въ Мемфисъ чрезъ сорокъ дней. До того времени

оно пребываетъ въ Ниловомъ городѣ. Право прислуживать ему принадлежишь только женщинамъ, въ щегольскихъ и соблазнительныхъ одеждахъ. Увѣряли меня, что прислужницы должны прежде обриться, и подступитъ къ нему въ неблагоприсойномъ видѣ.

Приготовили для быка лодку, въ кошорой находился нишъ, великолѣпно позолоченный, и по прошествіи сорока дней оправили его въ Мемфисъ. Какъ скоро онъ туда прибылъ, то жрецы, въ полошнанныхъ ризахъ, съ обрванными головами, въ шляпахъ изъ цвѣтовъ, вышли ему на встрѣчу. Иные несли кадилницу, другіе ципру. За жрецами шла толпа юношей въ полошнанныхъ же одеждахъ; они плясали и пѣли священныя пѣсни. Множество флейщиковъ и всякаго званія людей несли корзины съ пищею для бога. По сошествіи Аписа на берегъ, жрецы окружили его и осыпали цвѣтами и всякими ароматами. Дѣшнымъ только позволено было подойти къ нему; они вбирали въ себя его дыханіе и потчасъ получали даръ пророчества. Быкъ стоялъ между тѣмъ какъ болванъ, ни мало не чувствуя воздаваемыхъ ему поче-

шей. Когда народъ довольно насмотрѣлся, довольно намолился, то жрецы препроводили Аписа торжественнымъ ходомъ въ Озиридовъ храмъ, гдѣ опвели ему два великолѣпные спойла. Такъ-то онъ пребываетъ въ укрывиши онъ взора непросвѣщенныхъ. Показываютъ его весьма рѣдко. Во все время бытности моей въ Египтѣ выводили его одинъ только разъ. Улицы, по которымъ онъ гулялъ, усыпаны были цвѣтами. Вкругъ его шло множество чиновниковъ и толпа дѣтей: первые очищали дорогу отъ черни, а послѣдніе пѣли ему похвальные пѣсни.

Недѣля послѣ его прибытія прошла вся въ пированіяхъ и веселостяхъ. Египтяне поздравляли другъ друга въ храмахъ, на улицахъ, въ домахъ. Я самъ бѣгалъ съ поздравленіями по всѣмъ моимъ знакомымъ, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ спрашивать бога о своей судьбѣ. Я поднесъ ему ячменную лепешку ; онъ проглотилъ ее весьма благосклонно, и одинъ жрецъ объявилъ мнѣ, что это весьма хорошее для меня предзнаменованіе. Потомъ велѣли мнѣ приложивъ губы къ его уху, и закусивъ оба свои пальцами. Поспоявъ нѣсколько вре-

мени въ этомъ положеніи, я пошелъ изъ храма, и продолжалъ еще держаться за уши свои. Сказано было мнѣ, чѣмъбъ я не прежде опомкнулъ ихъ, какъ за дверями, и внималъ бы тогда рѣчамъ перваго человѣка, котораго услышу. На дворѣ двое прошли мимо меня; одинъ говорилъ другому: «жена моя презлая женщина; я бы дорого заплатилъ, чѣмъбъ она была въ прехъ челюспяхъ Цербера.» Смыслъ этого оракула всегда казался мнѣ очень темнымъ. Не знаю, буду ли я пожранъ премо челюспями Цербера, или женюсь на злой женѣ, что еще хуже. Каждый годъ Мемфискіе жрецы поржествуютъ недѣлю рожденія Аписа. Приносятъ ему въ жертву даже быковъ. Сказываютъ, что крокодилы ославляютъ на то время свою люпость и не дѣлаютъ никому вреда.—Это очень вѣроятно, сказалъ Аристинъ; однакожь прощайте; надобно мнѣ отдохнуть. Завтра, если Лахезиса примется еще за вершено моей жизни, приходите повидаться съ тѣмъ вашимъ другомъ, который дни чрезъ два отправится для перемѣны воздуха на свою отчизну.»

Г Л А В А ХХІ.

*Любовный Аристипповъ анекдотъ.
Депутація къ нему отъ Академіи
и Лицея.*

Въ слѣдующій день показалось мнѣ, что больному спало гораздо легче. Любуясь тихою свѣтлостію неба, онъ пожелалъ, чтобъ его перенесли въ садъ подъ миршы и сирены. «Не хочу лишить себя и этого послѣдняго луча свѣта, сказалъ онъ.» Я пошла за нимъ. Онъ говорилъ со мною о молодыхъ своихъ лѣтахъ; рассказывалъ нѣкоторыя свои приключенія. «Если бы ты началъ жить снова, спросила я его, то еще ли бы спалъ полагаясь вышнее благо въ житейскихъ сладостяхъ?—Конечно!—А въ чемъ бы ты полагалъ житейскія сладости? — Въ совокупности удовольствій разума и чувствъ и въ пріятныхъ движеніяхъ сердца. Чувственные удовольствія однѣ скоро ушомлająтъ, а вышнее благо Платона и другихъ философовъ, которые заблудились въ лабиринтъ оплеченносей, истинная химера. Нѣтъ вышняго блага, равно какъ нѣтъ совершенной красоты. Чтobъ наслаж-

дашься непрерывнымъ удовольствіемъ, надлежало бы непрерывно *чувствовать пріятное*, непрерывно *желать*, и бышь въ состояніи непрерывно *удовлетворять своимъ желаніямъ*. Но послѣ хорошаго обѣда вареніе въ желудкѣ соединено съ *шягосшью*; за любовными забавами слѣдуешь *успалосшь*, а у женщинъ *беременносшь*. Если хочешь, *чтобъ покой былъ пріятенъ*, то прежде надобно *ушоминься*. И такъ не лзя наслаждашься *поспояннымъ благоденствіемъ*, не лзя имѣшь *непрерывнаго продолженія пріятныхъ ощущений*. *Благополучиѣ всѣхъ потѣ*, кшо соединяешь *крапковременныя наслажденія чувствъ съ продолжительными удовольствіями разума*. Упражненіе въ наукахъ есть *вѣрнѣйшее средство отъ скуки, этого зла, сопряженнаго съ челоѣкомъ*. *Наукамъ обязанъ я лучшими часами моей жизни; нѣтъ горести, кошорой бы онѣ не усладил*. Онѣ *украшаютъ разумъ испинами, возвышаютъ душу, научаютъ знать людей; онѣ дѣлаютъ насъ челоѣколюбивѣ, снисходительнѣ, просвѣщеннѣ въ знаніи долга нашего и пріятнѣ въ обществѣ.*»

Въ вечеру пришли оныя Эвдоксій и Анаксимандръ : мы возвратились въ комнаты и спали ужинавъ. Анаксимандръ сказалъ шутя Аристиппу , что онъ совѣщуетъ ему для примиренія съ Юноною сдѣлать ей изліяніе. «Я бы лучше хотѣлъ примириться съ аппетиномъ, ошвѣчалъ больной; но чтобъ сдѣлать ужинъ вашъ повеселѣе , расскажу вамъ одно маленькое любовное приключеніе, которое случилось со мною въ блистательные дни моей молодости. О прекрасный сонъ!

Мнѣ было около тридцати лѣтъ, когда жажда познаній и любопытство привлекли меня въ Коринѣ. Склонность моя къ забавамъ и женщинамъ путешествовала вмѣстѣ со мною. Я влюбился въ Ливиссу, женщину молодую и прекрасную. Славная Лаиса, съ которою тогда я былъ въ связи, услышавъ о моей невѣрности, отправилась поспѣшнѣе изъ Аѳинъ. Она явилась въ Коринѣ въ мускомъ плащѣ, познакомилась съ Ливиссою, старалась ей понравиться, опушала ее сѣнями изъ цвѣтѣвъ, и приготовила душу ея къ непосредству. Вы знаете , сколько эта прекрасная Сициліянка была любезна

и прелестна; не было подобной ей женщины. По несчастію случилась мнѣ надобность опѣвѣхъ на недѣлю въ Мегару; она употребила это время въ пользу. Добившись опѣ Ливиссы признанія въ ея обязашельствѣ со мною, сказала ей: «нужды нѣтъ, что ты любила его нѣскольکو времени; непостоянство есть потребностъ души, законъ природы: годъ не стоитъ въ одной порѣ: весна распускаетъ цвѣты; лѣто золотитъ колосья; богатая осень поднимаетъ голову, покрывая плодами и Вакховыми дарами. Наступаетъ зима и перемѣняетъ сцену: деревья лишаются своей одежды; сады, копорые такъ пріятно зеленѣлись, на копорые такъ мило было посмопрѣшь, охлаждають воображеніе и погружаютъ душу въ уныніе.» Надобно думать, что она говорила очень краснорѣчиво, пошому что успѣхъ ея былъ совершенный. Лишь только я пріѣхалъ, Ливисса позвала меня къ себѣ. Когда я вошелъ, то примѣшилъ въ ней какое-то смущеніе, нѣчто принужденное. Вопросъ мой о томъ еще болѣе замѣшалъ ее. Она покраснѣла, пошупила глаза, и наконецъ сказала мнѣ: «любезный Аристиппъ!

шы философъ, и слѣдовательно скло-
ненъ къ снисхожденію... — Снисхо-
жденіе такъ часто бываетъ нужно
мнѣ самому, что оно сдѣлалось лю-
бимою моею добродѣтелью. И такъ
говори съ полною довѣренностью
другу, который заранѣе тебя изви-
няетъ. — Я тебя любила... — По
крайней мѣрѣ такъ казалось. Но къ
чему ведешь это предисловіе? развѣ
любовь твоя оканчивается? — Да;
не хочу тебя обманывать. — Бла-
годарю за чистосердечіе; однакожь,
скажешь правду, я не ожидалъ столь
скорой переменъ. Конечно мѣсто
мое заступилъ кто нибудь любезнѣе,
щасливѣе меня? — Нѣтъ не любезнѣе,
но можешь быть щастливѣе, если
пріобрѣтеніе моего сердца можешь
почесать щастіемъ. — За искрен-
ность твою прощаю тебѣ твое не-
постоянство; но сдѣлай одолженіе,
скажи, кто этотъ щастливый со-
перникъ? — Твой пріятель; имя его
Амиклесъ. — Амиклесъ? да, я зналъ
одного Аѳинянина, который такъ
назывался; онъ былъ маленькаго ро-
ста, кривъ, носъ имѣлъ расплющен-
ный, губы толстыя, волосы курча-
вые; однимъ словомъ, совершенно по-
ходилъ на Сатира. Ужъ не на этого

ли красавчика вы изволили меня про-
мѣнять? Если такъ, то поздравляю
васъ отъ всего сердца.» Въ ту мину-
ту изъ другой комнаты отворяется
дверь; входитъ молодой человѣкъ и го-
воритъ мнѣ: «посмотри, Аристиппъ,
посмотри, вѣрно ли ты описываешь
людей, и похожъ ли я на Сашира.»
Представьте себѣ мое удивленіе:
незнакомецъ былъ прекрасенъ какъ
Нарциссъ. Пользуясь моимъ молча-
ніемъ, онъ продолжалъ: «и такъ лю-
безный, *премилый* Аристиппъ не
хочетъ узнать пріятеля, съ кошо-
рымъ, кажется, онъ былъ довольно
въ шбсномъ знакомствѣ, и копорый
раздѣлялъ съ нимъ всѣ его удоволь-
ствія.» Посмотрѣвъ попристальнѣе,
увидѣлъ я, что мнимый мой со-
перникъ сама Лаиса. «Ливисса оп-
даешь мнѣ свою руку, сказала она, и
только ожидаешь вашего на то со-
гласія.— Если нѣтъ никакихъ дру-
гихъ препяшствій, то небо да благо-
словитъ вашъ бракъ, опвѣчалъ я
улыбаясь, обращаясь къ моей невѣр-
ной; однакожь думаю, что есть од-
на законная причина, копорая мо-
жетъ помѣшать взаимному ваше-
му благополучію.—Какая причина?
спросила Ливисса съ удивленіемъ;

не вижу никакой; я увѣрена въ сердца любовника моего, какъ въ моемъ собственномъ.— Это очень хорошо; но для супружества сердца не довольно. Впрочемъ любовникъ вашъ здѣсь; онъ самъ это располкуешъ.» Тогда Лаиса, принеся нѣсколько припворныхъ извиненій, призналась ей въ безполезности любви своей, и напоследокъ объявила о своемъ полѣ. Ливисса побагровѣла отъ смущенія и досады; бросила на насъ грозный, спрашный взглядъ, и ушла какъ бѣшенная.» —

Тогда доложили Аристиппу, что Академія и Лицей прислали къ нему депушатовъ освѣдомиться о его здоровьѣ. Онъ велѣлъ ихъ впустить, и, послѣ обыкновенныхъ учтивостей и по извѣявленіи своей благодарности, сказалъ: «въ великой книгѣ судебъ опѣвѣздъ мой опредѣленъ; севодни, или завтра я опправляюсь: скажите моимъ собратіямъ, что если на томъ свѣтѣ буду имѣть къ Паркамъ доступъ, то попрошу, чтобы онѣ долѣе пряли нить ихъ жизни, и не скупились бы присучивать къ ней золоша и шелку.» —

Когда депушаты ушли, то онъ предложилъ намъ выйти за здо-

ровые Плутона и Прозерпины.—Смѣ-
ялись, пѣли—и Аристиппѣ на смерш-
номъ одрѣ, казалось, пригошьялся
къ брачному шоржеству.

Анаксимандрѣ сказалъ намъ о
смерши Анипуса, врага, гонителя
Сократова. Послѣ осужденія сего ве-
ликаго мужа злодѣй убѣждалъ въ Ира-
клію, гдѣ и нашелъ праведное себѣ
наказаніе: его убили камнями. «Ду-
маешь ли ты, спросилъ Аристиппѣ,
что родъ человѣческой опчасу болѣе
развращается, что пороки и злость
людей возрастаютъ изъ вѣка въ
вѣкъ?—По моему мнѣнію, опвѣчалъ
Анаксимандрѣ, сердце, то есть, ха-
рактеръ людей, равно какъ и физи-
ческое сложеніе никогда не перемѣ-
няется: мы имѣемъ все тѣ же орга-
ны; зрѣніе и слухъ у насъ не лучше и
не хуже зрѣнія и слуха, какія были у
предковъ нашихъ. Обстоятельства
(какъ, на примѣръ, Царь правосудный
и просвѣщенный, хорошіе законы,
мудрое правительство) могутъ улуч-
шить одно поколѣніе, развернуть
нѣкошорыя добродѣтели, воздер-
жать пороки; но люди, подобно водѣ,
пускающіяся опять въ прежнее пече-
ніе, какъ скоро плотина разруши-
ся.—Жаль мнѣ, сказалъ Аристиппѣ,

что ты такъ думаешь. Слѣдовательно трудъ мой пропасть: я сочинилъ-было чепыре сшиха на это принятое мнѣніе, что свѣтъ чѣмъ болѣе сгарѣетъ, тѣмъ горчайшіе приносятъ плоды, то есть, опчасу злѣйшихъ производитъ людей.

Одна мысль часто меня занимала: несообразность и странность напуга, которая дала людямъ инстинкты и характеры столько различные; а въ разсужденіи всѣхъ прочихъ животнохъ всегда придерживалась единообразнаго начертанія. Каждый родъ животнохъ имѣетъ свой нравственный *отпечатокъ*, столько же непремѣнный, какъ инстинкты прозябаемыхъ. Тигръ всегда жестокъ, всегда кровожаденъ; левъ отваженъ, гордъ и лютъ; характеръ голубки крошечность и робость. Человѣческій только родъ имѣетъ инстинкты и нравы всѣхъ животнохъ. Иной подобенъ свирѣпостью шкуру, другой крошеченъ какъ голубка; Ахиллъ дышитъ храбростью льва, а Оерсисъ имѣетъ всю трусость бѣгающаго зайца. Напуга могла произвести всѣхъ людей безъ извѣстія или добрыми, или злыми. Если бы всѣ были добры, то всѣ были бы щаст-

ливы; если бы всѣ были злы, то по крайней мѣрѣ добрые не страдали бы отъ нихъ. . . . Подайте мнѣ чашу: хочу пить въ честь великаго Зевса; благодарю его, что онъ далъ мнѣ пожить лѣтъ около шестидесяти. На что онъ пустилъ меня въ свѣтъ, не знаю; но думаю, что послѣ моей кончины онъ сдѣлаетъ мнѣ эту довѣренность. Момъ правду сказалъ, что боги были пьяны, когда создали человека, и послѣ не могли безъ смѣха взглянуть на свое произведение.»— Аристиппъ выпивъ вина умолкъ. Мы думая, что онъ заснулъ, спали говорить тихонько; но вдругъ онъ вскричалъ: «прошу выслушать послѣднюю мою волю:

«Хочу, чтобы при выносе меня, вмѣсто опечесивенныхъ гимновъ (потому что мертвый не имѣетъ уже опечесива) пѣли любовныя и всякія веселыя пѣсни—хочу, чтобы не выставляли пѣла моего передъ домомъ съ сосудомъ лупральной воды, кошорою прохожіе, слѣдуя смѣшному обычаю, скропляются; смотря мертвому подъ носъ, чего я не люблю—хочу, чтобы вы опсѣтали семидневный срокъ, и на другой же день послѣ моей смерти зарыли

меня въ могилу—хочу, чѣмбѣ положили меня на косперѣ лицембѣ къ востоку, а не къ западу, для того, что я всегда любилѣ смотрѣшь на возхожденіе солнца—Ласѣенію прошу одѣшься въ бѣлое, а не черное плашье, попому что *умереть*, говоривѣ Пиагорѣ, *есть: освободиться изѣ затогенія*.—Психагоги да не призывають моей души, или шѣни: эшто было бы бесполезно; пущѣ изѣ того свѣша столько длиненѣ, что она конечно не захочетѣ въ него пущишься—хочу, чѣмбѣ на урнѣ моей, вмѣсто надгробной надписи, вырѣзали книгу, циркуль и цвѣшны, съ такими словами: *здѣсь лежитѣ ожидающій васѣ*.» — Тогда одна невольница, старуха, чихнула на лѣвой его споронѣ (знакѣ весьма дурной.) «Вотѣ смертный мой приговорѣ! вскричалѣ онѣ. Возложише на эшу Сивиллу шляпу изѣ цвѣшовѣ (*).» — Мы опужинали; ночи прошло уже много; больной началѣ дремать; Эвдоксій и Анаксимандрѣ ушли тихонько.

(*) Возлагали шляпу изѣ цвѣшовѣ на тѣхѣ, которые приносили хорошія вѣсти.

ГЛАВА XXII.

*Разговоръ Аристиппа съ Ласѣніею.
Повѣствованія Эвдоксіевы. О Пси-
лахъ. Путешествіе на богомолье
въ Бубастъ. О священной кошкѣ. О
крокодилахъ. Смерть Аристиппова.*

Больной прислалъ за мною , какъ скоро проснулся. Я спросила его, каковъ онъ въ своемъ здоровьѣ?— «Таковъ , какъ не лзя лучше для умирающаго , отвѣчалъ онъ , просянувъ ко мнѣ руку. Я почти увѣренъ , что проживу еще и сегодни ; много такихъ ошправлялся прежде меня , которые теперь совершенно здоровы.» —Потомъ благодарилъ меня съ величайшею чувствительностію за мои объ немъ попеченія. «Твое присущіе , сказалъ онъ , прочищаетъ мракъ послѣднихъ дней моихъ. Вчера вечеромъ я заснулъ подлѣ тебя такъ сладко , такъ покойно , какъ упомянутый путешественникъ засыпаетъ на веселомъ берегу , подъ шумомъ веселовиднаго ручейка. Любезная моя Ласѣнія! я всегда тебя любилъ ; швое дружество разсыпало на жизнь мою самыя прелесныя цвѣты. Какое благополучіе имѣть

другомъ женщину умную, чувствительную и любезную; женщину, копорая при самой приманчивой красотѣ одарена всѣми пріятностями ума и сердца! Помни обо мнѣ, но не печалься; помни только для того, чтобъ наслаждаться мыслью о прошедшихъ нашихъ удовольствіяхъ. Воображай, что шѣнь моя тебя слушаешь, тебѣ отвѣчаетъ; занимайся только пѣнь, что можешь украсить, сдѣлать жизнь твою благополучною. Ты имѣешь все, что для этого надобно: различныя и умѣренныя склонности; веселое, но воздержное воображеніе; чувствительное сердце; ты спрогую честность, копорая удалаетъ отъ совѣсти всякое пятно; чувствованіе; то просвѣщеніе, копорое услаждаетъ разумъ и служитъ фонаремъ въ степяхъ къ блаженству; и наконецъ ты философію, копорая укрѣпляетъ противъ спрѣлъ несчастія и научаетъ выращивъ нѣсколько цвѣтовъ среди черной жизни.» Говоря такимъ образомъ, онъ держалъ мою руку и два раза принимался цѣловать ее. Видя мои слезы, онъ пошчасъ переѣнилъ рѣчь, и спросилъ меня, что думаю Аѳиняне о его смерти?— «Всѣ до одного

человѣка о себѣ жалѣють. — Это сожалѣніе продолжилось до новой комедіи, до шѣхъ поръ, когда какое нибудь маленькое полипическое произшествіе погрузило имя мое и памяшь въ Леоеискія спруи. —

Эвдоксій и Анаксимандръ вошли и перервали нашъ разговоръ. «Силы мои опчасу ослабѣвають, сказалъ Аристиппъ; я не въ состояніи говорить. Эвдоксій сдѣлаешь намъ одолженіе, расскажешь что нибудь о Египтѣ. Хотя я смотрю въ могилу, однакожь все еще жадничаю свѣденій; это привычка. — Охотно, оловчалъ Эвдоксій. Сперва расскажу вамъ о *Псиллахъ*, а потомъ опишу одно очень пріятное путешествіе въ Бу-бастъ, которое случилось мнѣ сдѣлать изъ любопытства, чѣмъ по-смотрѣть Діанинъ праздникъ. Псиллы родъ бѣшеныхъ людей, которые играютъ змѣями. Я видѣлъ ихъ въ одной процессіи: они шли съ голыми руками; взглядъ имѣли звѣрской, и держали спрашныхъ змѣй, которыя извивались вокругъ ихъ шѣла. Псиллы, списнувъ ихъ крѣпко близь шеи, избѣгали уязвленія, и не смотря на ужасный свистъ сихъ гадкихъ животныхъ, шерзали ихъ зубами и

пожирали живыхъ. Они дрались между собою за свою добычу. Сказываютъ, что есть у нихъ предохранительное лекарство отъ змѣйнаго яду.

Діанинъ праздникъ, который отправляютъ въ Бубастѣ, гораздо пріятнѣе: спекающася шуда изъ всѣхъ мѣстъ Египта. Я ѣхалъ въ многолюдной толпѣ. Мы отправились Ниломъ. Рѣка была покрыта судами. Во всякой лодкѣ находились музыкантши, пѣли и впорили себѣ кимвалами и тимпанами. Мушны играли на флейтахъ; на берегу женщины предавались радостному изсипленію, задирали пущешесипвенниковъ самыми наглыми рѣчами, неблагоприспосынными пѣснями и такою же пляскою. Спада воловъ мычали на лугахъ; земледѣльцы поливали свои нивы; дѣвушки мыли бѣлье; другія приходили на рѣку за водою, напирались Нильскимъ иломъ, погружались въ рѣку и играли въ волнахъ. Многія изъ нихъ приплывали къ нашей лодкѣ: казалось, что мы окружены Нерейдами. Египтянки плаваютъ очень пріятно; ихъ волосы, заплетенные въ косы, просшираются по плечамъ; кожа у нихъ смугла и цвѣтъ лица загорѣлой, но по большей части сло-

жены очень спатно. Мы набжжали
оспрова, покрышые густою правою,
на копорые гоняюшб буйволовб. Па-
спухб, сидя на шеб первого буйвола
вб спадб, бдетб вб рбку, хлопаешб
бичемб, и всб буйволы слбдуюшб за
нимб по одиначкб, и плывушб мыча. Я
нашелб вб Бабуспб спеченіе до семи
сошб пысячб человекб. Вб продол-
женіе праздника зарбзано невброяш-
ное число жершвб. Ночью зажгли на
судахб на всбхб мачпахб множесство
спеклянныхб фонарей, опб копо-
рыхб поверхносшь воды казалась
усыпанною звбздами. На берегу шаш-
ры также были освбщены. Эша пре-
красная иллюминація на простран-
ствб цблой мили производиб на
зелени и водб удивительное дбйсп-
віе. — Прощаю суевбріе, копорое да-
ешб шакіе праздники, сказалб Ари-
спипб. Человбна надобно прибли-
жатб кб божесству не спрогоспью
и не жестокоспью, но посредствомб
забавб. — Вб Бубаспб еспб великолбп-
ный храмб, вб копоромб поклоняюш-
ся превеликому и прекрасному кошу.
Жрецы кормяшб его священною пи-
щею, и когда умрешб, бальсамируюшб
и шоржесшвенно погребаюшб. — Не
кормяшб ли они еще и крокодиловб?

спросилъ Аристиппъ.— Да; въ Верхнемъ Египтѣ это двуспихійное животное почитается священнымъ. Жрецы содержатъ одного крокодила въ особливомъ озерѣ; даютъ ему мясо, плоды и вино. Однажды, послѣ обѣда, хозяинъ мой, человѣкъ почтенный, повелъ меня къ озеру; онъ взялъ съ собою маленькихъ пироговъ, жаренаго мяса и сосудовъ съ виномъ. Крокодилъ покоился на берегу. Жрецы подошли; одинъ изъ нихъ растворилъ ему зѣвъ, а другой всунулъ въ него пироги, мясо, влилъ вино. Послѣ сего завтрака чудовище сошло попихоньку въ воду и поплыло къ другому берегу.— Изъ всѣхъ вещей, на которыхъ разсудокъ человѣческой помѣшался, сказала я, всего для меня удивительнѣе почтеніе, воздаваемое такому гнусному животному.— Это суевѣріе произошло отъ страха. Египтяне, почитая Тифона злымъ началомъ, посвящали ему крокодила, осла и морскаго коня, по причинѣ рыжаго его цвѣта, котораго Египтяне не терпятъ. Кормятъ ихъ въ священныхъ оградахъ, и думаютъ умилошпивить злаго духа жертвами.— Во время пльпця швоего въ Бубастѣ не боялся ли ты крокодиловъ?

спросилъ Аристиппъ. — Нѣтъ; они рѣдко приплывающъ въ Нижній Египтъ, а далѣе Мемфиса не видали ихъ никогда. Крокодилъ, не смотря на свою непроницаемую чешую, убѣгающъ посѣщаемыхъ мѣстъ. Они водящя между Оивами и Сиенною; находящъ ихъ на песчаныхъ островахъ, гдѣ они, распянувшись на солнцѣ, спящъ; но сонъ ихъ самой легкой. Какъ скоро услышатъ шумъ лодки, то и погружающя въ воду. Крокодилъ имѣющъ спрашными себѣ врагами жителеи Тенпиры, которые, не уважая святости его, ведущъ съ нимъ жестокую войну. Всякой другой человекъ мертвѣющъ отъ ужаса, какъ скоро съ нимъ повстрѣчается; Тенпирянинъ только одинъ ищетъ его и убиваетъ. Онъ ныряетъ въ воду, плыветъ смѣло среди Нила, направляетъ путь свой прямо на это страшное чудовище, и когда крокодилъ опворяетъ зѣвъ, чтобъ поглотить его, онъ съестъ ему въ глотку еловую доску, къ которой привязана веревка; крокодилъ списнувъ челюсти, вонзаетъ въ дерево острые свои зубы съ такою силою, что послѣ не можетъ ихъ развестъ. Тогда Египтянинъ, держа одною

рукою веревку, плывеиъ къ берегу, и спавъ на землю, съ помощью многихъ людей выпаскиваетъ чудовище и умерщвляетъ. Если плаватель не искусенъ, или хотя нѣсколько не ошороженъ, то онъ бываетъ пошчасъ поглощенъ.» — —

Ночи прошло уже много (писала ко мнѣ Ласеенія); для меня нуженъ былъ покой. Арисшипъ просилъ меня убѣдительно, чтобъ я легла. Философы пробыли у него до разсвѣта. Я приказала разбудить себя, какъ скоро они уйдутъ. Пришедъ опять къ Арисшипу, нашла его очень слабымъ; однакожь читали ему Теокрыповы идилли. Онъ, какъ скоро меня увидѣлъ, то велѣлъ чпецу пересшатъ и началъ со мною говорить. Болѣзнь его была не мучительна; онъ изсыхалъ подобно былію, копорому недостаеиъ пишательной влаги, и слѣдовательно умиралъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. Доложили ему объ одномъ изъ его пріятелей; я хотѣла опказать, но Арисшипъ сказалъ: «прикажише пускашь всѣхъ; я хочу умереть весело посреди добрыхъ пріятелей. Пусть говоряиъ, шупаиъ, смѣются, только чтобъ не шумѣли! Представыте себѣ, какъ будто я бду

въ Сиракузы учить Діонисія пирана
 въ искусствѣ общѣдаться и въ фило-
 софіи.» — Весь день комната его на-
 полнена была философами, софи-
 стами, спихопворцами, художни-
 ками. Я предваряла всякаго, чѣмъ
 не показывать печальнаго вида, и
 говорила съ больнымъ какъ обыкно-
 венно. Рѣчь была о новостяхъ, о
 театральныхъ сочиненіяхъ. Ари-
 стиппъ слушалъ, но мало мѣшался
 въ разговоръ. Кпо-то сказалъ, что
 Діонисій пиранъ боялся боговъ: то-
 гда больной вскричалъ съ такимъ
 жаромъ, какъ будто онъ совершенно
 ожилъ: «какой вздоръ! увѣряю васъ,
 что Діонисій былъ истинный без-
 божникъ; онъ содралъ съ Юпитера
 епанчу изъ цѣльнаго золота, сказавъ:
эта одежда для лѣта очень тяжела, а
для зимы очень холодна, и велѣлъ на-
дѣвъ на него шерстяную епанчу подѣ
предлогомъ, что шерсть хороша для
всякой поры. У Эскулапія онъ похи-
 стилъ золотую бороду, сославшись
 на то, что и отецъ его Аполлонъ не
 имѣетъ бороды. Въ другое время, на-
 шедъ въ храмѣ серебряныя доски съ
 надписью: *богамъ благомъ*, сказалъ:
 воспользуемся ихъ благосшью, и
 взялъ доски себѣ.» —

Мы ужинали въ комнаѣхъ у Ари-
спиппа. «Ваша шрапеза, сказалъ
онѣ, похожа на Египетскіе пиры, на
кошорыхъ кладутъ передъ глаза со-
бесѣдниковъ мерпвеца.» Попомѣ,
помолчавъ нѣсколько времени, онѣ
вскричавъ: «я думаю шеперь о Нико-
макѣ; эѣѣѣ мудрый человекъ смо-
трѣлъ на смерть очень философи-
чески. Онѣ говорилъ: кто боится
умереть, тотѣ какѣ будто хочетъ
показать, что ему извѣстно такое,
того никто не знаетѣ. Его весьма не-
справедливо предали суду. Убѣжда-
емѣ будучи друзьями своими оправ-
дываться, онѣ сказалъ судьямѣ: бо-
юсь, граждане, просить васѣ о жизни,
чтобѣ не получить такой милости,
которая была бы мнѣ въ накладѣ.
Надобно думать, что тѣ, которые
боятся смерти, знаютѣ ее. Что до
меня касается, я не знаю: ни что та-
кое смерть, ни что мы на томѣ свѣ-
тѣ будемѣ дѣлать. Что мнѣ извѣ-
стно за дурное, какѣ на примѣрѣ оби-
жать ближняго, того я убѣгаю; а
того не знаю, того не стараюсь пред-
упредить. И такѣ извольте распола-
гать мною какѣ угодно. Я одного свѣ-
нимѣ мнѣнія, продолжалъ Ари-
спиппѣ: оставляю попеченіе о дняхѣ

моихъ посланницѣ Ирисѣ; пусть перерѣжетъ волосокъ, которыми я привязанъ къ жизни, когда ей вздумается.» Разговоръ сдѣлался очень веселъ. Смѣялись Прометееву ворону, пресупленію и казни Иксиона; говорили о знакахъ, которые жрецы показываютъ на печени жертвъ. «Они дѣлаютъ начертанія на рукѣ своей, сказалъ Анаксимандръ; потомъ прижимаютъ къ этой рукѣ печень, пока она еще тепла и мягка, и начертаніе на ней изображается.» Аристиппъ просилъ, чтобы не забыли положить ему подъ языкъ денегъ для заплавы за перевозъ, и медовую лепешку для укрощенія Цербера. Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ мѣшали дѣло съ бездѣльемъ и шутку съ философіею, ночь прошла. На разсвѣтѣ я примѣшила, что Аристиппу становится очевидно хуже: онъ лежалъ въ забытіи и рѣдко начиналъ говорить. Врачъ пришелъ, и пощупавъ пульсъ, сказалъ: «думаю, что лихорадка опшодитъ.—Скажи лучше, что опшодитъ больной, отвѣчалъ Аристиппъ.» Черезъ часъ послѣ я спросила: не хочешь ли онъ чего?—Хотѣлъ бы перевозоропшиться; но я такъ слабъ, что

испущу душу отъ малѣйшаго движенія.» Врачъ спалъ увѣрялъ, что въ немъ болѣе силъ, нежели онъ думаетъ. «Хочешь ли, чтобы я показалъ тебѣ, сколько я силенъ?» Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы перевернуться, и тотчасъ умеръ. — —

Посуди, мой милый Аншеноръ, сколько эта упрата должна быть для меня горестна! упрата друга, къ которому я была привязана двѣнадцать лѣтъ! Посуди, какая теперь должна быть пустоша въ моей душѣ и въ моей жизни! Если бы ты былъ со мною, присуществіе твое облегчило бы скорбь мою; но судьба похищаетъ у меня всѣ мои подпоры, всѣ мои утѣшенія; мнѣ осталась одна только философія: предаюсь ей, удаюсь за городъ, и спану раздѣляю время между Музами и полевыми упражненіями. Эвдоксій и Анаксимандръ общались приходилъ ко мнѣ ужинать, пока я по своимъ надобностямъ и по дѣламъ покойнаго друга моего пробуду еще въ городѣ. Эвдоксій спанетъ намъ читаетъ записки свои о Египтѣ. Прощай! будь здоровъ и счастливъ.» —

Смерть Аристиппа и горестъ любезной Ласееніи чувствительнѣе

меня пронули. Я потчасъ написалъ къ ней опвѣстѣ, просилъ ее, чшобъ она украсила дни мои, позволя мнѣ провождать ихъ при ней, и раздѣлять съ нею всѣ ея упражненія и чувствованія.

ГЛАВА XXIII.

Первый вѣтеръ.

О богахъ и нравахъ Египтянъ. Исторія Никія. О кольцѣ Поликратовомъ.

«Эвдоксій и Анаксимандръ сдержали слово (писала ко мнѣ Ласеенія): они ужинали у меня шри вечера; я никого, кромѣ ихъ, не принимала. Послѣ ужина Эвдоксій рассказывалъ намъ о Египтѣ.—Сообщаю тебѣ его повѣствованія:

«Я уже говорилъ вамъ объ Аписѣ, сказалъ онъ; теперъ опишу прехъ главныхъ Египетскихъ божествъ: Анубиса, Озирида и Изиду.

Анубиса изображаютъ съ собачьею головою. Въ храмѣ его содержатъ священныхъ собакъ и поклоняются имъ. Великій Озиридъ есть братъ и

супругъ Изиды: они любились еще въ утробѣ матерней, и родили бога Ора. Озиридъ то же у Египтянъ, что Фебъ у Грековъ, а Изида наша Феба. Одежда этого бога огненного цвѣща; хранящъ ее какъ нѣчто драгоценное, и только однажды въ годъ показывающъ народу. У Озирида голова копчикова, а шло человеческое. Его пеленающъ какъ мумій; на головѣ у него фаллусъ и два рога. Жрецы даже на священнослужебной своей одеждѣ носящъ фаллусъ. Озиридъ держищъ одною рукою прорицательный жезлъ первосвященника, а другою бичъ, пошому что онъ богъ солнца.»—

Сіе описаніе боговъ Египетскаго руководѣля заспавило насъ посмѣявшись на счетъ человеческой глупости. «Я еще не сказывалъ вамъ, продолжалъ Эвдоксій, о богѣ Сераписѣ и великолѣпномъ его храмѣ, который находишся въ Канопѣ и называется Серапиономъ. Во всемъ Египтѣ нѣтъ мѣста столь пріятнаго, какъ Канопъ. Этотъ уголокъ земли можетъ почестся садомъ. Жрецы умѣли сдѣлать изъ него славнѣйшее богомолье. Храмъ кажесться висячимъ на воздухѣ. Онъ состоищъ изъ обшир-

наго чепвероугольнаго зданія и по-
спроенѣ на сводахѣ, подѣ копорыми
проспирающа поршики. Зданіе ук-
рашено колоннами, а стѣны обло-
жены мраморомѣ; лѣспница имѣетѣ
болѣе ста ступеней. Сераписѣ пер-
вый богѣ въ Египтѣ. Онѣ представ-
ленѣ въ вѣнцѣ изѣ лучей; на головѣ
у него чепверикѣ и бараньи рога; а
на запятокѣ скипетрѣ съ премо осп-
рыми концами, обвитый змѣями. Въ
храмѣ его всегда множество посѣ-
щителей: не столько набожность,
сколько веселость шуда привлекаетѣ.
Сераписѣ исцѣляетѣ больныхѣ; мо-
лодые люди ходятѣ къ нему просить
кропкихѣ и сговорчивыхѣ женщинѣ.
Въ праздники особливо спеченіе бы-
ваетѣ невѣроятное. Нильской каналѣ,
копорымѣ вѣвзжаютѣ въ Канопѣ,
весь шогда покрытѣ судами, напол-
ненными мущинами и женщинами,
копорыхѣ пѣніе и пляска изобра-
жаютѣ безумную радость и самое
необузданное своеволіе. Жрецовѣ
спрашивающа какѣ врачей и какѣ
полковашелей оракула. Они великіе
масстера подкрѣпляютѣ разслабленные
силы посредствомѣ благовонныхѣ
ваннѣ, исправляютѣ желудокѣ сочною
и ароматическою пищею, и разго-

рячашъ воображеніе возбудишельными карпинами; словомъ сказать, возвращашъ чувства людямъ, у которыхъ онъ почти совсѣмъ умерли. Врачеванія вносятся въ публичный реэспиръ, и щасливый успѣхъ всегда приписывается Серапису. Подумайше, въ какой онъ долженъ быть славъ!» —

Мы просили Эвдоксію, чѣмъ онъ далъ намъ понятіе о нравахъ и обычаяхъ Египтянъ и о ихъ жрецахъ.

«Въ Греціи, сказалъ онъ, женщины не выходятъ изъ домовъ; въ Египтѣ совсѣмъ пому прошивное: тамъ все ошправленіе виѣшнихъ дѣлъ лежишь на нихъ; мущины оспаютъ дома и занимаютъ шканіемъ полотно. Жены имѣютъ всю власть; мужья въ силу брачнаго договора обязаны имъ повиноваться. Священнослуженіе полько предоспавлено мущинамъ.

Египтяне могутъ женишь на многихъ женахъ; но жрецамъ не позволяется имѣть больше одной. Египтянинъ ни за что не поцѣлуешь Грека въ губы, не шанетъ употреблять его посуды, ни ѣсть мяса, которое разрѣзано его ножомъ. Наши жрецы опращиваютъ волосы; въ Египтѣ жрецы и народъ всякіе

при дни брѣютъ голову и все тѣло, исключая время праура. Когда Египтяне вспрѣчаются, то не говорятъ ничего, и привѣщиваютъ другъ друга опущеніемъ руки до колѣна. Одежда ихъ полошняя, а сверху носятъ они бѣлую шерстяную епанчу.

Египетскіе жрецы очень набожны, и болѣе жрецовъ другихъ народовъ привязаны къ своему закону. Они обрѣзаются для чистоты, которую предпочитаютъ и самой красотѣ. Не позволяется имъ имѣть другой одежды, кромѣ льняной и башмаковъ изъ *библо* (*). Они моютъ тѣло иссопвою наспойкою по два раза въ день, и по спольку же въ ночь; другіе сказывали мнѣ по три раза въ день, вставъ съ постели, предъ обѣдомъ и предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ ложатся спать. Когда они готовятся къ какому нибудь священному обряду, то за семь дней до того воздерживаются отъ мяса, овощей и всякихъ правъ и не прикасаются къ женщинамъ. Ложе ихъ

(*) Дерево, растущее въ болотистыхъ мѣстахъ Египта, изъ котораго въ шарину дѣлали бумагу.

сплешено изъ пальныхъ въпвей; деревянный полуцилиндръ служить имъ изголовьемъ. Они приучаютъ себя сносить жажду, голодъ и довольствоваться малымъ. Рыбы не бдятъ никакой; и въ девятый день первого мѣсяца, когда всякой предъ домомъ своимъ бьетъ печеную рыбу, жрецы такую же рыбу жгутъ. Сказываютъ, что это происходитъ отъ опроверженія ихъ къ морю; но я думаю, что есть на то другая причина: какъ шло безчешуйной рыбы стущаетъ лимфу и уменьшаетъ испареніе, то имъ хочется, можетъ быть, избѣжать свойственной Египтянамъ особливаго рода коросты. Бобы въ великомъ омерзѣніи не только у жрецовъ, но и у всего народа: они почитаютъ это шелушной плодъ нечистымъ.

Жрецы имѣютъ великія преимущества: имъ принадлежитъ цѣлая часть народнаго имуществва, судъ по части гражданской и священнослуженіе. Дети наследуютъ послѣ отцовъ своихъ. Вотъ обряды жертвоприношенія. Быкъ, обреченный въ жертву, долженъ быть чистъ, то есть надобно, чтобы не было на немъ ни одного чернаго волоска.

Ведушъ его къ храму, разкладываюшъ огонь; попомъ льюшъ на жертвенникъ вино, и, призывая бога того храма, закалаюшъ жертву. Олтрѣзываютъ ей голову, опягчаютъ ее проклятіями (*), и несущъ на рынокъ для продажи Грекамъ, или бросаюшъ въ рѣку, попому чпо Египціане не бдятъ никогда головы никакого животного.

Мнѣ случилось видѣшъ жертвоприношеніе богинѣ Изидѣ. Праздникъ великолѣпный; и если кому случится до нее допронуться, то такой идешъ погрузишъ и съ одеждою въ рѣку. Свинопасы не могушъ входить въ храмы; они женятся между собою; никто не захошъ бы вступишъ съ ними въ родство. Египціане одинъ только разъ въ годъ приносяшъ въ жертву и бдятъ свинью; эшо бываетъ на праздникъ полной луны и Вакха, то естъ Озирида. Тогда, въ часъ прапезы, всякой закалаешъ свинью предъ своимъ домомъ; попомъ собирается ходъ, и

(*) То естъ, моляшъ боговъ ошвратишъ нещасія, которыя могушъ постигнушъ Египешъ, или ихъ самихъ, и обратишъ ихъ на сію голову.

несуѣ болваны высокою въ локоѣ, копорыхъ приводяѣ въ движеніе посредствомъ веревокъ. Фаллусъ у болвановъ почти равенъ величиною всему ихъ тѣлу. Женщиныносяѣ ихъ по пригородкамъ, качая фаллусъ и поя похвальныя пѣсни Вакху. Напередидеѣ флейщикъ. . . . Но чѣобъ не объ одномъ говориѣ, расскажу вамъ исторію Аспронома Никія, который сдѣлаѣ жертвою предразсудковъ. Она доказываеѣ, сколько суевѣріе перемѣняеѣ, ожеспачаеѣ душу, и чѣо оно уподобляеѣ человека лютому, кровожаждущему звѣрю. Я возьму сѣ самого начала: происхожденіе и характеръ эпого Аспронома достойны быѣ извѣстными.

Никій былъ истинный пракпическій философъ, ума очень пріятнаго и оригинальнаго. Онъ скрывалъ обширныя свои знанія подъ завѣсою веселости и простоты, и подобно Демокришу, любилъ смѣяться людскимъ дѣніямъ. Тихой нравъ и чистосердечіе дѣлали его прелюбезнымъ. Родился онъ на островѣ Самосѣ отъ одного бѣднаго горшечника, и въ тринадцатъ лѣтъ отъ роду лишаѣ отца своего, ошалеѣ безъ

куска хлѣба и безъ убѣжища. Въ самое жестокое время зимы опшправился онъ въ столицу острова, о копорой сказали ему, что лежишь къ западу. При наступленіи ночи Никій, обезсилѣвъ отъ усталости и голода, окоченѣвъ отъ стужи, въ горячкѣ, пришелъ къ одной бѣдной паспущей лачугѣ и попросилъ ночлега. Хозяинъ отвелъ его въ клевъ, положилъ на кучу навоза, и далъ ему кусокъ черстваго хлѣба. Никій принужденъ былъ опшпаявать пищу свою въ навозѣ. Бараны, съ копорыми онъ раздѣлялъ жилище, какъ будто жались надъ нимъ, лизали и согрѣвали его своимъ дыханіемъ. Молодость и крѣпкое сложеніе спасли его отъ смерти. Паспухъ, копорого несчастное состояніе нашего философа наконецъ пронуло, опредѣлилъ его къ своимъ баранамъ. Тогда-то безпрестанная бытность подъ опкрытымъ небомъ развернула склонность его къ Аспрономіи. Слѣдуя своему инстинкту, и не имѣя насшавника, кромѣ собспвенныхъ своихъ размышлений, началъ онъ примѣчать возхожденіе и захожденіе солнца и различные фазы луны. Однажды нашелъ онъ книгу, и въ крайнемъ былъ

огорченіи, что не умѣетъ чипать: однакожъ носилъ ее всегда съ собою и часто въ нее смотрѣлъ. Гнавъ спадю, видѣлъ человѣка, который сидя подъ деревомъ чипаетъ. Никій позавидовалъ его благополучію и великимъ дарованіямъ. Досадуя на свою непросвѣщенность, онъ подходитъ къ незнакомцу, и безъ всякихъ околичностей проситъ его открыть ему чудную науку узнавать чужія мысли посредствомъ маленькихъ чертъ на папировыхъ листахъ. «Вотъ книга, которую я нашелъ, прибавилъ онъ; дорого бы я заплатилъ, чтобъ знать, что въ ней написано. Все мое богатство состоитъ въ этой вещи епанчѣ; однакожъ я вырабатываю по нѣскольку оболонъ на день; я отдамъ ихъ тебѣ за трудъ твой. — А что будешь ѣсть? — Хлѣбъ да воду. — На что тебѣ умѣть чипать? — Хочу учиться Астрономіи. Три мѣсяца уже, какъ я ломаю себѣ голову, доискиваясь, отъ чего солнце обжекаетъ иногда большой, а иногда маленькой кругъ; куда оно прячется; гдѣ бываетъ ночью; не могу понять, а это меня мучитъ.» Незнакомецъ, удивясь догадкѣ и природнымъ дарованіямъ

молодаго паспуха, обѣщался выучить его читать, и велѣлъ приходишь къ себѣ всякой вечеръ; онъ жилъ въ двухъ спадіяхъ отъ паспушьей хижины. Съ наступленіемъ каждой ночи Никій бѣгалъ къ своему училу и употребилъ столько прилѣжанія, что чрезъ три недѣли не имѣлъ нужды въ наставникъ; онъ черпалъ письма на песокъ, или вырѣзывалъ на корѣ деревьевъ, и всегда цѣлью его ученія была Астрономія. На вершкѣ большаго дуба слѣпилъ онъ себѣ обсерваторію, и тамъ часто препровождалъ цѣлыя ночи. Не имѣя денегъ на покупку книгъ и географическихъ картъ, вздумалъ онъ дѣлать маленькія глиняныя изображенія Юноны и боговъ Пенатовъ. Онъ продавалъ ихъ спарухамъ, и на эшотъ бѣдный доходъ заложилъ основаніе своей библіотеки. Однажды, когда онъ былъ посреди своихъ барановъ, съ книгою въ рукѣ и окруженъ географическими картами, человекъ благороднаго вида, удивясь такой несообразной съ состояніемъ и одеждою молодого паспуха учености, подходитъ къ нему и спрашиваетъ его, чѣмъ онъ занимается? — Учусь Астрономіи. — А каковъ успѣхъ? — Теперь еще я

очень немного знаю; но клянусь Юпитеромъ, что со временемъ буду знать гораздо больше. Мнѣ уже извѣстно, что луна обращается вокругъ земли въ двадцать семь дней. — Этого уже довольно; а какимъ образомъ узналъ ты печеніе луны? — Сперва долго я на нее смотрѣлъ; видѣлъ, что опускается и какъ будто капится за лѣсъ; нѣсколько разъ я бѣгалъ, чтобъ подойти къ ней ближе, но къ удивленію моему она всегда равно была далека отъ меня. Я слѣдовалъ за ея печеніемъ, и еще больше удивился, когда увидѣлъ, что она всходитъ и заходитъ въ разные часы. Такимъ образомъ учился я два года, не имѣя другаго наставника, кромѣ глазъ своихъ. Я замѣтилъ, что звѣзды никогда не перемѣняють положенія; однакожь звѣзда Венерина привлекла мое вниманіе; мнѣ показалось, что она также, какъ луна имѣетъ особенное печеніе. Долго не видно ее было; наконецъ явилась опять, только вмѣсто вечерней звѣзды сдѣлалась утреннею. Равнымъ образомъ слѣдовалъ я и за солнцемъ, котораго восхожденіе и захожденіе также всякой день перемѣняется. Я замѣтилъ и другое двумя колышками. — Ты,

кажется, малой умный. Я хочу сдѣ-
 лать пвое щастіе.—Благодарю; но
 я своимъ соспояніемъ доволенъ.—А!
 это другое дѣло. По сколько же ты
 въ день вырабошываешь?—По столь-
 ку же, какъ и Поликрашъ, тиранъ
 Самоской.—Право? поздравляю те-
 бя, мой другъ. А какъ ты по столь-
 ку вырабошываешь?—Онъ вырабо-
 шываешь, сколько ему надобно на
 его прожитокъ, и я то же.—Тутъ
 окружила неизвѣстнаго человѣка мно-
 гочисленная и блистательная сви-
 та; подходятъ къ нему съ почте-
 ніемъ и цѣлуютъ у него руку. Никій
 вспаешь, но вспаешь не испугав-
 шись, не оробѣвъ, не смущаясь. Тогда
 тиранъ Самоской (потому что то
 былъ самъ Поликрашъ) сказываетъ
 о себѣ молодому пашуху, и предла-
 гаетъ взять его съ собою въ спо-
 лицу, обѣщая опдасть учитьсѣ, и
 послѣ опправишь въ Мемфисъ или
 въ Аѳины. Никій долго колебался:
 онъ спрашно любилъ знанія, но
 свобода была ему еще милѣе. Поли-
 крашъ увѣрялъ его, что онъ оста-
 нется свободнымъ, и Никій на этомъ
 условіи согласился. По прїѣздѣ въ
 Самосъ началъ онъ учитьсѣ съ та-
 кимъ прилѣжаніемъ и успѣхомъ, что

чрезъ два года Поликратъ отпра-
вилъ его путешествовать въ Хал-
дею, въ Египетъ и въ Грецію. По
возвращеніи онъ наименовалъ его сво-
имъ Астрономомъ, помѣстилъ его
во дворцѣ и далъ ему весьма хоро-
шее содержаніе. Но ни воздухъ дво-
ра, ни прелесть роскоши и нѣга не
сдѣлали переменъ во нравахъ эпа-
го пастуха-философа; онъ продол-
жалъ вести такую же воздержную,
такую же суровую жизнь, какъ и
прежде. Доска служила ему постелью;
не было у него опредѣленнаго часа
для пріема: онъ ѣлъ ходя сыръ, мо-
локо и овощи. Теперь надобно опи-
сать вамъ Поликрата. Природа ода-
рила его великими способностями
и чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Онъ
обольстилъ двухъ своихъ братьевъ
и умыслилъ съ ними противъ опече-
сва. Въ день Юнонина праздника
предводительствуя заговорщиками,
напали они на собравшихся вокругъ
храма Самосцевъ, побили великое
изъ нихъ число, прочихъ прогнали и
овладѣли крѣпостью. Послѣ чего
братья раздѣлили между собою пра-
вленіе; но Поликратъ скоро сбылъ
ихъ съ рукъ обоихъ: одинъ казненъ,
а другой отправленъ въ ссылку.

Этотъ тиранъ правительствовалъ съ великимъ искусствомъ и полишикою. Онъ задобрилъ войско, которое за деньги деспота всегда бываетъ ему предано; уещалъ народъ праздниками и зрѣлищами; захватилъ государственные доходы, не уважа собственности гражданъ. Имѣя ложь въ устахъ, говорилъ о праводушіи; величалъ предъ народомъ вольность его и обременялъ народъ цѣпями; выхвалялъ добродѣтель, и развращалъ нравы. Совсѣмъ тѣмъ, однакожъ Поликрапъ имѣлъ нѣсколько блистательныхъ качествъ: онъ упражнялся въ наукахъ и художествахъ и покровительствовалъ ихъ какъ изъ тщеславія, такъ и по склонности. Онъ искалъ великихъ людей, хотѣлъ знать ихъ сочиненія: всѣ произведенія отличныхъ дарованій находили пристанище въ его библіотекѣ. Пифагоръ, Анакреонъ, и потомъ Никій, прельщаясь пріятностями разума его, проспили ему, что онъ деспотъ, и помѣстили философію въ его чертогахъ.

Поликрапъ, которому бесѣда *лѣснаго философа* (такъ онъ называлъ Никію) весьма полюбилась, говорилъ

Т. II.

У

ему однажды, съ удивленіемъ и благодарностью къ богамъ, о неизмѣнномъ своемъ щастіи, и что онъ во всю жизнь не имѣлъ еще никакой непріятности. Никій представилъ ему, что его положеніе шѣмъ опаснѣе на будущее время, потому что форшуна рано или поздно беретъ дань со всякаго человѣка. Онъ совѣщивалъ Поликрашу разплашиться съ злою богинею какимъ нибудь добровольнымъ несчастіемъ. Тиранъ повѣрилъ. Былъ у него въ кольцѣ рѣдкой изумрудъ, копорый онъ за рѣзбу славнаго художника очень любилъ; онъ поѣхалъ гулять на галерѣ и бросилъ его въ море. Нѣсколько дней спустя рыбаки поймали рыбу чрезвычайной величины и принесли ее на царскую кухню. Когда ее разрѣзали, то нашли въ ней Поликрашовъ изумрудъ. Тиранъ внѣ себя отъ радости и удивленія вскричалъ: «я избалованное дитя форшуны: она хочетъ выключить меня изъ общаго закона.» Но мудрый Никій, вмѣсто того, чтобы сорадоваться своему благодѣтелю, началъ съ шѣхъ поръ препешать о его судьбѣ. Онъ помаленьку обрашилъ весь свой капиталъ въ наличныя деньги и отправилъ ихъ въ Мемфисъ,

куда въ случаѣ напасти намѣренъ былъ переселиться.

Событіе оправдало его предвидѣніе. Шестъ мѣсяцевъ послѣ того Орешесъ, одинъ изъ Камбизовыхъ Сапраповъ, который начальствовалъ въ Сардахъ, замысля овладѣть островомъ Самосомъ, велѣлъ сказать Поликрапу, что онъ будучи недоволенъ правительствомъ, желаетъ перейти къ нему со всѣми своими сокровищами, и если Поликрапъ согласится дать ему у себя убѣжище, то онъ даритъ ему половину своего имѣнія; а для переговоровъ и условія звалъ пирана къ себѣ. Корыстолюбіе прельстило алчнаго Поликрапа; но будучи самъ человѣкъ искусный, не любилъ вѣряться слѣпо; онъ отправилъ къ Орешесу депутата, которому приказалъ смотрѣть на все примѣчательными глазами и стараться проникнуть въ душу Сапрапа. Орешесъ, будучи не меньше хитръ, велѣлъ класъ на суда въ присутствіи депутата бочки, въ которыхъ, говорилъ онъ, лежатъ его сокровища; но которыя вмѣсто того наполнены были всякою дрянью, прикрытою только золомъ. Депутатъ обманутъ и обманулъ Поликрапа. Тиранъ

отправился, не взирая на прозбы дочери своей, которой онъ въ досадѣ сказалъ: «если я возвращусь благополучно, то не бываешь тебѣ за мужемъ.—Желаю, отвѣчала она, чѣмъ угрозы ваши исполнились: я лучше хочу оспашься на всю жизнь дѣвцею, нежели лишиться родителя.» Какъ скоро жестокий Орестъ увидѣлъ его въ своей власпи, то велѣлъ схватишь и распять на крестѣ. Такимъ образомъ эпотъ преславный Государь, эпотъ всегдашній любимецъ щастія окончилъ напоследокъ блистательную жизнь свою позорною смертию.

Какъ скоро извѣстіе о семъ ужасномъ произшествіи достигло въ Самосъ, Никій тотчасъ отправился въ Мемфисъ. Онъ жилъ тамъ какъ истинный философъ: сидя безпрестанно въ своемъ кабинетѣ, занимался единственно Астрономіею и Геометріею, которыя тогда процвѣтали въ Мемфисѣ. Его знанія и открытія въ Астрономіи сдѣлали ему великую славу. Онъ посредствомъ солнечной шѣни опредѣлилъ различныя высоты полюса; увидѣлъ, что чѣмъ ближе приходишь къ сѣверу, шѣмъ солнечная шѣнь прибываетъ въ

долгошу; и заключилъ изъ того, что
высоша солнца надъ горизонтомъ
сдѣлалась менѣе; что наблюдатель
на сѣверѣ стоишъ не на ровной пло-
скости съ наблюдателемъ на югѣ, и
что слѣдовательно земля круглова-
той фигуры. Увѣрили его въ томъ
еще болѣе лунныя записки (потому
что тогда шъ земли кажешся на
лунѣ всегда круглою) и ходъ кораб-
лей, кошорые скрываются не вдругъ,
но помаленьку. Онъ сдѣлалъ изчисле-
ніе, что Венера встрѣчается съ
Солнцемъ всякіе девятнадцать мѣ-
сяцевъ, и что тогда находишся она
въ ближайшемъ своемъ разстояніи
отъ земли, отъ чего за 36 дней до
того и 36 дней послѣ она блистаетъ
гораздо ярче обыкновеннаго.

Предъ наступленіемъ лѣтняго по-
ворота сдѣлалъ онъ путешествіе въ
Сиенну (городъ, лежащій вертикаль-
но подъ пропикомъ рака), чтобъ
видѣть славный колодезь, надъ ко-
шорымъ солнце въ день поворота
проходитъ перпендикулярно. Въ са-
момъ дѣлѣ въ томъ день, ровно въ
дѣвятнадцать часовъ, онъ видѣлъ въ
водѣ полное изображеніе сего свѣ-
шила, и во всемъ городѣ не было ни
малой черпы шъни, что и подшвер-

дило ему прямое положеніе его подь
 пропикомъ. Эпошъ дикой философъ,
 который до шого времени, покрышъ
 эгидою Минервы, опражалъ снрѣлы
 любви и красоты, покорила на-
 копецъ ихъ власти. Однажды, послѣ
 обѣда, какъ онъ гуляя по полю, за-
 нимался восхожденіемъ Плеядъ или
 Юпипера, пріятныя звуки женскихъ
 голосовъ возврашили мысль его на
 землю. Онъ смотришъ и видишъ,
 что не далеко отъ него на одномъ
 изъ маленькихъ Нильскихъ каналовъ
 молодыя дѣвушки моюшъ плащье.
 Онъ останоуился послушать ихъ
 пѣнія; но или отъ застенчивости,
 или изъ лукавства онъ умолкли. Съ
 перваго взгляда каждая изъ нихъ по-
 казалась ему прелестною Нимфою;
 но когда онъ подошелъ ближе, то все
 его вниманіе уснремилось только на
 одну. Она была какъ Галадея среди
 Нереидъ: длинныя рѣсницы, большіе
 черные глаза, налитые влагою сла-
 сплюбія, взглядъ плѣнительный,
 прекрасные волосы, ростъ посред-
 ственный, но станъ легкой, гибкой
 и стройной: таково описаніе той,
 которой опредѣлено было плѣнить
 Никіево сердцелюбовью. Дѣйствіе за-
 разъ ея было шѣмъ скоропоспжибе,

что, говоря вообще, Египтянки не могут похвалиться красою. Никій сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, и былъ доволенъ ея отвѣтами. Она сказала ему, что моею только на себя и на отца своего; что домъ ихъ не далеко; что она дѣло свое кончила, и если ему угодно, то поведетъ его къ отцу своему. Никій, который зналъ Омира наизусть, вспомнилъ, что такъ точно Царевна Навсика мыла одежды Алкиноевы. Его разгоряченное воображеніе представляло ему прекрасную Египтянку по дщерью Царя, по Нимфою Діанина двора. Онъ согласился на ея предложеніе и взялъ на себя половину ноши. Дорогою онъ спросилъ ее, имѣетъ ли она мужа?— «Нѣтъ; мнѣ еще только шестнадцатый годъ, не для чего по-ропиться. Правда, что старшая моя сестра вышла двѣнадцати лѣтъ, а другая, двоюродная, которой недавно еще пошелъ одиннадцатый годъ, выдана недѣлю тому назадъ.» Потомъ она сказала ему, что имя ея *Деуфила*, а отца ея зовутъ *Бохорисомъ*. Они нашли его въ маленькомъ саду, украшенномъ дикими смоковницами и пальмовыми деревьями. Египтянинъ весьма обрадовался, что

великій Аспрономъ , о которомъ всѣ уже знали, удостоилъ его посѣщенія. Онъ былъ самый ревностный обожатель Аписа и Анубиса, и имѣлъ глубокое почтеніе къ крокодиламъ, кошкамъ и аиспамъ. Онъ показалъ Никію въ саду своемъ уголокъ земли, посвященный его кошкамъ. «Я ихъ кормлю, сказалъ онъ, изкрошеннымъ въ молоко хлѣбомъ, а иногда даю имъ Нильской рыбы.» Попомъ онъ говорилъ о великомъ Озиридѣ и братѣ его Тифонѣ. Никій часто перерывалъ рѣчь его, и начиналъ говорить съ Деифилою. Бохорисъ просилъ его, чѣмъ онъ въ слѣдующій день у него опужиналъ. «Я васъ накормлю свищиною; завтра полнолуніе; вы знаете, что въ этотъ день только мы можемъ ѣсть свинину.» Никій провелъ вечеръ очень пріятно, и пришедъ домой, думалъ только о любезной своей Египтянкѣ: онъ промѣнялъ бы охотно Венерину звѣзду, Марса, большую и малую Медвѣдицу на удовольствіе провести ночь въ разсмотрѣніи новаго феномена, усмотрѣннаго имъ на земли. Такое чудное для него положеніе сердца удалило сонъ. Не зная шѣхъ шонкихъ и нѣжныхъ угожденій, копорыя прельщаютъ и уловля-

юшѣ красавицѣ, не видѣлъ онѣ дру-
 гаго средсѣва, кромѣ супружества.
 Но философѣ-Астрономѣ, еще полу-
 дикой, долженѣ ли былѣ поклонилѣ
 выю свою подѣ такое тяжелое ярмо,
 а особливо живѣ до того времени въ
 совершенной независимости? Сіи
 размышленія волновали духѣ его: съ
 одной стороны бракѣ показывалѣ
 ему удовольствія и сладости, а съ
 другой заботы и цѣни.

Вѣ этой жестокой нерѣшимости
 онѣ пошелѣ въ поле, чѣтобѣ гуляя на
 чистомѣ воздухѣ, успокоилѣ духѣ
 свой и одумалѣ, чѣто предпринялѣ.
 Вспрѣшилѣ съ нимѣ одинѣ изѣ его
 пріятелей, человекѣ, который не
 выдавая себя за философа, имѣлъ
 однакожѣ разсужденіе здравое и по-
 нятіе правильное. Никій сдѣлалѣ ему
 довѣренность въ любви своей, и про-
 силѣ мнѣнія его о супружествѣ.
 «Если бы ты предпринялѣ путеше-
 ствіе нѣсколько дальнее, то одинѣ
 ли бы лучше желалѣ бышѣ, или съ
 другомѣ?—Какой вопросѣ! всего скуч-
 нѣе путешествовать одному! при-
 сущствіе друга улаживаетѣ всякое
 огорченіе, облегчаетѣ всякой трудѣ;
 а удовольствіе вдвое пріяшнѣе, ког-
 да имѣешь кому его сообщитѣ. — И

шакѣ, мой другѣ! вошѣ рѣшеніе сво-
 ей задачи. Жизнь дорога бойкая и
 кривая, усыпанная камнями, лежа-
 щая чрезѣ дикія степи, по которой
 однакожѣ встрѣчаются изрѣдка мѣ-
 ста плодородныя и пріятныя. По
 этой дорогѣ надобно необходимо
 ѣхать. Если имѣешь подругу, то
 она раздѣляетѣ съ тобою всѣ забавы
 и труды путешествія.» Въ эту са-
 мую минуточку увидѣли они мужика съ
 бабою въ самомѣ жаркомѣ спорѣ.
 Мужикѣ, пользуясь правомѣ сильного,
 началѣ бабу бить. Никій съ помощью
 пріятели своего оппалѣ ее, и спро-
 силѣ грубіяна о причинѣ его поступ-
 ка. «Эта жена моя, хочу ее испра-
 вить: она зла, своенравна, лѣнива,
 вздорлива; мнѣ уже скучно спало
 терпѣть, оппѣ нее.» Жена съ своей
 стороны увѣряла, что мужѣ ея рев-
 нивецѣ, пьяница, скупецѣ, и что она
 не хочетѣ больше жить съ нимѣ.
 Никіевѣ пріятель предложилѣ имѣ,
 чтобы они разошлись дружески. Какѣ
 тошѣ, такѣ и другая съ удовольствіемѣ
 на то согласились. Тогда Ни-
 кіій сказалѣ своему пріятелю: «ви-
 дишь, мой другѣ, что еще лучше пу-
 тешествовашѣ одному, нежели взяшѣ
 подругу, чтобы было съ кѣмѣ со-

рипсья и драпсья. — Подожди до завтра; можель быль перемѣнишь свое мнѣніе.» Никій провель ночь въ волненіи духа, въ нерѣшимости между любовью и разсудкомъ. Поутру онъ побѣждалъ потчасъ къ своему пріятелю, и нашель у него вчерашняго креспьянина: онъ пришель просипь Никіева пріятеля о примиреніи его съ женою, и увѣряль, что не смопря на всѣ ея пороки, она ему мила какъ душа, и что ему не хочеться жишь одному какъ совѣ. Никіевъ пріятель послаль потчасъ за женою и спросиль ее, не опмѣнила ли она своего намѣренія разоипсь съ мужемъ. Тогда она залилась слезами и призналась, что всю ночь не спала, и что хопя мужъ ея во многомъ дурень, и не рѣдко бываетъ предъ нею виноватъ, однакожъ она не можеть жишь безъ него. Мужъ бросилъ цѣловать ее; супруги помирились и пошли домой въ великой радости. «Ну, теперь какъ ты думаешь о бракъ и его буряхъ? спросиль Никія Египтянинъ. — Мнѣ кажеться, что бракъ похожъ на Греческой климатъ: бывають шуманы, облака, грозы; но бывають и ясные, пріятные дни. Я рѣшился; хочу женипсья.» Онъ пот-

часѣ пошелѣ къ Бохорису: эшо было
 въ день полнолунія. Ъли свинину
 подѣ пальмовыми деревьями. Послѣ
 ужина Бохорисѣ, гуляя съ Никіемѣ
 по саду, спросилѣ его, смотрѣлѣ ли
 онѣ прошедшую ночь на звѣзды?—
 Нѣтъ, отвѣчалѣ Никій; я занимался
 любезною вашею дочерью; мнѣ сни-
 лось, чшо я гуляю съ нею по Ниль-
 скому берегу. Проснувшись рассу-
 дилѣ я, чшо послѣ такой ночной и
 уединенной прогулки съ молодою дѣ-
 вушкою чesть пребуеѣтѣ просить ee
 у васѣ въ супружесѣтво.» Бохорисѣ
 согласился съ великою радостьюю.
 «Вашего согласія не довольно, ска-
 залѣ философѣ; я хочу согласія пре-
 лесѣтной Деифилы. — А я увѣренѣ,
 чшо вы его получите. Да вопѣ она
 ходилѣ задумавшись; подиѣте къ
 ней.» Никій подошелѣ, и оба оспа-
 новясь другѣ прошивѣ друга молча-
 ли. Аспрономѣ былѣ сполько новѣ,
 чшо не зналѣ, чѣмѣ начатѣ. Нако-
 нецѣ собрался съ духомѣ и спалѣ
 ей говорилѣ: «я не знаю любовнаго
 языка, и для шого скажу вамѣ про-
 сто, чшо вы съ перваго взгляда по-
 мушили мой разсудокѣ. Ни восхож-
 деніе солнца въ прекрасный лѣтній
 день, ни весна въ блистательнѣй-

шей своей одеждѣ, ни сіяніе Венериной звѣзды никогда не производили во мнѣ такого сильнаго, такого сладкаго впечатлѣнія, какъ видѣ вашихъ юныхъ прелесней. Съ того времени вашъ образъ начертался на моемъ сердцѣ, равно какъ кротость и чувствительность начерпаны на глазахъ вашихъ. Удивляясь самъ себѣ, разсмащивалъ я свои чувствованія, и увидѣлъ, что я влюбленъ. Или нѣтъ на свѣтѣ ничего вѣрнаго, или отъ васъ зависишь благополучіе моей жизни. Я уже имѣю согласіе Бохориса; но безъ согласія любезной его дочери оно не значить ничего. Говорите, произносите мой приговоръ. Если ваше сердце меня отвергнетъ, то я опровергаюсь отъ любви и обращаюсь опять къ звѣздамъ; еслижъ я вамъ не противенъ, то дайте мнѣ о томъ знать, прежде, нежели восходящая луна будетъ надъ горизонтомъ.» Деифила позадумалась; потомъ опшедъ нѣсколько, сказала: «вы потчасъ получите мой отвѣтъ,» и начертя проспочною нѣсколько словъ, убѣжала. Никій подошелъ и чрезвычайно обрадовался, прочитавъ: *не лъзя васъ не любить.*

Онѣ возвратился домой благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ; но въ ночь приключилась ему жестокая индигестія. Въ удовольствіе Бохорису и любезной Деифилѣ онѣ наѣлся свинины, не упореблявъ мяса никогда. Тотчасъ явились къ нему при врача: онѣ звалѣ только одного; но порядкомъ требовалѣ, чѣмобѣ были неопимѣнно шрое: одинѣ для леченія опѣ колики, другой опѣ головной боли, шрепій опѣ лихорадки. Таковѣ былѣ у Египтянѣ обычай: врачу не позволялось лечишь болѣе одной болѣзни; для каждаго недуга былѣ особый врачъ. Никій поступилѣ по собственному своему разсужденію и выздоровѣлѣ.

Онѣ тотчасъ побѣжалѣ къ Деифилѣ и просилѣ о скорѣйшемъ заключеніи брака. Срокѣ назначенѣ ему во второй день полнолунія. Никій ожидалѣ этого дня со всею неперимѣливостью любовника, который споимѣ близъ самаго предѣла своего благополучія; но одно несчастное приключеніе сдѣлало неожиданную остановку. Въ назначенный день Никій сіяя, какѣ Тіеонѣ, когда Аврора возвратила ему молодость, пришелѣ къ будущему своему шестю. Увы! онѣ нашелѣ въ домѣ его печаль и ужасѣ. Бохорисѣ и

Деифила брили себѣ брови, рыдали, выли, разили себя въ грудь. Никій испугавшись, спрашиваетъ о причинѣ такой жестокой горести. Сказываютъ ему, что одна изъ домашнихъ кошекъ умерла скоропостижно. Извѣстно, какое Египтяне имѣютъ почтеніе къ сему животному. Покойницу обвернули въ полошню и оправили къ Тарихеямъ, которые должны были набальсамировать и похоронить ее въ священныхъ монументахъ.

Свадьба отсрочена до прошествія праура. Наконецъ время, всегда текущее, привело и сей счастливый день. Бохорисъ далъ большой пиръ. Въ продолженіе спола, когда веселіе блистало на всѣхъ лицахъ, внесли по обыкновенію гробъ съ деревяннымъ подобіемъ мершвеца. Тотъ, который несъ его, подходя къ каждому изъ собесѣдниковъ, говорилъ: «взгляни на этого человѣка: ты будешь таковъ же; между тѣмъ пользуйся жизнію, пей и веселись.»

Сей обычай не щепный обрядъ. Въ немъ заключается совѣтъ весьма философической, что надобно не только успѣвать наслаждаться пріятностями крапкой нашей жизни

но и жить въ мирѣ и любви съ ближними, и полагать собственное свое благополучіе въ благополучіи обществъ.»

ГЛАВА XXV.

Второй вѣтеръ.

Продолженіе Никіевой исторіи. О Инициаціи () въ Египтѣ. Объ Орфеѣ.*

Никій взялъ жену напишанную суевѣріями; она всегда была обвѣшана ладонками и палисманами. Философія нашего Аспронома скоро освободила ее отъ всѣхъ такихъ глупостей, и растолковала ей, что милость боговъ и спокойствіе душевное пріобрѣщаются единственно непорочными нравами и добродѣтелями. Ихъ жизнь текла долгое время въ пріятной, въ сладкой тишинѣ. Хотя Никій не нашелъ въ своей подругѣ того просвѣщенія, шѣхъ знаній,

(*) Принятіе въ число знающихъ нѣкоторыя священныя таинства, сокрытыя отъ непросвѣщенныхъ, и обряды, съ тѣмъ принятіемъ соединенные. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ сего слова.

которыя сблизили бы ихъ даже упражненіями и образомъ мыслей, и сдѣлали бы ихъ связь еще тѣснѣе, еще пріятнѣе; но какъ истинный философъ, онъ имѣлъ къ ней все по снисхожденіе, какое должно имѣть къ смиренному невѣжеству и слабости, а особливо когда сія дремота разума замѣнена хорошими качествами сердца.

Деифила неопшсупно упрашивала его, чѣмъ онъ просвѣщенъ священными таинствами. Бохорисъ, будучи столько же суевѣренъ, и самъ изъ числа просвѣщенныхъ, подкрѣплялъ дочернія прозбы всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ. «Эпо утвердишь, говорилъ онъ Никію, благополучіе твое и въ сей жизни и въ будущей. Потребуется только смѣлость. Искусъ пруденъ и спрашенъ; но если не оробѣешь, то славная пальма увѣнчаетъ твою твердость.» Никій былъ истинный Скептикъ; но любопытство, желаніе узнать таинства, столько славныя, заставили его рѣшиться на предпріятіе, котораго большая часть людей ужасались. Я принесъ вамъ рукопись, въ которой онъ описываетъ разные искусства Инициаціи сочиненіе весьма рѣдкое, и которое

достать стоило мнѣ великаго труда; оно было причиною его смерти. Я спашу чипать:

«Прежде нежели мы пошли во храмъ, гдѣ наставляющѣ въ таинствахъ, шесть мой припомнилъ мнѣ еще, что я подвергаюсь великимъ опасностямъ, и что жизнь моя зависитъ единственно отъ смѣлости. Я отвѣчалъ ему, что намѣреніе мое принято, и что онъ можетъ на меня надѣяться. Мы оправились, взявъ съ собою свѣщильникъ и огниву, и пришли къ пирамидѣ уже ночью. Взошедъ шестнадцать ступеней, нашли опверстіе въ при квадрашныя фуза, за копорымъ открылся путь столько тѣсный, что надлежало ползти. Я шелъ съ огнемъ впереди. Многими излучинами добрались мы на послѣдокъ до одного весьма широкаго колодца. Я углубилъ въ него взоръ свой, и при слабой помощи свѣщильника видѣлъ только бездну и совершенную темноту. Сей видъ оледенялъ ужасомъ и часто ошановлялъ людей самыхъ предприимчивыхъ. Бохорисъ, чтобъ проникнуть въ мое сердце, смотрѣлъ на меня долго, не говоря ни слова; но видя мою швердоспъ, взялъ свѣщильникъ,

поставилъ его себѣ на голову, пустилъ одну ногу въ колодезь, спалъ на желѣзную сшупеньку, копорой за темнопою я не примѣшилъ, вошелъ весь въ опшверстіе, спустился на другую сшупеньку, потомъ на шрешыю, и шакъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ. Досшигнувъ до шесшидесятой сшупеньки, мы нашли окно, ведущее въ пущь, просѣченный въ камнѣ, и низходящей виншовой линіею на спо двадцашъ чешыре фуша глубины. Симъ пушемъ дошли мы до двери изъ двухъ мѣдныхъ рѣшешчашыхъ сшворовъ. Мы разшворили ихъ очень легко; но они затшворясь за нами сами собою, издали громкой звукъ, разшпранившійся по всему зданію. Тогда мы находились на самомъ днѣ колодца, на спо пшшдешашъ фушовъ глубины. Насупрошшвъ сей двери была другая изъ желѣзной рѣшешки. Сквозь ее увидѣлъ я предлинный пущь, вдоль котораго по лѣвой споронѣ просширались освѣщенныя множешшвомъ огней аркады. Я услышалъ согласную музыку и пѣніе мужешкихъ и женешкихъ голосовъ. «Эшомъ пущь, сказалъ мнѣ Бохорисъ, идешъ подѣ другими пирамидами, копорыя слущашъ гробницами; а аркады ведущъ

къ подземному храму, гдѣ отправля-
 ются повсеночно жертвоприношенія
 и обряды, копорыхъ я еще не могу
 тебѣ ошкрыть. Однакожъ пора намъ
 ошдохнуть, а тебѣ обдумать свое
 намѣреніе.» Мы сѣли на каменную
 лавку. Сѣ почтительнымъ ужаеомъ
 созерцалъ огромное великолѣпіе сихъ
 пространныхъ пещеръ, куда кромѣ
 жрецовъ и наспавленныхъ въ таин-
 ствахъ ни единъ изъ смертныхъ не
 дерзаетъ вступитъ. Я спросилъ Бо-
 хориса: «человѣки или боги ихъ со-
 орудили?—Наши Цари; но эта рабо-
 та орошена попомъ и кровью ихъ под-
 данныхъ. Сколько погибло душъ лю-
 дей!» По крашкѣ молчаніи Бохорисъ
 сказалъ мнѣ: «выбирай; вошъ сѣвер-
 ная дверь, въ копорую мы вошли, и
 вошъ восточная, копорая ведетъ на
 дорогу паралельную аркадамъ, еще за-
 швореннымъ для тебѣ.—Пойдемъ, ош-
 вѣчалъ я.» Мы вступили въ путь ши-
 риною въ шесть футовъ. Мимохо-
 домъ прочелъ я на фронтонѣ одной
 изъ аркадъ: *всякъ, кто дерзнетъ ше-
 ствовать по темнымъ сямъ путямъ
 одинъ и не ужаснется, — тотъ уви-
 дитъ наки свѣтъ, огистится огнемъ,
 воздухомъ и водою, и допущенъ будетъ
 къ познанію священныхъ таинствъ*

богини Изиды. Сія надписьъ изсѣчена черными письменами на весьма бѣломъ мраморѣ.

Тутъ Бохорисъ объявилъ мнѣ, что ему не позволено провожать меня далѣе, и что настойтъ минуша, въ которую я могу еще возвратиться; но что если подвинусь впередъ хотя на одинъ шагъ, то уже долженъ буду неминуемо продолжать свой путь. Я опивчалъ, что не почию себя боязливѣе всѣхъ моихъ предшественниковъ. Тогда мы проспились. Я взялъ опъ него свѣщильникъ; а онъ обнявъ меня, совѣщовалъ, чтобы я не полагался на одну неуспрашимость, но употреблялъ бы и проворство. Я не зналъ, что онъ будетъ еще издалика за мною слѣдовать; таково было правило; если бы предпріавшій подвигъ занемогъ, или оробѣлъ, то въ такомъ случаѣ вождь выводилъ его назадъ, и именемъ Изиды запрещалъ ему являться въ копорый бы то ни было изъ двѣнадцати Египетскихъ храмовъ. Я прошелъ при свѣтѣ моего свѣщильника болѣе мили. Тьма, безмолвіе, ужасъ меня окружали. На каждомъ шагѣ мечшались мнѣ спрашиваща, но призракъ изчезалъ по мѣрѣ моего къ нему приближенія. Наконецъ

достигъ я до желѣзной двери, предъ
 копорою стояли при человѣка въ
 шишакахъ, накрытыхъ Анубисовою
 головою; ростъ ихъ показался мнѣ
 страшной величины. Я вздрогнулъ и
 остановился; но скоро ободряясь, осмѣ-
 лился посмотришь на нихъ присталь-
 нѣе. Тогда одинъ изъ трехъ сказалъ
 мнѣ: ты можешь еще возвратиться;
 но если рѣшась идти далѣе, оп-
 снуешь хопя на одинъ шагъ, или
 взглянешь назадъ, то погибнешь.»
 Не отвѣчавъ ничего, я пошелъ вне-
 редъ, и стражи открыли мнѣ двери.
 Бохорисъ сказывалъ мнѣ послѣ, что
 на семъ мѣстѣ онъ дѣйствительно
 меня оставилъ. Пройдѣвъ нѣкоторое
 разстояніе, увидѣлъ я въ концѣ пути
 яркое, извивающееся пламя. Я уско-
 рилъ шаги свои, и пришелъ къ хра-
 минѣ во сто футовъ высоты и столь-
 ко же ширины. Внутри около стѣнъ
 ея стояли пылающія деревья, обвитыя
 вѣтвями Аравійскаго бальсама, Еги-
 птскаго терновника и шаморина.
 Дымъ исходилъ длинными трубами.
 Сія храмина походила на горящую
 печь. Между деревьями лежала раска-
 ленная желѣзная рѣшетка, копорою
 косые квадраты едва оставляли мѣ-
 сто, гдѣ снупить. Другой дороги не

было. Я не задумался, поспавилъ одну
 ногу въ рѣшетку, попомъ другую, и
 такимъ образомъ робкимъ и дрожа-
 щимъ шагомъ переступалъ изъ квад-
 рапа въ квадрапъ. Прошедъ сквозъ
 сей искусъ благополучно, нашелъ я
 предъ собою быструю и сердитую
 рѣку, которой шумъ соединяясь съ
 шумомъ пламени, усугублялъ ужасъ.
 За рѣкою усмотрѣлъ я подъ сводомъ
 лѣсницу съ желѣзными по обѣимъ
 сторонамъ перилами; спускени пе-
 рялись въ темнотѣ. Я видѣлъ, что
 не лзя миновать сей дороги. Между
 стѣнъ пламя начало ослабѣвать, а
 свѣспильникъ мой отъ недоспашка
 воздуха посреди огня погасъ. Я за-
 жегъ его опять, скинулъ съ себя одеж-
 ду, привязалъ ее поясомъ своимъ себѣ
 на голову и бросился въ рѣку. Пере-
 плавъ на другой берегъ, одѣлся, по-
 шелъ по лѣсницѣ и добрался до пло-
 щади въ шесть фушовъ длины и при
 фуша ширины. Полъ былъ подвиж-
 ной, а стѣны мѣдныя и по обѣимъ
 сторонамъ было по одному большому
 колесу изъ того же металла. Спущицы
 лежали въ стѣнахъ, а на верхней ча-
 сти колесъ висѣли толстыя цѣпи.
 Надъ головою у меня были три про-
 спанные темныя пущоты, а впе-

реди дверь, обложенная самою чистую слоновою костью. Я много раз пытался опворить ее, но тщетно, и не зналъ, что дѣлать. На послѣдокъ вижу вверху на двери два очень свѣшья кольца; пришло мнѣ въ мысль, не опворится ли дверь, если ихъ пошнущь. Сей искусъ былъ послѣдній, но спрашнѣвъсѣхъ прочихъ. Лишь шолько я хващился за кольца, шопчасъ колеса пришли въ движеніе и начали вершѣться съ ужаснымъ громомъ. Я думалъ, что весь адъ засноналъ, или что нашъ міръ сполкнувшись съ другимъ міромъ, разсынается въ куски. Сердце во мнѣ замерло; оцѣненѣвъ опъ спраха, я споялъ неподвижно. Не прошло минушы, какъ я почувсшвовалъ, что полъ поднимается и сильно меня шолкаетъ; между шѣмъ въперъ, причиненный скорымъ движеніемъ колесъ, дулъ въ меня съ чрезвычайнымъ спремленіемъ. Тогда я призвавъ всю свою швердосъ и уцѣпился за кольцо. Свѣшильникъ выпалъ у меня изъ руки и погасъ; я оспался въ глубокой шмѣ, вися можетъ быть надъ бездною. Звукъ спановился опчасу ужаснѣе. Я ожидалъ, что все сіе зданіе разрушасъ, погребетъ меня подъ развалинами. Наконецъ шумъ

мало по малу упихъ; я чувствовалъ, что опускаюсь; дверь пришла въ прежнее положеніе; тогда обѣ половинки разпворились и открыли мѣсто, освѣщенное множествомъ огней.

Солнце начинало всходитьъ. Я усмотрѣлъ быка Аписа сквозь рѣшетку его спойла, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что я вылезъ изъ-подъ педестала тройной статуи Озирида, Изиды и Ора. Тутъ приняли меня жрецы, стоявшіе въ двѣ шеренги позади жершвенника. Исключая жрецовъ Озирида, на которыхъ были шапки, испещренные множествомъ глазъ, всѣ прочіе имѣли головы бришья и обнаженные. На молодыхъ жрецахъ нижняго чина не было другой одежды, кромѣ корешковъ надрагъ только до колѣна. У прочихъ надраги проспирались до пятъ. Пояса сихъ надрагъ украшены были іероглифическими изображеніями. Жрецы вышняго чина одѣты были въ ризы длинныя и шѣсно спянушыя; а на первосвященникахъ и прорицателяхъ одежда была весьма полная, и закрывала ихъ до самыхъ рукъ. Всѣ сии жрецы имѣли по классамъ своимъ (равно какъ и боги, которыми они служили) различныя монисшы.

Когда я увидѣлъ себя посреди сего собора, сердце мое начало оживатьъ. Я бросился къ ногамъ верховнаго жреца: онъ обнялъ меня, хвалилъ мою неуспрашимость и поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ подвига; послѣ чего поднесъ мнѣ полную чашу воды и сказалъ: «эпо пипье опѣ рѣки Лееы: оно испребитѣ изѣ пампи швоей всѣ ложныя правила сего свѣта.» Потомъ поставилъ меня предъ происшвеннымъ кумиромъ на колѣна, и возложивъ руку свою на голову мою, произнесъ слѣдующую обыкновенную молитву: «о великая богиня Египтянѣ! просвѣщи преодоѣвшаго столько трудовъ и опасностей; озари его божественными своими лучами и укрѣпи въ искусахъ души, да удостоишься бытъ допущенѣмъ къ швоимъ таинствамъ!» Всѣ жрецы, ударяя себя въ грудь, повшорили за нимъ слова его. Тогда мы встали. Верховный жрецъ напоилъ меня водою Мнемозины, для шого, говорилъ онъ, чшобъ я не забылъ мудрыхъ наставленій, копорыя будутъ мнѣ преподаны. За сими обрядами послѣдовала согласная музыка; молодые жрецы пѣли гимны въ честь Изидѣ; а по окончаніи пѣнія ошвели меня въ жилье,

ошкудѣ до открьшїѣ тайнствѣ за-
прещили мнѣ выходишь.

Я узналъ уже послѣ, что если бы
прошедъ за дверь, предъ копорою
стояли спражи, вздумалъ я поворо-
тишься назадъ, то сіи при человѣ-
ка вшорой спашь схватили бы ме-
ня и на всю мою жизнь заключили
въ подземные храмы. Жрецы не хо-
тятъ, чтобъ предпринимающіе по-
движъ могли разгласить искусства. Та-
кимъ же образомъ поступали и свѣ-
тѣми, копорые оспановлялись у рѣ-
ки. Если они занемогли, или подвер-
гались какой опасности, то давали
имъ помощь, но также ихъ заключа-
ли. Впрочемъ сіе заключеніе было
не жестоко: опредѣляли ихъ во впо-
рую спашью, и позволялось имъ же-
ниться на дочеряхъ своихъ шовари-
щей; но они должны были описать
къ своимъ родителемъ или родшвен-
никамъ слѣдующее: «праведные и
милосердые боги наказали нашу дер-
зость. Примише вѣчное наше про-
щаніе. Мы на всегда ошлучены отъ
свѣта; но намъ не шягосшно и по-
койно. Бойтесь и чшьте боговъ.» По
полученіи сего писанія почиали
ихъ умершими; они не говорили ни
съ однимъ міряниномъ. Что касается

до послѣдняго искуса, по признашь-
ся должно, что не лѣзя лучше пред-
ставишь смерти во всемъ ея ужа-
сѣ. Жрецы, ожидающіе подземнаго
пушешественника въ святилищѣ,
по первому звуку колесъ закры-
вали поспѣшнѣ всѣ опверстїя; и
если случалось на поспѣ разъ бытъ
въ храмѣ спороннимъ людямъ, то
они думали, что боги возвѣщающъ
громомъ свое присущствіе. На сей-
то послѣдній искусъ Орфей не дерз-
нулъ опважиться; мужество измѣ-
нило ему; однакожь за нѣжныя его
чувствованїя и обольстительную
прїятность его лиры онъ допущенъ
къ таинствамъ. — — — Тогда попро-
сила я Эвдоксію, чтобъ онъ расска-
залъ намъ эту часть Орфеевой ис-
торїи. Любопытно знашь всякое
приключеніе такого человѣка, копо-
раго любовь и великія дарованїя въ
поэзіи, музыкѣ и философіи сдѣ-
лали сполько славнымъ. «Вамъ уди-
вительно можешъ бытъ покажешся,
сказалъ мнѣ Эвдоксій, что повѣс-
тованіе нашихъ Греческихъ Исто-
риковъ о смерти Эвридикиной со-
вершенная ложь. Но ихъ мнѣнію эпа-
нимфа, бѣгучи отъ Аристея, кошо-
рый за нею гнался, ужалена змѣею и

опѣ шого умерла; но вы увидите, что Арисшей ни мало не причиною Эвридикиной смерти, и что онѣ не наказанъ за то, какъ они полагаютъ, упрасною пчелъ своихъ. Увидите также, что подало поводъ нашимъ спихотворцамъ сложить баснь о сошествіи Орфея въ адъ.

Этотъ славный Грекъ, котораго почитали сыномъ Аполлона, потому что онѣ получилъ отъ него блистательный даръ сочинять стихи и бряцать на лирѣ, женился на прекрасной Эвридикѣ въ Тессалии. Вы знаете, что Эвридика еще славнѣе по любви ея къ мужу, нежели по красотѣ. Нѣсколько времени послѣ Орфея, алкая знаній, и слыша всякой день о глубокой наукѣ Египетскихъ жрецовъ, вознамѣрился для обогащенія своей поэзіи новыми идеями побывать въ Египтѣ и просвѣщеніе священными таинствами. Жена его просила неопшупно, чтобъ онъ взялъ ее съ собою. Они сошли на берегъ къ Канопской пристани, а опшуда приплыли каналомъ въ Мемфисъ. Какъ начинало уже темнѣть, то они остановились предъ городомъ въ одной гостинницѣ. Идучи въ нее, Эвридика почувствовала лег-

кое уязвленіе въ пяту, и оставила это безъ вниманія; но едва вошла въ комнату, какъ началъ ее клонить сильный сонъ. Она сказала мужу, что ей нуженъ покой. Спустия полчаса слышнѣ онъ, что она дышетъ очень тяжело. Орфей подходилъ и видѣлъ, что лице ея распухло и побагровѣло. Онъ будилъ ее, но Эвридика не просыпается. Испугавшись, зовѣтъ онъ хозяина, кричитъ во весь голосъ. Хозяинъ, какъ скоро взглянулъ на больную, то сказалъ ему: «жена твоя укушена ядовитымъ животнымъ; нѣтъ спасенія. Надобно было васъ предупредить, что есть бальсамъ, который навѣрное вылечиваетъ всѣ такія укушенія, и что въ Египтѣ не должно никуда ходитъ, не взявъ этого бальсама съ собою, потому что самое краткое промедленіе дѣлаетъ болѣзнь неизлечимою. — Ахъ! вскричалъ Орфей, у меня былъ этотъ бальсамъ, но Эвридика не сказала мнѣ о своемъ несчастіи.» Она скоро умерла; и какъ Орфей не былъ еще въ Египтѣ извѣщенъ, то и опнесли ее безъ церемоніи въ кацакомбы муміи, обыкновенную могилу живущихъ за городомъ иностранцевъ. Предъ входомъ

въ кашакомбы видно озеро Ахерузія, на берегу кошораго судящъ умершихъ Египціанъ (иноспранцевъ не судящъ и не бальсамирующъ). Послѣ того Орфей, ходя всякой день къ кашакомбамъ оплакиващъ любезную свою Эвридику, услышалъ отъ нѣкошорыхъ Египціанъ, что между кашакомбами и пирамидами есть подземныя сообщенія, по которымъ души мерпвыхъ прогуливающся, и что люди, которые не убоялись шуда углубищся, слышали ихъ разговоры и пѣніе. Орфей, предавшисъ сладкому мечтанію увидѣщъ шѣнь Эвридики, и можешъ быщъ возврашщъ ее на свѣщъ, берешъ свѣщильникъ, берешъ свою давно уже забыщую лиру, входищъ съ насшупленіемъ ночи въ шемныя пещеры, и наполняешъ ихъ звукомъ любезнаго ему имени. По долговременномъ и шрудномъ спрансшвованіи находищъ онъ описанный Никіемъ колодезь, и опускаетъся въ него. Досшигнувъ до рѣшешчешыхъ дверей, слышищъ пѣніе, и между многими женскими голосами кажешся ему, что познаешъ голосъ Эвридики. Онъ запрепешалъ; при раза зовешъ Эвридику, любезную свою Эвридику, берешъ лиру и засшав-

ляетъ ее повпоряиъ его спенанія;
 попомъ пересѣаетъ, прикладываетъ
 внимательное ухо: увы! все умолкло.
 Онъ прочелъ надпись на аркадѣ,
 и понялъ, что находится на пути
 Инициации. Разсуждая, что эпитъ
 путь можешь довести его до жили-
 ща блаженныхъ душъ, и что позна-
 ніе таинствъ было единственнымъ
 предметомъ прибытія его въ Еги-
 пецъ, проспирается онъ далѣ. По-
 ощенъ любовью и любопытствомъ,
 проходишь мужественно сквозь ис-
 кусы огнемъ и водою; но при громѣ
 колесъ, при потрясеніи подземнаго
 моста, вмѣсто того, чтобы уцѣ-
 питься за кольца, опсупаетъ на
 лѣсницу. Онъ тотчасъ почувст-
 вовалъ свою ошибку, и какъ скоро
 увидѣлъ, что дверь педескала отво-
 рилась, то взялъ лиру, и рѣшась
 умереть, пошелъ къ святилищу, вос-
 пѣвая боговъ и Эвридику. Музыка
 его привела въ восхищеніе всѣхъ
 жрецовъ. Умолкнувъ, онъ спалъ на
 колѣни и ожидалъ себя приговора.
 Верховный жрецъ, поднявъ его, ска-
 залъ ему: «не кому тебѣ быть, кро-
 мѣ славнаго Орфея; швое пѣніе и
 благозвучность швоей лиры доказы-
 ваютъ, что ты любишь боговъ, и

что боги тебя любящъ. Изида, великая наша богиня, за швое благочестіе прощаетъ слабостъ швою при послѣднемъ искусѣ; но перебуешъ, чтобъ ты, въ исправленіе своего просупка перенесъ ея богослуженіе въ Грецію.» Орфей ошвѣчалъ только слезами благодарности и верховный жрецъ обѣщавъ ему допустить его къ таинствамъ, какъ скоро онъ пройдетъ чрезъ нравственныя искусы.

Говорящъ, что гробница эшого любимца Музъ, который училъ людей обрядамъ религіи, находишся во Бракии, и что соловьи, которые выюшъ около ее свои гнѣзды, поюшъ выразительнѣе и слаще прочихъ.»

ГЛАВА XXV.

Третій и послѣдній вѣтеръ.

Продолженіе обрядовъ Инициаціи.

Смерть Божориса и судъ надъ нимъ.

Окончаніе Никіевой исторіи.

На другой день Эвдоксій принялся опяшъ чипашъ Никіеву рукопись.

«Дали мнѣ ошдохнушъ двадцашъ чешыре часа; но запрещено мнѣ было

Антен. Т. II.

Ц

выходишь. Во второе утро наложили на меня постъ на восемьдесятъ одинъ день, въ которое время не долженъ я былъ употреблять никакого напишка, кромѣ воды. Первые два мѣсяца давали мнѣ хлѣба сколько я хотѣлъ, и плоды сырые и сушеные. Въ слѣдующіе двѣнадцать дней получалъ я по же количество хлѣба, но плодовъ только по три унціи; а подвѣ конецъ постъ былъ чрезвычайно строгой: пища моя тогда состояла изъ осьмнадцати унцій хлѣба. Первые семьдесятъ два дни я былъ одинъ и когда хотѣлъ; спалъ только по шести часовъ, и по на открытомъ ложѣ, да въ полдень могъ спать одинъ часъ сидя. Въ все, что касается до очищенія тѣла и что составляло первую часть Инициаціи: *вторая* есть очищеніе души; а третья *манифестація* или открытіе.

Очищеніе души состояло въ наставленіяхъ и моленіи. Сіе послѣднее ограничивается бытиностію поутру и ввечеру по одному часу при жертвоприношеніяхъ; но просвѣщаемый поставленъ такъ, что ни онъ не видитъ, ни его не видно. Что касается до наставленія, то говорили мнѣ болѣе всего о должности

моего состоянія. Каждый день слушалъ я по два урока. Поушпру жрецъ толковалъ мнѣ о единствѣ бога, который мыслью далъ веществу движеніе и жизнь, и котораго воля можетъ разрушить міръ и превратить его въ первобытный хаосъ. Наше зрѣніе не можетъ постигнуть сего безпредѣльнаго Творца; но онъ примѣняясь къ нашей слабости, показываетъ намъ во образѣ солнца, во образѣ планетъ. Онъ — по весною, подъ именемъ Изиды, устилаетъ землю великолѣпнымъ ковромъ изъ цвѣтовъ и зелени; подъ именемъ Цереры вырастаетъ богатая жатва; подъ именемъ Озирида, Юпитера и Меркурія принимаетъ наши молитвы и ѡиміамъ. По его гласу громъ гремитъ, молнія ударяетъ, вѣтры и бури ревутъ или умолкаютъ. Пошомъ говорили мнѣ о богахъ подчиненныхъ, которыхъ Богъ вышній употребляетъ въ правленіи вселенною; о Тіеонѣ и злыхъ духахъ, возмущающихъ природы. Вечерняя бесѣда продолжается полтора часа; на оной разсуждаютъ о морали. Ученику дозволяется сорокъ два дни входить въ кабинеты жрецовъ, которымъ препоручены священныя

наставленія; вся Коллегія занимается однимъ ученикомъ и спарается узнать его житіе и характеръ. Жены жрецовъ, которыхъ изъ почтенія называютъ *жрицами*, хотя онѣ никакого священнослуженія не отправляютъ, живутъ въ той же оградѣ, и могутъ входить къ мужьямъ своимъ; запрещается имъ только входить въ ихъ кабинеты и общія храмы, исключая однакожь проходныхъ мѣстъ, какъ на пр. коридоры. Ученику не позволяется ни говорить съ ними, ни даже кланяться имъ. Сіе запрещеніе было для меня очень тяжко. Жрицы почти всѣ чрезвычайно прекрасны, и когда случалось имъ проходить мимо меня, то онѣ всегда дѣлали мнѣ очень почтительное и ласковое привѣтствіе. Но такой уставъ имѣетъ намѣреніемъ укрѣпить просвѣщаемого противъ прелестей прекраснаго пола, и приучить его лишаться даже невинныхъ удовольствій, когда долгъ того требуетъ.

Вечеру сорокъ второго дня предписали мнѣ осьмнадцатидневное молчаніе, въ которое время не только слова, но даже всякой знакъ, всякое служащее къ извѣщенію какой бы

то ни было мысли движеніе запрещающіяся. На случай болѣзни только позволено увѣдомишь о томъ прикосновеніемъ руки своей къ сердцу, и тогда жрецы врачи лечашъ просвѣщаемаго съ величайшимъ стараніемъ; но по выздоровленіи надлежитъ ему начать очищеніе снова, въ какое бы время Инициаціи онъ ни занемогъ. Дали мнѣ книгъ, дощечки и стилей. Прочія мои упражненія оспались тѣ же; только надлежало мнѣ ходить на бесѣды самому, не ожидая повѣстки. Будили меня по ушрамъ и послѣ обѣда. Сады были всегда мнѣ опворены; но я долженъ былъ не обращать вниманія ни на мужчинъ, ни на женщинъ, и всѣ наблюдали по же самое въ разсужденіи меня. Жрецъ, который объявилъ мнѣ сіе осьмнадцатидневное безмолвіе, сказалъ, что оно взыщется съ меня съ величайшею строгостью; что учиненныя мною до того времени нѣкоторыя неважныя упущенія будущъ мнѣ прощены: но что малѣйшее нарушеніе сего послѣдняго предписанія лишитъ меня невозвратно свободы. На другой день, какъ скоро я проснулся, вошли ко мнѣ три жреца съ спорогими лицами, и сдѣлали мнѣ выговоръ

за нѣкоторыя легкіе сначала Иници-
аціи прослушки; они попрекали меня
и пѣмѣ, что я одной женщиной кив-
нулъ головою. Потомъ пересказы-
вали мнѣ многія дѣянія прошедшей
моей жизни, и между прочимъ не за-
были упомянуть, что я не допус-
тилъ балсамировать умершей въ до-
мѣ моемъ кошки. Такое свѣдѣніе обо
мнѣ тогда меня удивило; но я узналъ
послѣ, что жрецы, прорицая буду-
щее, принуждены развѣдывать чрезъ
своихъ подчиненныхъ о всѣхъ дѣ-
лахъ мірскихъ, а особливо о жизни
людей нѣсколько именимыхъ. Въ по-
слѣдній день безмолвія, подѣ вечеръ,
пришли ко мнѣ пѣ же при жреца, но
уже съ веселымъ видомъ, и поздрави-
ли меня, что я скоро буду принятъ.
«Ты вступаешь въ такое общество;
сказали они, которое основано един-
ственно на достоинствѣ, и по-
тому предпочтительно предѣ всѣми
пользуется хорошимъ мнѣніемъ и
уваженіемъ людскимъ. Жрецы спа-
новящія жрецами по праву рожде-
нія, а допущенные къ познанію
тайнствъ принадлежащъ къ священ-
ству за добродѣтели спроста испы-
танныя. Мы разрѣшаемъ тебя отъ
молчанія и даемъ тебѣ двѣнадцать

дней на записку, или припамятованіе всего того, что ты сначала своего искуса изъ бесѣдъ и чпенія узналъ. Часы молишъ твоихъ будущъ расположены по твоему собственному желанію. Наконецъ позволяется тебѣ бесѣдовать съ жрецами и кланяться ихъ женамъ, только еще не говоришь съ ними.»

По прошествіи двѣнадцатидневнаго срока верховный жрецъ, въ провожаніи многихъ другихъ жрецовъ, вошелъ въ мою комнату. «Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ, вошъ при вопроса, на которые ты долженъ отвѣчать чрезъ девять дней. До тѣхъ поръ всѣ разговоры, всѣ книги тебѣ запрещаются; у боговъ только проси, чтобы они тебя направили. Ты все это время будешь спать въ священныхъ позади происшедшей спашуи, чтобы богиня Изида направляла тебя даже сновидѣніями. Повседневно, прежде нежели отворяются двери, будешь приносить ей жертвы, да проліеши она въ душу твою мудрость. Впрочемъ садъ тебѣ опворенъ; ты можешь ходишь туда одумывать свои отвѣсы; а чтобы сдѣлать уединеніе твое сносно, позволяется тебѣ имѣть трапезу

дважды вѣ день съ нами; но ты долженъ молчать и наблюдать предписанную діѣшу.» Сія діѣша была девѣшь унцій хлѣба и не много воды. Идучи вѣ храмъ, я примѣшилъ, что вѣ домѣ царствовало глубокое и повсемѣстное молчаніе. Жрецы и даже жрицы не говорили при мнѣ ни слова, а вѣ нѣкоторомъ онѣ меня разстояніи перешепывались. Прежде онѣ гуляли и разговаривали вѣ саду, а вѣ сіи девѣшь дней не видалъ я шамъ никого, кромѣ очередныхъ спорожей быка Аписа, который величественными шагами прохаживался по находящемуся вѣ серединѣ сада звѣринцу. Какъ спстороннихъ людей принимали во внѣшнихъ залахъ, то и не извѣстно имъ было, что вѣ храмъ есть просвѣщаемый, и сія пайна была очень вѣрно хранима. Во время шрапезы удивило меня, что жрецы наблюдали шу же діѣшу, какая мнѣ была предписана. Вѣ срочный день предсталъ я предъ священный сонмъ для опвѣштвованія на заданные мнѣ три вопроса :

1) Бытіе Бога доказано ли?

—Доказано, равно какъ свѣтъ доказываетъ бытіе солнца; равно какъ

мысль наша доказываетъ, что мы существуемъ.

2) Нужна ли человѣку религія?

—Нужна. Человѣкъ родился злымъ: щещино мораль и законы хопящъ его обуздашь. Есть множество шайныхъ пресшупленій, копорыхъ ни мораль, ни законы досягнушь не могутъ. Сверхъ того человѣкъ окруженъ нещаспіемъ, подобно какъ земля окружена океаномъ. Какая пріяшная мысль! какое сладкое ушѣшеніе во всѣхъ бѣдахъ, а особливо при концѣ жизни пишаешь себя надеждою, что вышнее Существо, что Богъ праведный и милосердый ожидаешь нещасшнаго для окончанія его скорбей и для награжденія его вѣчнымъ блаженствомъ.

3) Въ чемъ состоишь вольность?

—Въ томъ, чтобъ овладѣшь самимъ собою, и не бояться никого, кромѣ совѣсти своей.

Жрецы были опивѣшами моими довольны.

Насшупили наконецъ двѣнадцать дней *открытія*, прешья и послѣдняя часъ Иниціаціи, копорую не сполько можно почешъ трудомъ, какъ награжденіемъ за труды. Постъ мой кончился; дали мнѣ вино и сочныя

мяса. Но какъ я при мѣсяца былъ на діѣшѣ, то жрецы-врачи присупсшво-вали при прапезѣ моей и располагали моею пищею.

Въ сіе время опворяють просвѣщаемому подземныя жилища, и онъ спранспивуетъ какъ будто по другому міру.

Въ первый день съ возшествіемъ зари повели меня предъ пройспвенный кумиръ; я преклонилъ колѣна, и верховный жрецъ посвящилъ меня Изидѣ, богинѣ мудрости; Озириду, благодѣтелю людей; Ору, богу молчанія и тайны. Пошомъ, держа факелъ, произнесъ я слѣдующую присягу: «клянусь никогда не открывать никому изъ непросвѣщенныхъ того, что увижу въ подземныхъ храмахъ; и да покарають меня боги, да опмсѣятъ мнѣ смерщю самою ужасною, если я когда либо сію мою клящву нарушу.» Послѣ чего пустили меня въ пещеры, и по обыкновенію дали мнѣ пушеводшелемъ послѣдняго изъ допущенныхъ къ таинствамъ Египтянъ. При входѣ услышалъ я крикъ младенцевъ; то были дѣши жрецовъ. Жрецы опсылають шуда женъ своихъ разрѣшашся отъ бремени, и дѣлають сіе какъ для пріученія

дѣшей къ шемноу, въ кошорой они должны препроводить большую часть жизни своей, такъ и для удаленія отъ себя всякаго шума, кошорый бы могъ мѣшати размышленіямъ и ученію. Пушеводитиель мой далъ мнѣ только взглянуть на сіе мѣсто изъ двери.

Вшорая спашья и жены ихъ составляютъ многочисленный народъ разнаго званія людей, изъ кошорыхъ иные, какъ подначальные священнослужители, опсправляють обряды религіи, другихъ употребляютъ для услуги жрецамъ высшаго класса и жрицамъ. Третьи снабджають домъ и храмъ всѣми нужными ремеслами. Жрицы опшичаются отъ мірянъ пошопнянымъ хипономъ того же цвѣта, какой носятъ ихъ мужья. Механическія искусства, заключенныя въ пещерахъ, возбуждають на каждомъ шагѣ вниманіе любопытнаго. Недавно въ сихъ шемныхъ сводахъ сдѣланы для вшущенія чистаго воздуха опшвершія, проведенныя на дворы или въ сады жреческихъ домовъ. Какъ невозможно было опшрѣть всего однимъ разомъ, шо и возвращались мы на верхъ сими опшвершіями. Въ чешвершый день уви-

дѣлѣ я поле слезѣ; широта его при десятины, а длина девять. Тамѣ, по суду прехѣ жрецовѣ, наказывающѣ впороспашейныхѣ. Иные вскапывали на искуспвенный холмѣ каменные разной величины цилиндры; и какѣ цилиндрѣ переваливался на другую сторону, то надлежало имѣ поднимать его опять. Нѣсколько женщинѣ черпали воду изѣ глубокаго колодезя и лили ее вѣ шекучій протокѣ. Оба пола были наги до пояса. За протупки прошивѣ благонравія, копорые нарушали порядокѣ вѣ домѣ, осуждали виновныхѣ препроводишь вѣ сихѣ пещерахѣ нѣсколько лѣтъ вѣ молчаніи. Я видѣлѣ шамѣ жрецовѣ и жрицѣ вѣ черныхѣ одеждахѣ, безѣ жреческихѣ ризѣ; они ходили закрытая лице, имѣли каждый особую келью, и лишены будучи всякаго удовольствія, занимались только чщеніемѣ. Чтожѣ касается до нарушителей шайны, то не взирая на соспояніе шакото, жрецѣ ли онѣ былѣ, или кто другой, разрѣзывали ему грудь и вырывали изѣ него сердце, копорое бросали хищнымѣ пшицамѣ. Но шакихѣ примѣровѣ не случалось цѣлые вѣки.

Продолжая путь, пришли мы къ

саду споль прелесному, что можно бы почестъ его произведеніемъ волшебнаго искусства. Сіе мѣсто длиною при четверти мили, а шириною восемь сотъ шаговъ, называется *Елисеи*: входъ въ него осмью параллельными аллеями, которыя по обѣимъ сторонамъ уставлены превеликими сосудами съ цвѣтами и душистыми деревцами. Жрецы украсили сей вертоградъ всѣмъ, что воображеніе самое пылкое можетъ придумать. Аллеи вѣдутъ къ площадкѣ необработанной, которая служила циркомъ. Тамъ дѣти обоего пола нагя упражнялись въ бѣганіи, въ скаканіи, въ метаніи свинцоваго кружка. Сіи-то игры дають имъ шу пріятность и ловкость, кою оны, спавъ жрецами, оплчаются въ священнослуженіи; ибо Египетскіе жрецы, не смотря на смиренную и важную осанку, приличную священному ихъ званію, даже развязанностью и свѣтскимъ обхожденіемъ перещеголяютъ всякаго мірянина.

Смотрѣвъ нѣсколько времени на сіи пошѣхи, вступили мы въ большой лабиринтъ, коего излучистые и опѣненные пупы вели подъ крышья аллеи, къ рошицамъ, къ бесѣдкамъ

изъ зелени, или въ мраморнымъ храмикамъ. Въ иномъ мѣстѣ аллея оканчивалась маленькимъ звѣринцемъ, по которому ходило нѣсколько шелищъ блистательной бѣлизны; въ другомъ находили мы пшичники, наполненные самыми рѣдкими пшичами. Здѣсь я видѣлъ прекраснѣйшихъ бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ голубей; тамъ водоемы, наполненные рыбами, плавающими по поверхности воды: я не могъ расстаться съ симъ подземнымъ раемъ; ходилъ во всѣ стороны, смотрѣлъ и любовался. Вышедъ изъ лавринѣа, мы нашли широкой водопокъ: его шихая, спокойная вода подобна жизни мудраго, котораго дни пропекають въ нѣдрахъ пишины и невинности. За водопокѣмъ простирается обширный звѣринецъ, усаженный прекрасными, величественными деревьями. Тамъ лавры, миршы, гранапы и померанцы благовонными своими испареніями бальсмятъ всѣ окрестныя мѣста. Сей звѣринецъ уславленъ множествомъ спашуй изъ блага мрамора. » Эпо порптрепы нашихъ Царей, сказалъ мнѣ мой пудоводитель, нашихъ духовныхъ владыкъ и боговъ, которые приидутъ чешыре тысячи лѣтъ тому назадъ

нами правили. — Такъ міръ очень старъ, вскричалъ я? — Напрошивъ того очень молодъ. Что значашъ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ лѣтъ въ быспромѣ печеніи вѣковъ? Это горсть песку въ степяхъ Ливійскихъ. Послѣ царствованія боговъ наскупило царствованіе духовное. Потомъ Египтяне наскучили правительствомъ жрецовъ, и выбрали себѣ Царей. Мы считаемъ ихъ чепыре ста семьдесятъ природныхъ Египтянъ, а царствовали они чепырнадцать тысячъ лѣтъ. Первый, котораго спашую ты видишь впереди прочихъ, Манесъ; онъ ввелъ въ Египетъ роскошь и художества. За нимъ слѣдуетъ непосредственно Меридъ; ему, великимъ его дарованіямъ и ревности къ общему благу обязаны мы за изкопаніе Меридова озера. Потомъ слѣдуютъ Мендесъ, Некосъ, который испыталъ соединить посредствомъ канала Средиземное море съ Краснымъ; далѣе стоитъ славный своими завоеваніями Сезосприсъ; еще далѣе видишь Псаммида, Априеса, Амазида. — Но для чего мы неидемъ на это мѣсто? Я вижу чрезъ каналъ мостъ. — Его сперегнулъ два льва; а къ нимъ не лѣзя подойти безъ

жреца, который ихъ кормитъ; при помѣ это жилище блаженныхъ душъ; входъ туда шебъ еще не позволенъ.»

И дѣйствительно сей звѣринецъ есть совершенное изображеніе Елисейскихъ полей. Слабый солнечный свѣтъ, еще ослабленный густыми тѣнями, которыя проспираются отъ лисвія, подобенъ нѣжному свѣту луны въ прекрасную ночь. Какъ сей садъ находится отъ поверхности земной во стѣ сорока фурахъ глубины, то солнце видно тамъ только около полудня; а показывающъ его обыкновенно поушру, или подъ конецъ дня. Обманъ глазъ тѣмъ еще поразишельнѣе, что всѣ бѣлыя шаши въ человѣческой ростъ, и что жрецы и жрицы, которыя прогуливаются тамъ въ бѣлыхъ одеждахъ, кажутся тѣнями мершвыхъ.

Вотъ обряды, которые жрецы передъ отвѣтствованіемъ на вопросы о дѣлахъ будущихъ или сокровенныхъ употребляютъ. Они выдумываютъ театральныя сцены, часто заспавляютъ вопросителя ждашь цѣлые мѣсяцы, а между тѣмъ стараются вывѣдать или отъ него самого, или чрезъ другихъ всѣ обстоятельства, которыя до него, а особливо до

вопроса его касающся, и согласно съ шѣмъ прибирающъ для опвѣта снпхи и декораціи сценъ. Потомъ принимающъ вопросителя въ тайную храмину, гдѣ кормящъ его нѣсколько дней сряду легкими мясами и усладительными напипками, въ которые примѣшиваютъ усыпипельные; допускающъ его въ храмъ ко многимъ церемоніямъ, которыя опправляютъ ся съ зашворенными дверьми; послѣ чего сажаящъ между однимъ жрецомъ и одною женщиною въ опкрытую колесницу, у которой колеса не видны. Не рѣдко приспавляютъ къ нему для совѣта и бесѣдованія женщину. Сія колесница, будучи двигнута легонько съ зади, кашился по нечувствительному склоненію въ аллеи, опъ которыхъ начинается Елисей. Вшороспашейные служители по смѣнно полкающъ колесницу всегда равнымъ движеніемъ до самаго Елисея, гдѣ вопроситель сходитъ. Тамъ жрецъ и жрица, не оппуская его опъ себя ни на одинъ шагъ, водящъ по лабиринѣу и приводящъ къ водошону, опкуда показывающъ ему гуляющихъ по Елисею блаженные шѣни. Потомъ ведущъ его въ храмъ прорицанія, и первое предспавляется

взору его великолѣпная лѣсница; но сквозь сгупеней видно, какъ будто въ пространной безднѣ, пламя, произведенное въ каналѣ сѣрною водою и спиршами. Сей узкой каналѣ дѣйствіемъ опшики кажется огненною рѣкою. Сквозь пламени и далѣе за пламенемъ видны нагіе мушчины и женщины; Эвмениды ихъ наказываютъ; звукъ ударовъ раздается по сводамъ, хоща сїи удары не дѣлають никакой боли. Вопросишель видишь сїе, и сказываютъ ему даже пресгупленія осужденныхъ. Пошомъ ведуть его предъ театръ: жрецъ и жрица садятся подлѣ него; начинаютъ громъшь хоры прекрасной музыки и представляють театральныя сцены.

Подлѣ Елисея находится Пантеонъ; входъ въ него многими очень глубокими арками. Сводъ сего обширнаго храма имѣетъ только тридцать фушовъ вышоты и сорокъ широты; но длина храма чрезвычайная: иначе не помѣстились бы въ немъ всѣ Египетскія божества, пошому что Египтяне обожаютъ по крайней мѣрѣ тридцать тысячъ боговъ. Священнище посвящено Изидѣ, маперѣ Нашуры, или, лучше сказать, Нашурѣ

самой. Всѣ сіи кумиры боговъ и полубоговъ поставлены лицомъ ко входу: низъ предоспавленъ для злыхъ духовъ. Тифонъ прислоненъ къ стѣнѣ, съ копорою онъ равенъ выотою, а руки его досягають до угловъ; онъ имѣеть человѣческой видъ только отъ головы до пуна; два ужасные дракона служатъ ему вмѣсто лядвей и ногъ; повременно изрыгають они глазами и усами пламя; вокругъ его находится двадцать комнатъ, въ которыхъ споятъ злые духи; лица ихъ, для означенія прошивности, обращены къ богамъ благодѣшнымъ. Стѣны и своды храма изпещрены іероглифами, которые содержатъ исторію боговъ и обряды богослуженія. Тамъ-то опираются повсеночно отъ десяти часовъ до двухъ по полуночи многія жертвоприношенія и обряды, на которыхъ присутствуютъ всѣ жители пещеръ, и даже заключенные въ полѣ слезъ, большая часть просвѣщенныхъ таинствами и новоприятый въ послѣдніе три дни манифестаціи. Какъ ночныя церемоніи начинаются до окончанія дня, то прежде всего приносятся молитвы тому бгу, которому шотъ день посвященъ; почти для

каждаго избъ сихъ боговъ естъ особливья жершвы и особливья дрова; да и зажигающъ ихъ, смощря по классу бога, или зажигащельнымъ спекломъ, или искрами, изсбваемыми избъ кремня, или пламенемъ свбпильниковъ. Инымъ опшправляющъ служеніе жрецы, другимъ жрицы. Въ полночь избъ нижняго жилья храма выходитъ жершвоприноситель, а за нимъ двара жрецовъ; они, въ провожаніи многочисленнаго музыкальнаго хора, соспавленнаго избъ жрецовъ, жрицъ и молодыхъ людей обоого пола опъ девятилѣшняго возраста, идущъ къ кумиру Изиды. Тамъ оспановясь предъ спашуюю въ двѣ линіи, жрецы раздвигаются и пропускающъ жершву; несущъ ее осьмнадцать жреческихъ дочерей; онѣ шестшвующъ по двѣ въ рядъ, нагя, неся каждая корзину, наполненную плодами и другими дарами, приличными шому времени года. Опшправляющъ онѣ сіе служеніе опъ шринадцатилѣшняго возраста до замужсшва. Жершвоприноситель высыпаетъ избъ корзины на большой четвероугольный олшарь, на передней споронѣ котораго находитъся слѣдующая надпись: *тебѣ Изиде, божество единственное, повсе-*

мѣстное! Когда двѣ девушки выдуть изъ святилища, то вступають въ него жрецы для окончанія обрядовъ, которые при звукѣ инструментальной музыки и пѣнія продолжаются болѣе двухъ часовъ; обряды бывають разные, смотря по времени года. Музыка переходитъ изъ сихъ подземныхъ храмовъ въ верхніе; а какъ стихи и пѣніе равно прекрасны, то и перенимають оное всѣ Египтяне.

Въ послѣдніе дни Инициаціи спалъ я еще въ пещерахъ. Между тѣмъ приготавливали великолѣпную процессію, которая называется большою Изидиною церемоніею, или поржеспвомъ новопринятаго.

Наканунъ шесть вѣпороспашейныхъ служителей прѣѣхали верхомъ предъ царской дворецъ, находящійся противъ храма на другомъ краю площади, и при игрании на трубахъ объявили, что въ слѣдующій день увидятъ новопросвѣщеннаго. Они сдѣлали такое же объявленіе и по улицамъ, по которымъ процессія должна была проходить. Если новопринятый родомъ Египтянинъ, то они даютъ о томъ знать, потому что для иностранца процессія не столько пышная, ограничивается

обойденіємъ храма, и даже объявленіе дѣлается только предъ храмомъ. Какъ не рѣдко случалось, что многіе годы никого вновь не принято, то сія церемонія была всегда предметомъ величайшаго любопытства. Я умолчу о процессіи, копорая сдѣлана для меня иностранца, и опишу ту, копорую я видѣлъ годъ спустя для одного Египтянина.

Во всю ночь послѣдняго дня Инициаціи украшали внутренность храма всѣмъ, что въ кладовой жрецовъ находилъсѧ великолѣпнѣйшаго, а жили Мемфиса убрали наружность своихъ домовъ драгоцѣннѣйшими вещами. По возшествіи солнца послали въ храмъ посреди святилища принесенный изъ пещеръ Изидинъ ковчегъ. Сей ковчегъ есть большой сундукъ, покрытый бѣлою шелковою завѣсою, убранныю золотыми іероглифами, копорая въ знакъ тайны покрыва еще чернымъ флеромъ. Предъ началомъ процессіи принесли Изидѣ жершву. При семъ случаѣ жреческія дочери, копорыя выходятъ только на Изидины праздники, производили поочередно, при звукахъ музыки, пляску важнаго знаменованія. Потомъ открылся ходъ. Впереди

шесшовали и повременно играли на шрубахъ тѣ второспашейные служители, которые повѣщали церемонію. Два ряда спражей той же спашьи ограждали процессію съ обѣихъ сторонъ отъ начала до конца. Чешыре класса жрецовъ, мапемашики, врачи и законовѣдцы шли первые за дѣшными своими, одѣшными также какъ и они. Жрецы сверхъ шонкаго полошняянаго хипона имѣли черныя ризы; но первые при класса носяшъ ризы голубыя, віолешовыя или красныя; головы свои покрывающъ полою сей одежды. Между двумя рядами шли одинъ за другимъ жрецы, называемые Паспофорами; вмѣсто ризъ были на нихъ епанчи цвѣшомъ по ихъ классамъ; они несли Меркуріевы книги, въ копорыхъ содержишся вся ихъ наука.

За сею частью процессіи слѣдовалъ перваго класса жрецъ. Онъ несъ, прижавъ къ груди своей, славную Изидину дску. Сія дска сдѣлана изъ мѣди, но вся покрыва сребромъ, на копоромъ вырѣзаны эмблемы Изидиныхъ шайншвъ въ видѣ женщинъ; и у нѣкопорыхъ изъ сихъ женщинъ головы звѣриныя. Пошомъ шли дочери жрецовъ. На нихъ

были тонкіе пологіяныя хипоны, и
 ризы цвѣшомѣ по классу ихъ опцевѣ;
 а сверхъ ризѣ маншіи, у каждой сво-
 его цвѣта, вышишныя золопомѣ и съ
 золопыми кислями, прикрѣпленны-
 ми къ лѣвому плечу драгоцѣннымъ
 камнемѣ. Головной ихъ уборѣ состо-
 ялъ изъ волосѣ съ перьями изъ до-
 рогихъ камней; а прочія украшенія
 были серьги, жемчужныя ожерелья и
 дорогія запястья. Онѣ составляли
 чешыре ряда, и держались по двѣ за
 руки. Жрицы директорши въ чер-
 ной (исключая хипона) одеждѣ шли
 по серединѣ; справа вокругъ сихъ
 красавицъ была удвоена. За ними
 шелъ превеликой хоръ музыки, со-
 ставленный изъ жрецовѣ и дѣшей
 ихъ. Потомѣ слѣдовалъ Изидинѣ
 ковчегѣ; несли его восемь жрецовѣ
 на плечахъ, а предѣ ковчегомѣ шли
 дѣвушки второй спашы въ бѣлыхъ
 шерстяныхъ очень тонкихъ одеж-
 дахъ и въ цвѣтахъ; онѣ играли на ци-
 трахъ и кропалахъ, и плясали. Дру-
 гія дѣвушки той же спашы жгли
 по обѣимъ сторонамѣ ароматы, ко-
 торыхъ дымѣ окружалъ ковчегѣ гу-
 стымъ облакомѣ. Верховный жрецѣ
 шелъ за ковчегомѣ одинѣ; на бѣломѣ
 его хипонѣ была багряная риза,

подбишая горноспаемб; шлейфб несли двое дѣшей вшорой спашьи; голова его покрыша была нѣкопорымб родомб мишры, какую онб одинб имѣешб право носить; въ рукб у него былб гадапельный жезлб, который всѣ прочіе жрецы въ его присутствіи оспаwiająшб. За нимб слѣдовали жрецы перваго класса, шолковашели священныхъ письменб; пашпофоры несли ихб книги и носили сб гадапельнымб сосудомб, въ копоромб лежала аспролябія, квадратнб и циркуль. Всѣ жрецы сего класса имѣли на себѣ, свехб бѣлаго хипона, черныя ризы. За ними шли ихб дѣши, копорыхб замыкали чешыре жреца - воспиташеля. Послѣдняя часшь процессіи имѣла видб военный. Пропустя нѣсколько разспоянія, несли, при играніи на флейшахб и лишаврахб, чешыре распущенные шпандарша; на первомб изображенб былб богб Аписб, символб царства Мемфискаго; на вшоромб Сфингб, символб царства Египешкаго; на шрешьемб символб міра, змѣй, копорый, доставаая укусить свой хвостб, извиваешся въ кружокб. За тѣмб слѣдовали всякаго званія просвѣщенные шаинспвами природные Егип-

тяне. Они шли одинъ за другимъ въ обыкновенной своей одеждѣ, ко-
порой никогда не осмѣивались. Сія
одежда естъ короткой камзолъ поль-
ко до колѣнъ, сверхъ котораго по-
сяли они ризу, означающую сте-
пень ихъ или должностъ; подлѣ нихъ,
внѣ рядовъ, шли просвѣщенные па-
пиствами иностранцы, въ числѣ ко-
порохъ былъ и я.

Наконецъ показался новоприня-
тый. По правую его руку шелъ млад-
шій изъ жрецовъ, по лѣвую старшій
изъ просвѣщенныхъ. Онъ былъ одѣтъ
на сей только день въ бѣлый хитонъ
съ длиннымъ шлейфомъ. Мечъ его въ
спальномъ ефесѣ висѣлъ на бѣлой
съ чернымъ шипьемъ перевязи. Онъ
имѣлъ поясъ огненного цвѣта, вы-
шитый золомомъ, на головѣ миршо-
вый вѣнецъ, а въ рукѣ большую паль-
мовую вѣтвь, символъ мира; лице
его завѣщено было прозрачнымъ по-
крываломъ, которое просширалось
до груди, и скрывая его отъ любо-
пытныхъ, не препятствовало ему
видѣть. За нимъ слѣдовала триум-
фальная колесница, заложная въ
четыре лошади рядомъ; въ ней че-
тыре добродѣтели везли триумфаль-
ный вѣнецъ; около подножія изобра-

жены были низложенные пороки. Сія колесница подобна была шой, на которой военачальники послѣ великой побѣды показывающся народу; но герой сего шоржеспва никогда въ нее не садился, и шѣмѣ показывалѣ, что онѣ даже и принадлежащихъ ему почестей не желаетѣ. Какѣ скоро увидѣли его, что повсюду раздались восклицанія. Изѣ оконѣ домовѣ и съ улицы чрезѣ спражей сыпали на него цвѣшпы и кропили его драгоцѣннѣйшими благовоніями.

Обошедѣ такимѣ образомѣ большой по городу кругѣ, онѣ оспановился предѣ Царскимѣ дворцемѣ. Царѣ ожидалѣ его посреди множеспва придворныхѣ на балконѣ, украшенномѣ воликолѣпными коврами. Новопринятый взошелѣ на поспавленный предѣ балкономѣ амвонѣ, преклонилѣ колѣна свои на подушку и сдѣлалѣ Царю низкій поклонѣ; потомѣ вспалѣ, извлекѣ мечѣ, какѣ будто для поднесенія его своему Государю, и сошелѣ съ амвона, держа креспобразно въ одной рукѣ обнаженный мечѣ, а въ другой пальмовую вѣшвѣ; потомѣ возвратился въ храмѣ. Тамѣ онѣ взошелѣ на нѣкоторый родѣ очень высокаго шрона; два

второспашейные служители послѣ-
довали за нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ
закрылись двумя большими занавѣса-
ми. Между шѣмъ, какъ пѣли гимны,
надѣли на него бѣлый камзолъ, и
сверху обыкновенную его одежду.
Чрезъ полчаса опдернули занавѣсы
и показали новопринятаго народу,
который поздравилъ его громкими
воскликаніями.» — — —

Вопѣ какъ Никій описываетъ
смерть Бохориса:

Тесѣ мой умеръ въ томъ самый
день, когда обнародовали въ Мемфи-
сѣ возвышеніе Нила на шеснад-
цать локшей. Я не могъ учасство-
вать въ общей радости и веселос-
тяхъ; напрошивъ того надлежало
мнѣ, слѣдуя обыкновению, вымарать
себѣ голову и лице грязью; жена моя
и я подпоясались на брюхѣ, били
себя въ обнаженную грудь, и оставя
мертвѣго въ домѣ, бѣжали по городу
въ провожаніи нашихъ родствени-
ковъ. Возвратясь домой, мы послали
шрѣкъ къ бальсамщикамъ, и вмѣстѣ
съ родствениками назначили день
похоронъ и суда, чѣмъ все пріятель-
ли покойника могли при томъ быть.
Какъ похороны никогда не опира-
ются во время наводненія, то и

надобно было дождашься того времени, когда Нилъ вступишь въ берега. Тогда мы сдѣлали объявленіе, по обыкновенной формѣ, что Бохорисъ будетъ переправляться чрезъ озеро. Двѣ находящіяся переправы до равнинъ, на которыхъ Цари учредили свои мавзолеи. Тамъ-то стоятъ славнѣйшія при пирамиды; каждая имѣетъ особый храмъ и особливыхъ жрецовъ. Какъ сіи мѣста безмолвія суть убѣжище ненарушимое, и злочестивецъ, который дерзнулъ бы не сохранить къ нимъ должнаго уваженія, былъ бы пошчасъ наказанъ смертію: но большая часть Египтянъ тамъ хотятъ быть похоронены. Каждое семейство высекаетъ себѣ могилу въ камняхъ, покрытыхъ пескомъ. Красота полей, окружающихъ сію пространную песчаную пустыню, водопоки, шѣнь лисвія всегда зеленаго, подали Греческимъ путешественникамъ первую мысль о Спиксѣ, о Леѣ и Елисейскихъ поляхъ. За озеромъ находишься храмъ Гекапы *мрачной*; и вороша Кокипы и Леѣы, замкнутыя мѣдными запорами; подлѣ стоятъ спашуя *Правосудія*, безъ головы, а другая *Истины*.

То наступленіи назначеннаго дня
 мы вошли съ прупомъ въ лодку, и
 заплашили перевозчику Харону одинъ
 оболъ. На другомъ берегу озера си-
 дѣли полукружіемъ судьи числомъ
 сорокъ одинъ. Сии судьи выбираютъ
 всякой разъ гражданами изъ про-
 свѣщенныхъ таинствами, и должны
 бытъ люди непоколебимой честно-
 сти. Сверхъ бѣлой шуники имѣютъ
 они красную ризу, а на шеѣ золотую
 цѣпь, на которой виситъ сапфиръ
 съ изображеніемъ Истинны. Законъ
 позволяеть всякому обвинять покой-
 ника; и если найдется, что онъ былъ
 жизни дурной, то судьи лишаютъ
 его погребенія; но если доносъ ока-
 жется ложнымъ, то клеветникъ под-
 вергается тяжкому наказанію. Какъ
 никъ не явился доносить на моего
 шесця, то я сказалъ ему похвальное
 слово. Я умолчалъ о его породѣ, по-
 тому что всякой Египтянинъ почи-
 таетъ себя благороднымъ; но гово-
 рилъ всема проспранно о его воспи-
 таніи, о знаніяхъ, какія онъ самъ
 собою пріобрѣлъ; выхвалялъ его бла-
 гочестіе, справедливостъ, умѣрен-
 ностъ и другія добродѣтели; и кон-
 чилъ молишвою къ богамъ, да при-
 мутъ его въ жилище праведныхъ.

Послѣ сей рѣчи судьи приказали его погребсти. Мы опдали шрупѣ, и какѣ не было у насѣ памяшниковѣ для его могилы, то и велѣли мы поспроить комнапу въ домѣ нашемѣ, и въ ней поставили гробѣ его споймя у швердой стѣны.»—Тѣмѣ кончилась Никіева рукопись.

Поблагодаря Эвдоксія и давѣ ему нѣсколько опдохнушѣ, мы попросили, чшобѣ онѣ досказалѣ намѣ испоію сего любезнаго философа.— — «Охошно; но предворяю васѣ, чшо вы услышите конецѣ очень жалкой, очень прогашельной.

Никій не смопрѣ на шо, чшо допушенѣ былѣ кѣ шаинспвамѣ, имѣлѣ нещаспіе навлечѣ на себя ненависшѣ жрецовѣ. Онѣ не могѣ передѣлатьсѣ, и оспалсѣ такимѣ же чиспосердечнымѣ, какѣ былѣ. Имѣя врожденную склонность кѣ насмѣшкѣ, онѣ часто нападалѣ на Египетскихѣ боговѣ оспрыми и колкими шушками; быкѣ Аписѣ шerpѣлѣ больше всѣхѣ онѣ стрѣлѣ его. Правда, чшо онѣ разбиралѣ людей, при комѣ говоришѣ, и предавалсѣ веселоспи своей только въ дружеской бесѣдѣ; но шушки его разносились; умные люди, копорымѣ все замысловапое и шонкое обыкно-

венно нравишся, находили удовольствіе повпоряшъ ихъ. Жена его, при копорой онъ часпо на счепъ жрецовъ забавлялся, препешала, чпобъ молнія не грянула на ихъ домъ. Тщешно Никій спарался внушшъ ей религію согласную съ разсудкомъ; разсудокъ не могъ ушвердишся въ головъ шавъ худо пригошовленной. Слѣпоша ея была шѣмъ неизлечимѣе, чшо она очень ввѣрилась одному жрецу Сераписову. Эпошъ человекъ, по имени Сеѣонъ, изувѣрб непришворный, упрямый онъ гордостш, жестокосердый по характеру, изб привязанностш къ закону, охотно бы испребилъ разсудокъ человѣческой и всѣхъ шѣхъ, копорые не вѣршб божеству Аписа. Вы знаете вліяніе и властъ Египетскихъ жрецовъ. Сверхъ того, чшо они оковали народъ цѣпями суевѣрія, несмѣшныя ихъ сокровища, копорыми почиашб они себя одолженными Изидѣ, и свобода отъ всякой подаши, отъ всякаго налога даюшб имъ превеликую силу; а чпобъ еще болѣе ушвердишъ ее, выспавляюшб они нравы, наружностъ и обряды спранные. Сеѣонъ перелиб свои мнѣнія въ душу слабой Деифилы. Она спала отъ

мужа удаляться, и почищать его шварью, опринушою богами. Печальное слѣдствіе фанатизма, который такъ часто задушаетъ нашу! Благоразумный Никій примѣняя, что знакомство жены его пагубно для ея характера и разсудка, запретилъ ей принимать Сеѳона. Раздраженный жрецъ умыслилъ съ товарищами своими погубить философа. Эпошъ, упражнясь въ высокихъ наукахъ, не пренебрегалъ и поля словесности; и въ часы отдохновенія, послѣ сильнаго напряженія ума, находилъ удовольствіе рвать Парнаскіе цвѣты. Онъ сочинилъ маленькую поэму на Аписа. Сіе твореніе, наполненное остроуміемъ и веселостью, лежало скрыто въ святилищѣ Музъ; Никій читалъ его только малому числу друзей, и то запершись; но тайна вышла наружу, и все священство встревожась, положило спараться соединенными силами о истребленіи нечестиваго.

Коварный Сеѳонъ взялъ на себя достать поэму; онъ увидѣлся тайно съ Деифилою и употребилъ всю свою власць, все искусство, чтобы выманить отъ нее рукопись. Деифила сколько ни была слаба и суе-

вѣрна, не могла однакожь рѣшиться на такое вѣроломство. Но какъ нѣсколько дней спустя, громъ, копорый въ Египтѣ случается весьма рѣдко, ударилъ въ ихъ домъ, то жрецъ увѣрилъ ее, что сіе произшествіе означаетъ гнѣвъ боговъ, и что если злочестивое сочиненіе не будетъ испреблено, то она и мужъ ея не преминутъ возчувствовать Аписова мщенія.

Страхъ, больше увѣришельный, нежели всѣ разсужденія, принудилъ ее рѣшиться. Она ввела Сеѳона съ другимъ жрецомъ, поварищемъ его, въ кабинетъ своего мужа во время его отсутствія. Они искали, рылись, и нашли поэму и еще пещрадь, въ копорой описаны были обряды Инициаціи. Раздраженные жрецы донесли на автора, что онъ открылъ священныя таинства. Мщеніе пошчасъ началось: Никія схватили ночью и отвели въ пещницу. Какъ скоро онъ узналъ о причинѣ своего несчастія, то и приготовился умереть. Тщешно нѣсколько друзей хотѣли спасти его; народъ громкимъ воплемъ требовалъ казни, и жрецы — судіи приговорили его къ смерти.

Услышавъ обѣ этомъ приговорѣ, Деифила почувствовала, какое ужасное сдѣлала пресупленіе; голосъ напущуры воспоржесивовалъ надъ предразсудками, и раскаяніе изперзало душу ея. Она побѣжала къ темницѣ, чтобъ броситься къ ногамъ своего супруга; но ее не впустили. Кого о томъ ни просила, ни одинъ чувствительный человѣкъ не осмѣлился пропустить ея слезами; священный сонъ успрашалъ всѣхъ. Въ опчаяніи прибѣгла она къ самому Сеѣону, обнимала его колѣна, плакала. Жестокосердый Іерофанъ оказалъ тогда всю черноту души своей. Изобразя супруга ея злочестивцемъ, котораго боги и человѣки осудили, онъ принялъ тонъ ибжнаго соучасія и чувствительности, увѣрялъ ее въ своей дружбѣ, и кончилъ предложеніемъ, чтобъ она согласилась быть его женою, и промѣнялъ безбожника на священнослужителя, любезнаго богамъ и почитаемаго людьми. Впрочемъ, прибавилъ, за эту только цѣну можешь ты увидѣть Никія въ послѣдній разъ. « Деифила, пораженная какъ громомъ, сжавъ свою мысль въ сердцѣ, ошвѣчала: «исполни прежде мою прозьбу, и попомъ, если малыя мои

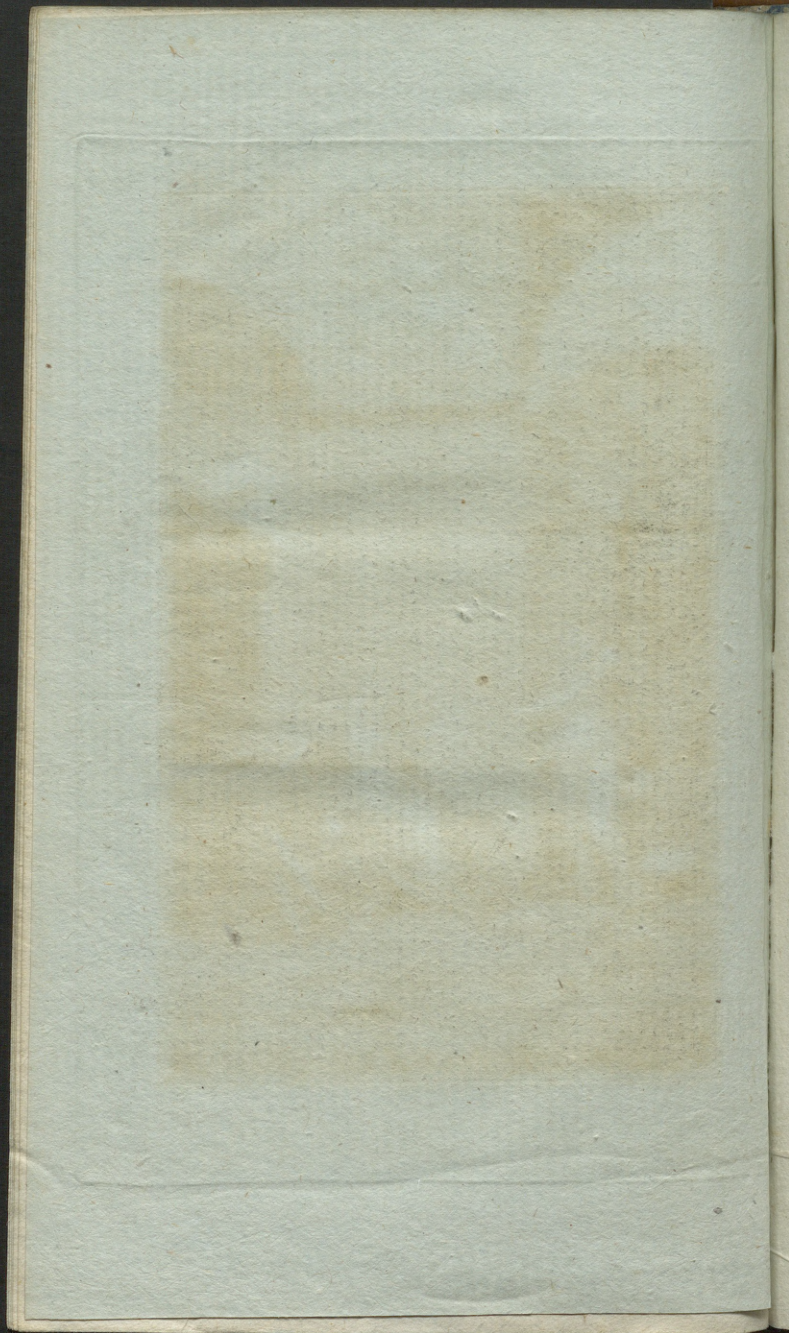
прелести будущъ еще тебѣ пріятны, то я желанію своему прошивишься не спану.»

Какъ скоро она получила пропускъ, то въ ту же минуту бросилась къ темницѣ. Отворили ей двери. Никій, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ, читалъ при свѣтѣ печальной лампы, пошому что солнечные лучи никогда въ это жилище ужаса не проникаютъ. Задыхаясь отъ рыданій, ушопая въ слезахъ, Деифила упадаетъ къ ногамъ его и лишается чувствъ. Никій не зная, что она причиною его несчастія, ушѣшаетъ ее, сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ, осыпаетъ ласками. Она хочетъ ошановишь его, и не имѣетъ силъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Когда пришла въ состояніе говорить, то вскричала: «что ты дѣлаешь, супругъ несчастный! я недостойна ласкъ своихъ. Ты видишь самую неблагодарную, самую вѣроломную изъ женщинъ; ты видишь чудовище! Ты не знаешь, что я злодѣйка; не знаешь, что я виновница твоей смерти; мое слѣпое суевѣріе тебя погубило!» Тогда рассказала ему, какимъ образомъ выдала его сочиненія. Никій слушалъ какъ снисходительный супругъ, какъ

спокойный философъ; и, поднявъ ее отъ ногъ своихъ, когда она голосомъ опчаянія просила прощенія, прощаю, сказалъ, прощаю тебя, мой другъ; сердце швое невинно. Вотъ слѣдствіе фанатизма; но скажи мнѣ, къ чему меня приговорили, какое гошоящъ мнѣ наказаніе? — Смершь, смершь, какъ нарушилъ Изидиныхъ таинствъ. Вырвущъ изъ тебя сердце и бросающъ его хищнымъ звѣрямъ на снѣденіе. Жрецы торжествующъ, боги тебя оспавили. . . . Но что я говорю! боги? нѣтъ боговъ, никогда ихъ не было, или они враги добродѣтели!» Никій, видя ее изспупленіе, сдѣлавъ ей крошкой выговоръ, что она изъ одной крайности переходитъ въ другую. «Если суевѣріе, говорилъ онъ, унижаетъ человека, то напрошивъ того невѣріе доказываетъ недоспашокъ просвѣщенія и дурную нравспвенность. Есть, конечно есть вышній Богъ, не такой, какимъ представляющъ его жрецы, не жестокій, не ревнивый, не щеславный, не мспшительный, но Богъ благій, праведный, милосердый; Богъ, копорый внемлетъ голосу швоей совѣспи, слышитъ вопль швоего раскаянія; Богъ, копорый накажетъ злаго, про-

сшибъ заблужденія и слабости добраго, и наградишъ насъ послѣ смерти за всѣ преперпѣнныя въ здѣшней жизни муки.» Тогда Деифила, какъ будто озаренная какимъ-то вдохновеніемъ, вскричала: «чегожъ намъ ждашъ, любезный Никій! пойдѣмъ, пойдѣмъ за Коцишъ получишъ награду, кошорая насъ ожидаетъ. Не смерть тебѣ страшна, но приготовленіе къ смерти и ужасный видъ казни. Я принесла напитокъ, кошорый сокращаетъ спраданія.» Она вынула изъ кармана спклянку, налила изъ нее въ чашу, выпила половину сама, и поднося оспальное удивленному Никію, вышей, сказала: эшо ядѣ.» Философъ содрогнулся, однакожъ принялъ чашу и выпилъ. Попомъ они обнялись, легли на полу, и презирая муки, радовались, что умираютъ вмѣстѣ. Когда Деифила почувствовала дѣйствіе яда, то написала къ злодѣю Сеѣону: «я вѣрна своему слову: приди взглянушъ на несчастную; и если чувствуя швои не охолодѣеши, то осмѣйся похитивши меня изъ объятій моего супруга.» Сеѣонъ, по прочтеніи эшой записки, бѣжитъ къ пемницѣ, входитъ, видитъ Деифилу, прелестную Деифилу, пред-

метѣ всѣхъ своихъ желаній, проспершую на земли, посинѣвшую, покрывшую мракомъ смерти, обнимающую своего супруга. Пораженъ удивленіемъ, онъ не смѣетъ вѣрить ша-
 кому героизму; насыщаетъ еще жадные свои взоры разсматриваніемъ полумертвой жертвы, любитъ прекраснымъ рисункомъ ея шѣла, и уходя жалѣетъ единственно о томъ, что не могъ ею насладиться. Та-
 кимъ образомъ погибъ мудрый Никій, этотъ философъ, который за-
 служивалъ благодарность Египтянъ. Еще прежде получилъ онъ выговоръ отъ жрецовъ за одно астрономическое изслѣдованіе. Жрецы утверждали, что впечатеніе одиннадцати тысячъ лѣтъ солнце закатывалось два раза на востокъ и два раза на западъ. Никій доказывалъ имъ, что хотя бы эклиптика и подлинно была параллельна экватору, какъ то они утверждаютъ, то и въ такомъ случаѣ эта параллельность не сдѣлала бы въ теченіи солнца никакой переменны.»

ГЛАВА XXVI.

*Гимнопедія или пляска нагихъ людей.
Избіеніе Илотовъ. Ногная церемо-
нія. Забавное Фанорово мщеніе. По-
бѣдъ его съ Антеноромъ изъ Спарты.*

Приближилось время одного Спар-
панскаго праздника, на копоромъ
опправляется Гимнопедія или пля-
ска нагихъ людей, споль славная у
Лакедемонянъ. Мы неперпѣливо его
ожидали. По насшупленіи того дня
Демонаксъ повелъ насъ въ общесшвен-
ную палашу. Какъ скоро мы сѣли, то
изъ боковыхъ дверей съ одной спо-
роны вошла толпа нагихъ мальчи-
ковъ, а съ другой шакая же людей
средняго возраста. На передовыхъ
было по пальмовому вѣнку. Сіи двѣ
толпы соединялись, раздѣлялись, схо-
дились, разходились, прыгали въ на-
дансѣ. Они дѣлали руками шакія же
движенія, какъ въ борьбѣ и Панкра-
шіи (*). Во время пляски пѣли лири-
ческіе стихи. Демонаксъ сказалъ намъ,
что сія пляска взята съ одного спа-

(*) Искусство, принадлежавшее къ Гимна-
стии: оно состояло изъ соединенія
борьбы и кулачнаго боя.

риннаго праздника, который отпра-
влялся въ честь Аполлону и Вакху;
спихи посвящены были первому, а
пляска послѣднему. Этого празд-
никъ не понравился Фанору; онъ былъ
такого мнѣнія, что нагое тѣло и
емуглая волосистая кожа мужчинъ
приличны только въ лѣсу, среди
звѣрей. Въ сей пляскѣ не было по-
крайней мѣрѣ ничего печальнаго и
огорчительнаго; но зрѣлище, которое
сія гордая и жестокая нація предс-
тала намъ нѣсколько времени спус-
тившись въ сосраданіе душу вся-
каго чувствительнаго человѣка.

Новые Эфоры вступили въ дол-
жность; вошедъ въ судилище, они
объявили, что позволяется всякому
Спартанцу убивать Илотовъ, кото-
рыхъ ему удастся заманивъ въ об-
манъ.—Удивясь такой жестокости,
спросилъ я нашего хозяина, что по-
мощию.—«Это обычай, отвѣчалъ
онъ: всѣ новые Эфоры, при вступле-
ніи своемъ въ должность, обязаны
издать такое объявленіе. Вы знаете,
что Илоты наши рабы; если бы они
размножились, то могли бы сдѣлать-
ся опасными, и для того мы убавля-
емъ ихъ тайными убивствами. Это
забава нашихъ молодыхъ людей; они

гоняпся за ними вооруженные, поч-
но какъ охотники за звѣрями, завле-
кающъ ихъ всякими хитроспями въ
такія мѣста, гдѣ можно удобнѣе на
нихъ напасть и тамъ умерщвля-
ющъ. Въ скоромъ времени вы увидите
страшное произшествіе. Республика
примѣля, что число Илошвъ очень
увеличилось, занимается средствами,
какъ бы ихъ уменьшить.» И дѣй-
ствительно, восемь дней спустя,
Эфоры велѣли обнародовать, что они
намѣрены дать свободу двумъ тыся-
чамъ Илошвъ, и приглашающъ ихъ
всѣхъ прийти къ храму боговъ Пе-
нашвъ. Несчастные прибѣжали туда
толпою. Выбрали изъ нихъ двѣ ты-
сячи самыхъ крѣпкихъ и смѣлыхъ,
и увѣнчали ихъ фесфонами какъ оп-
ущенниковъ. Радость сіяла на ихъ
лицахъ; повели ихъ въ храмы, какъ
будто для принесенія богамъ благо-
даренія за услуги, которыя сіи Илошвы
оказали Республикѣ. Они неперпѣли-
во ожидали обряда увольненія, какъ
вдругъ, по данному знаку, многочис-
ленная толпа. Спаршавъ налѣтъ на
нихъ съ кинжалами и всѣхъ ихъ без-
жалостно перекололи. Вопль сихъ не-
счастливыхъ разносилъ далече страхъ
и ужасъ. Фаноръ и я не могли выдер-

жапѣ сего зрѣлища; вся внутренняя
 въ насъ пришла въ прясеніе; мы убѣ-
 жали.—«О изверги! о изверги! вопіялъ
 Фанорѣ. Мой другѣ! оставимъ скорѣе
 эту проклятую землю, гдѣ законы, гор-
 доспѣ и предразсудки перемѣняющѣ
 истиннѣ чловѣка и дѣлающѣ его
 злѣе пшгра и панѣира!—Я зналъ, ошвѣ-
 чалъ я, что корыспѣ и спраспи оже-
 спочающѣ чловѣка и унодобляющѣ
 его звѣрю; но люпоспѣ этого мало-
 численнаго народа, кошорый смѣетѣ
 называпъся просвѣщеннымъ, будетѣ
 удивленіемъ позднѣйшаго пошомспва;
 и если въ шеченіе вѣковъ найдутся
 шакіе философы, кошорые станутѣ
 хвалишъ ее, то единспвенно изъ удо-
 вольспвія порочишъ правишельспво
 своего ошечеспва и нравы сошремен-
 никовъ своихъ.—Побдемъ, оставимъ
 это жилище шигровъ. — А молодая
 Аспазія, кошорая своими спашпями не
 уступаетѣ самой Венерѣ?—Правда,
 что она миришъ меня съ Сиаршою;
 миѣ очень жаль ее покинушъ.—Опло-
 жимъ нашъ опѣздѣ до праздника
 Гіациншова.» Послѣ сего разговора
 пошли мы на общеспвенную площадь;
 шамъ большая часпѣ убійцѣ гуляли
 съ покойнымъ и веселымъ лицемъ.» И
 шакѣ, сказалъ я самъ въ себѣ, быва-

ещѣ всегда извѣ двухъ одно: или предразсудки испребляющѣ раскаянія, или раскаянія раждающіяся отъ предразсудковъ.

Вечеромъ того дня, въ которъ-й сіе ужасное убивство происходило, Демонаксъ послѣ ужина пригласилъ насъ иппи спадіи на двѣ за городъ смотрѣть ночной церемоніи, которая каждые девять лѣтъ бываетъ одинъ только разъ. Посреди проспранной открытой ограда мы увидѣли Эфоровъ; они всѣ пятеро сидѣли въ глубокомъ молчаніи; глаза ихъ устремлены были къ небу; множество зрителей въ такомъ же положеніи окружали ихъ. Сія нѣмая сцена была для меня непонятна, но я не смѣлъ спрашивать. Фаноръ, теряя терпѣніе, сказалъ мнѣ пихонько: «что дѣлающѣ эти звѣаки, поднявши носы къ верху? не ищущѣ ли они разсудка своего въ звѣздахъ?» Слишкомъ два часа прошли въ сей спральной неподвижности. Наконецъ вдругъ возсталъ великой ропотъ. Демонаксъ сказалъ намъ: «посмотрите; вотъ звѣзда перешакаетъ небо.» Тогда Эфоры вспали и пошли домой съ печальнымъ видомъ и пошупленными глазами. Когда мы пришли къ Демонаксу, то онъ вскри-

чалъ: «жаль мнѣ нашихъ Царей; они оба люди благонравные и честные!— А какое угрожаетъ имъ несчастіе?— Всякіе девять лѣтъ единожды Эфоры избираютъ такую ночь, когда небо совершенно чисто, а мѣсяцъ не свѣтитъ; и въ глубокомъ молчаніи, устремляя глаза свои къ небу, смотрятъ, не перешагаетъ ли его какая нибудь звѣзда. Когда сей феноменъ случается, то бѣда нашимъ Царямъ: заключающъ изъ того, что они противили боговъ. — Это доказательство, сказалъ Фаноръ, не такъ ясно, какъ день; а что въ такомъ случаѣ дѣлаютъ съ вашими Царями?— Оспрашиваютъ о должностяхъ и отдають подъ стражу, пока оракулъ Дельфской или Олимпійской оправдаетъ и возстановитъ ихъ въ прежнемъ званіи.»

Мы намѣрены были дождаться рѣшенія Оракула, и узнать учасъ Царей; но судьба или рокъ (*fatum*) ускорилъ нашъ отбѣздъ. Демонаксъ сказалъ намъ, что чрезъ три дни станутъ выдавать двѣнадцать двадцатилѣтнихъ дѣвицъ за тридцатилѣтнихъ жениховъ; законъ опредѣлялъ сей возрастъ для вступленія въ бракъ. Онъ прибавилъ, что

прекрасная Аспазія, копорой не давно минуло чепыре луспра, находящя въ числѣ невѣстѣ. «Какой щасливый смершный будетѣ ея обладашь, спросилѣ Фанорѣ?—Эшо еще не извѣстно; я бы очень желалѣ, чшобѣ она доспалась пріятелю моему Лизандеру, шому самому, копорый укралѣ у шебя куропашокѣ; они рождены другѣ для друга; сверхѣ того подозрѣваю, чшо и любящя.—Да развѣ будущѣ разбирашь невѣстѣ по жеребью? спросилѣ я.—Почши по жеребью: запрушѣ ихѣ въ шемную комнату и впусшяшѣ въ нее жениховѣ; кшо копорую схващшѣ, шотѣ нашой и женишя.» Сей обычай показался намѣ очень спраннымѣ; но, говоря правду, слѣпой случай можешѣ иногда приличнѣ расположитѣ супружесшвомѣ, нежели корыстшлюбіе.

Невѣсты прошли безѣ шляпѣ, въ цвѣшочныхѣ вѣнкахѣ, въ легкихѣ прозрачныхѣ покрывалахѣ, безмолвно и пошупя глаза. Потомѣ потянулись женихи одинѣ за другимѣ. Демонаксѣ обнялѣ Лизандера и пожелалѣ ему щасшья; а щасшье и благопріятшествовало его, какѣ не лѣзя болѣе: ему доспалась Аспазія. Надобно думашѣ, чшо они заранѣ спакнулись.

Какъ скоро женихи разобрали невѣстѣ, то ихъ женили; послѣ чего молодые мужья пошли одни гулять по площади. Это насъ удивило. — «Вашъ пріятель довольно хладнокровенъ, сказалъ Фаноръ Демонаксу; на его мѣстѣ я бы не шатался здѣсь, поджавъ руки.» Демонаксъ отвѣчалъ, что новобрачные обязаны показывать такое хладнокровіе и быть въ публикѣ какъ обыкновенно. — «Развѣ въ Спарѣ спыдялся супружества, и хвалялся только воровствомъ? — Нѣтъ, супружества не спыдялся; но чтобы сдѣлать брачныя удовольствія приманчивѣе и продолжительнѣе, Ликургъ далъ имъ таинственный видъ любви. Супругъ въ первые годы брака не можетъ пользоваться правами своими иначе, какъ украдкою. Когда смѣрнешся, то Лизандеръ уйдетъ тихонько, побѣжитъ къ любезной своей Аспазіи и опведетъ ее въ домъ, гдѣ Гименъ долженъ его увѣнчать.» Въ самомъ дѣлѣ какъ скоро ночь просперла свои шѣни, онъ пошчасъ скрылся. Въ Спарѣ улицъ не освѣщаютъ, и даже запрещено ходить съ огнемъ, для того, говорятъ, чтобы научишься ходить въ шемношѣ. Мы слѣдовали за нимъ все шрое.

Онѣ пошелъ въ домъ, гдѣ находилась молодая его жена, вывелъ ее за руку, и удалился съ нею такимъ скорымъ шагомъ, какъ человѣкъ, которъи боится погони. Мы не выпускали ихъ изъ виду. Они остановились у однихъ ворошъ, гдѣ ожидала ихъ какая-то спаруха. Лизандеръ вручилъ ей новобрачную и ушелъ. — «Онѣ будетъ ужинать за общественнымъ столомъ, сказалъ намъ Демонаксъ; потомъ посѣпимъ жену свою на весьма короткое время, потому что ночь должно ему препроводить въ комнатахъ своихъ поварищей. Между тѣмъ спаруха обрѣшетъ Аспазіи голову, одѣнетъ ее въ мужское платье, унесетъ огонь и оставитъ ее на соломенникѣ, гдѣ она станетъ ожидать своего супруга. Лизандеръ придетъ, будетъ ее искать, переложитъ на постелю, пославленную подлѣ, и таинство совершится безъ насъ; слѣдовательно мы можемъ теперь идти домой.» Дорогою потерялъ я Фанора; онѣ пришелъ къ намъ уже много времени спустя, и сказалъ, что заплутался и зашелъ въ Плашанистъ. Мы легли очень спокойно.

Лишь только начало свѣтать, Демонаксъ вбѣжалъ въ нашу комнату

какъ бѣшеной, съ пылающимъ лицомъ, съ яроспными взорами и объявилъ намъ, что весь городъ въ превеликой тревогѣ. «Что такое? спросилъ я его: конечно Юнона или Діана напустили на Спаршу кабана Каледонскаго, или Сфинкса Фивскаго? — Нѣтъ, не Діана, не Юнона, Фурии дали бытіе чудовищу, который насъ обезчестилъ!» И говоря такимъ образомъ, онъ ходилъ по комнатамъ большими шагами, топалъ, грозилъ рукою. Смотривъ нѣсколько минутъ на сію прагическую пантому, я попросилъ его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ разсказалъ намъ, что за спрашное приключеніе взволновало его и республику. «Какой-то обманщикъ, какой-то злодѣй, вскричалъ онъ, предупредилъ моего пріятеля у Аспазіи: этакъ извергъ похищилъ у него первые дары Гимена. Лизандеръ въ бѣшенствѣ; Цари, Эфоры, граждане, всѣ принимаютъ участіе въ его обидѣ. Преступника ищутъ со всею строгостью; бѣда ему, если его найдутъ: законъ наказываетъ насиліе смертию.» Окончивъ свое повѣствованіе, Демонасъ оставилъ насъ такъ неучтиво, какъ будто побранился съ нами, и побѣжалъ утѣшать своего

друга и помогаѣь ему доискиваѣься его врага. Какѣ скоро онѣ вышелѣ, Фаронѣ сказалѣ мнѣ: «другѣ мой! надобно опшюда убираѣься: каждая минуша дорога. — *Убиратѣься?* за чѣмѣ? какая побудительная причина? .. — Укладывайся скорѣе; я дорогою расскажу тебѣ все. — Да чшо такое? скажи хошя одно слово; на эшо не много надобно времени. Мнѣ право не хочешся бѣжаѣь сломя голову, какѣ будшо я похишилѣ златое руно, или Троянской Палладіумѣ. — Я поквишался сѣ Лизандеромѣ: Аспазія заплашила мнѣ за мои куропашки и зайчика такимѣ кусочкомѣ, копорый гораздо вкуснѣе. — Спанемѣ же скорѣе укладываѣься; шеперь уже я прошу, чшобѣ не мѣшкаѣь.» Мы собрались вѣ одинѣ мигѣ, и взвала всѣ свои пожипки на плеча, шли проворнѣе добраго коня; никогда еще не были мы споль легки на ногу. Никпо изѣ насѣ не говорилѣ ни слова, и шолько оглядывались, нѣшѣ ли погони. Вдругѣ слышимѣ лошадиный шопотѣ; ужасѣ насѣ обѣялѣ. Фанорѣ поблѣднѣвѣ и дрожа, вскричалѣ: «мы погибли!» Эшо было подлѣ самага Эвроша; я сохранилѣ еще сполько присущствія ума, чшо могѣ одумы-

вашь и располагашь; оспавалось намъ спряпашься въ камышъ, что мы и сдѣлали. Вода была выше пояса. Въ семъ прудномъ положеніи, дрожа отъ страха, окоченѣвъ отъ холода, не смѣя пошевелишься, мы похожи были на приговоренныхъ къ смерти. Лошади проскакали мимо; тогда мы ожили и вылезли изъ воды мокры какъ лягушки. Окупавшись епанчами, продолжали путь свой. Скорое шествіе насъ нѣсколько согрѣло, но силы наши начали ослабѣвать. Фаноръ, котораго сложеніе не такъ было крѣпко, какъ мое, насилу шащился. Наконецъ, шедъ восемь часовъ, доспали мы лошадей и доѣхали до Белмины, мѣстечка, лежащаго на границѣ Лаконіи съ Аркадіею.

Какъ скоро опасность миновалась, и мы вошли въ гостинницу, то Фаноръ ободрился и съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ: «признайся, что я сдѣлалъ масперскую шутку, и что эшотъ великорослый шалунъ, которъ укралъ у меня дичину, довольно наказанъ? Дѣвство жены его конечно стоило двухъ куропапокъ и одного зайчика. — Посшупокъ швой пренегодный, прескверный. — Посшупокъ мой дѣлаешъчесъ моему проворству;

я взялъ свое. Спаршанцы воруютъ, обманываютъ, умерщвляютъ; а мнѣ не смѣшь воспользоваться невинностью дѣвушки! Другъ мой, эша спѣсивая и звѣронравная нація доспойна всеобщей ненависти. Впрочемъ Лизандеръ долженъ еще сказать мнѣ спасибо: я очистишь прелестное дерево его отъ всѣхъ иглокъ, и оставилъ ему однѣ только розы. — Но какимъ образомъ удалось тебѣ исполнить такое смѣлое предпріятіе? — Ты помнишь, что Юпиперъ, для полученія прекрасной Леды принялъ образъ лебедя; я, не имѣя чести быть Юпиперомъ, превратился только въ ночную пѣицу. Когда Демонаксъ рассказывалъ намъ, какимъ образомъ новобрачная должна въ первый разъ принять своего мужа, представилась мнѣ тотчасъ возможность повеселиться на счетъ любезнаго друга моего Лизандера, и удовлетворишь однимъ разомъ и мщенію и любви моей къ Аспазіи. Вы пошли домой, а я сдѣлавъ нѣсколько шаговъ съ вами только для того, чтобы скрыть свое намѣреніе, повернулся назадъ и прислонился къ ворошамъ одного дому, подлѣ того, въ которомъ была Аспазія. Тутъ въ

темношѣ и глубокомѣ безмолвіи ожидалъ, пока спаруха выдешѣ. Напослѣдокъ она вышла и оспавила дверь недопворенною. Давъ ей поудалишѣся, я пошелъ къ красавицѣ. Какъ въ Спаршѣ всѣ дома почти одинаково расположенъ, то не трудно мнѣ было найши комнашу, въ кошорой шрепещущая жершва ожидала жреца. Я крался ощупью какъ воръ. «Ты ли это Лизандеръ? спросили меня такъ тихо, что едва можно было и услышашъ. Эшотѣ голосѣ насшавилъ меня на дорогу; я ошвѣчалъ очень коропко, подражая Лизандерову произношенію, и топчасѣ добрался до предѣла пушешествія своего. . . . Ахъ! мой другъ! какъ пересказать тебѣ то, что я чувшвовалъ! Самъ Юпитеръ конечно бы позавидовалъ моему щасшью. Аспазія, въ жару отъ любовныхъ восшорговъ, превзошла все мое ожиданіе, и доказала, что Спаршанскія дѣвушки созданы сполько же для брака, сколько и для гимназическихъ игръ, и что онѣ во всѣхъ шѣлесныхъ упражненіяхъ равно не подражаемы.

Однакожь, не смопря на мое восшценіе, не выходило у меня изъ пашпи, что надо мною, какъ надъ

Флегіємъ въ адѣ, висѣлъ камень. Я оппорвался опѣ уладительнаго ложа, опѣ прелесшей Аспазіиныхъ, разцѣ-
ловавъ ее всю. «Любезный мой Лизан-
деръ! милой супругъ! ты ужѣ бѣ-
жишь опѣ меня? — Ахъ! почшо я не
могу провести съ тобою цѣлой ночи!
но законъ, долгъ... пребуютъ опѣ
меня этой жертвы. Прощай!» Ска-
залъ, запечатавъ уста ея послѣднимъ
поцѣлуемъ, бросился опѣ нее какъ
спрѣла, и вошъ теперь очутился въ
Белминѣ очень доволенъ, что оп-
мстилъ господину Лизандеру и за-
плашилъ республикѣ за угощенье.
Кпо станеть говоришь, что я сдѣ-
лалъ дурно, тошъ пусть вспомнишь,
что Парисъ похищилъ Елену, и что
Пріямъ не только не опослалъ ее, но
еще призналъ сына своего опмсти-
телемъ за Троянъ. Я опмстилъ за
всю Грецію, а виноватъ менѣ Па-
риса, пошому что я не похитилъ
Аспазіи, но еще подарилъ республикѣ
маленькаго гражданина, который со
временемъ будетъ славою и подпо-
рою своего опечесшва.»

Чтобъ довершить каршину Спар-
шы, скажу еще, что многіе Спаршан-
цы не умѣютъ ни чишашъ, ни пи-
сашъ, а иные не знаютъ счеша. Сіа

нація не имѣетъ ни малаго понятія ни объ Астрономіи, ни о Математицѣ и презираетъ Рипорику. Нѣтъ ни одного театра; сей городъ не видалъ никогда безсмертныхъ твореній Софокла и Эврипида. Науки почитаются у нихъ вещью ненужною и даже вредною, какъ будто дикой человѣкъ лучше человѣка просвѣщеннаго, или какъ будто свѣтъ не созданъ для человѣческихъ глазъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что Спаршанцы не знаютъ скуки. — «И скопы не знаютъ ее, отвѣчалъ я ему.»

ГЛАВА XXVII.

Путешествіе въ Аргосъ. Подробности о Микенѣ. Разговоръ съ Хризиппомъ Стоикомъ. Бытность въ Дилосѣ. Исторія Латоны. Острова Скиросъ, Хио и Самосъ.

По двудневномъ отдохновеніи въ Белминѣ, отправились мы въ Аргосъ, и на пути своемъ посѣтили развалины Микены, испребленной Аргосцами. Тамъ показываютъ еще испочникъ Персеевъ, и пещеры, въ копнорыхъ, говорятъ, Ашрей и дѣвши его

прятали свои сокровища. Подлѣ на-
 ходящся гроницы Аспрея, Агамемно-
 на и Электры. Эгистѣ и Клишмен-
 спра погребены за городомъ. Юно-
 нинѣ храмъ (въ пятнадцати стаді-
 яхъ отъ Микены) достоинѣ любо-
 пышства. Сей храмъ построенъ у
 подошвы горы Эвбеи; внизу печенѣ
 рѣка Асперіонѣ, упадаеѣ въ про-
 пасѣ, и на поверхносѣ земли уже не
 выходивѣ. По берегамъ его расшенѣ
 шрава, называемая *ластеріонѣ*, ко-
 торую употребляютъ на вѣнки для
 Юноны и на украшеніе жершвенни-
 ковъ ея. Зданіе леживѣ на колоннахъ,
 на копорыхъ изображены историче-
 скія и баснословныя произшества;
 предъ ворошами шовивѣ множество
 спашуй героевъ и жрицъ Юнони-
 ныхъ: примѣшивѣ прочихъ спашуй
 Орешова. Въ предхрамїи видны Гра-
 цїи, Юнонино ложе и шивѣ, копо-
 рый Менелай опнялѣ подъ Троею у
 Эвфорба. Посреди храма возвышаеш-
 ся спашуй Юнонина, чрезвычайной
 величины, вся изъ золота и слоновой
 кости, работа Поликшета; на головѣ
 у нее вѣнцѣ, а надъ вѣнцомъ Часы
 и Грацїи; въ одной рукѣ держивѣ
 скишрѣ, а въ другой гранашу; на
 скишрѣ сидивѣ кокушка. Сказыва-

юшѣ, что Юпиперѣ, когда онѣ былѣ
влюбленѣ въ Юнону, принялѣ видѣ
сей ппицы, чшобы повеселишѣ моло-
дую богиню и доставившѣ ей забаву за
нимѣ гоняшѣся. Подлѣ Юноны спо-
ишѣ спашуя Гевы, шакже изѣ зопо-
ша и слоновой кости. Еще находил-
ся въ семѣ храмѣ прекрасный сереб-
ряный жершвенникѣ, на которомѣ
изображено выпуклою рѣзьбою бра-
косочетаніе съ Гебою.

Удовольшшовавѣ своелюбобышспи-
во, прибыли мы въ Аргосѣ, и услыша-
ли, чшо Хризипшѣ, философѣ изѣ
Поршика, находилсѣ въ семѣ городѣ
и жестоко мучилсѣ подагрою. Намѣ
очень хошѣлось посмошрѣшѣ, какѣ
Споикѣ сносишѣ боль. Мы нашли
его на самой бѣдной и дурной постелѣ.
Предѣ нимѣ споялѣ сполѣ, на
которомѣ находился сосудѣ съ во-
дою, и полспая шепрадѣ, начатое
сочиненіе. Когда мы спали изѣяв-
ляшѣ ему свое обѣ немѣ сожалѣніе,
шо онѣ сказалѣ: «я въ шомѣ положе-
ніи, въ какое угодно было Прови-
дѣнію меня поставилѣ: жаловашѣся
было бы прешупленіе. Чешпный че-
ловѣкѣ во всѣхѣ случаяхѣ жизни
всегда щаспливѣ.» И въ самое шо
время спраданіе видно было на лицѣ

его; но онъ принуждалъ себя казаться нечувствительнымъ. Мы замолчали, чѣмъ данъ пароксизму поутишиться. «Нѣтъ, проклятая подагра, нѣтъ, ты никогда не заславишь меня сказать, что боль есть зло!—Однакожь, по крайней мѣрѣ вы согласись, что боль не составляетъ и благополучія.—Благополучіе составляетъ одна только добродѣтель: при добродѣтели оно сопутствуетъ намъ и во мракѣ темницы, не покидаетъ насъ ни среди спраданій, ни подъ рубищемъ нищеты.—По этому, ошѣчалъ Фаноръ, вы благополучный человѣкъ. — Впрочемъ нельзя избѣгнутьъ судьбы своей: нашъ міръ управляемъ рокомъ.—Слѣдовательно Парисъ не виноватъ, что похищилъ Елену, а Егисъ, что убилъ Агамемнона. По вашей системѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни свободной воли.—Извините, человѣкъ свободенъ. — Какъ же вы соглашаете свободную волю съ фашизмомъ?—Какъ умѣемъ. Знаете ли вы, что такое солнце? — Нѣтъ. — А однакожь вѣрите, что оно есть; также точно и Сшоики вѣрятъ, что есть судьба, и что воля человѣческая свободна; а какъ это ладится вмѣстѣ, они сами

не знають.» Я спросилъ его, правда ли, что онъ одобряетъ браки, называемые кровосмѣсительными? — Правда. Не напура пропившись шавимъ бракамъ, но предразсудокъ и принятое мнѣніе. Вопіяли на меня также и за то, что я совѣщивалъ лучше упошреблять человѣческіе пруты въ пищу, нежели погребать ихъ; но развѣ быкъ, баранъ, дичина не такіе же пруты? а вы ихъ ѣдите....» Тогда, перервавъ рѣчь свою, онъ закричалъ: «нѣтъ, подагра, нѣтъ: ты не сдѣлаешь меня несчастливымъ!—Вашему благополучію, сказалъ я, не будетъ зависпниковъ. Эпикуръ думалъ иначе: онъ ушверждалъ, что благополучіе состоитъ въ наслажденіи.—Да, въ наслажденіи, но въ наслажденіи души. Испинный Споикъ полагаетъ благополучіе свое и награду въ спокойствіи совѣсти: онъ не желаетъ ни похвалъ, ни почестей; жизнь простая, бѣдная, копторая не привлекала бы вниманія, ему пріятнѣе блеска и знапности; онъ любитъ равно всѣхъ людей, даже враговъ своихъ; спраси не имѣютъ никакой надъ нимъ власпи, ничто его не прогаетъ. Прошлаго года лишился я брапа, копорый любилъ

меня чрезвычайно; онъ умеръ ночью, а по утру я пошелъ въ Вакховъ театръ. Но позволите мнѣ сократить эшотъ разговоръ; я долженъ кончить одно весьма нужное сочиненіе.» Когда мы отъ него пошли, Фаноръ спросилъ меня, что я объ немъ думаю.—Одинъ Софистъ, отъвѣчалъ я, сказалъ очень справедливо, что Стоики похожи на дѣшей, которые спараются перепрыгнувъ собственную свою пѣнь.»

Въ Аргосѣ достойнѣе всего любопытства спашуя Телезиллы, женщины славной по ея великимъ дарованіямъ и храброспи. Она стоишъ у входа въ Венеринъ храмъ, и прислонена къ колоннѣ; въ рукѣ держишъ шлемъ и, кажешся, хочешъ возложитъ его на себя; у ногъ ея лежишъ книга, наполненная стихами. Намъ рассказывали слѣдующій мужественный поступокъ сей героини:

Спаршане разбили совершенно Аргосцевъ. Послѣ побѣды, Спаршанской вождь Клеоменъ пошчасъ облегло Аргосъ, пошерявшій своихъ воиновъ. Телезила вознамѣрилась защищать городъ; она выслала невольниковъ и всѣхъ слѣдающихъ припасы бесполезно, раздала оружіе женщинамъ и

приняла надъ ними начальство. Возбуждены примѣромъ своей предводительницы, Аргосскія Амазонки выдержали приступъ съ чрезвычайною храбростію. Лакедемоняне разсудя, что побѣда будетъ ненавистная, а разбитіе покровѣхъ вѣчнымъ стыдомъ, прекрашили сраженіе и сняли осаду. Въ награжденіе симъ героическимъ позволили имъ воздвигнуть спашую богу Марсу, и учрежденъ годовый праздникъ, на которомъ женщины присушествуютъ въ мужской одеждѣ, а мужчины въ женской.»

Среди площади находилъсь большое зданіе изъ бѣлаго мрамора: профей, воздвигнутый въ честь Пирру на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ его костеръ. Но прахъ его покоился въ храмѣ Цереры, близъ мѣста, гдѣ онъ убитъ. Мы вошли въ крѣпость посмопрѣвъ Аполлонова храма: спашуя сего бога мѣдная; она сползла на ногахъ. Тамъ изрекаютъ оракулы; жрица должна быть дѣвственница. Она всякой мѣсяцъ въ ночное время жертвуетъ овцу, и напивается крови ея; послѣ чего пророчесвенный духъ тотчасъ въ нее вселяется. Въ Аргосъ пребыли мы не долго, и спустились по рѣкѣ Инаху

до Наваплии. Сей городъ ничего не значилъ, но гавань его очень удобна. Мы вошли въ Цереринъ храмъ во время жерпвоприношенія. Какъ сія богиня управляетъ всѣмъ полевымъ хозяйствомъ, то и подносили ей: плоды, медъ, шерсть, змѣй, супоросыхъ свиней, а особливо макъ, по причинѣ плодовиности сѣмянъ его; не подносили ей только вина. Она представлена на колесницѣ, которую влекутъ два крылатые дракона; въ одной рукѣ у нее макъ, въ другой горящій факелъ; на головѣ вѣнокъ изъ колосовъ. Мы видѣли источникъ Кнаѳосъ, въ которомъ, говорятъ, Юнона ежегодно купается, и пѣмъ возвращаетъ себѣ дѣвство. Фаноръ общался открытъ свойство сей чудотворной воды всѣмъ знакомымъ ему дѣвушкамъ. Одинъ изъ жителей указалъ намъ подлѣ сего источника осла, выдѣланнаго изъ камня. «Мы ему обязаны, сказалъ онъ, за плодородіе нашихъ виноградныхъ лозъ. Онъ обвѣлъ одну изъ нихъ; и примѣтили, что въ слѣдующій годъ эта лоза принесла гораздо болѣе; съ тѣхъ поръ обрѣзываютъ лозы ежегодно, чего прежде не дѣлали.»

На другой день мы оправились

въ Делосѣ. Сей неплодоносный оспровѣ славенѣ только тѣмѣ, что въ немѣ родились Діана и Аполлонѣ. Жители увѣряли насѣ, что во время одного землетрясенія онѣ вышелѣ вдругѣ изѣ моря.

Мы тамѣ нашли великое спеченіе народа: праздновали Діанѣ и Аполлону. Всѣ сосѣдніе острова обязаны отправлять на сіе торжествѣ мужчинѣ и молодыхѣ дѣвицѣ. Жершвоприношенія оканчивающія тѣніемѣ и пляскою.

Вѣ бытность нашу въ Аполлоновѣ храмѣ вошла въ него одна молодая дѣвушка среди двухѣ жрецовѣ и въ провожаніи многихѣ женщинѣ. Не было на ней никакого украшенія, кромѣ покрывала. Когда она подступила мѣ жершвеннику, одинѣ изѣ жрецовѣ открылѣ ея лице; другой взялѣ ножницы и обрѣзалѣ ея прекрасные волосы. «Какѣ жаль, что опнимающѣ у весны лучшее украшеніе! сказалѣ Фанорѣ.» Мы спросили о причинѣ сего обряда. Сказали намѣ, что эта молодая дѣвушка идеѣ за мужѣ, и что она по законамѣ той земли должна была въ день ея бракосочетанія посвящать волосы свои Діанѣ и Аполлону.

Въ одномъ отдѣленіи храма большая, прекрасная картина привлекла наше вниманіе. Въ то самое время, какъ мы ее разсматривали, подошелъ къ намъ жрецъ. «Скажите, что это за картина? спросилъ я его.» — Вы видите приключеніе съ Лапоною, машерью Діаны и Аполлона, въ бытность ея въ Ликіи. Богиня представлена похудѣлою, спраждущею; на рукахъ у нее два младенецъ; она спитъ предъ озеромъ, наполненнымъ лягушками. Вотъ ея исторія:

«Лапона бѣгала отъ Юнонинатива. Въ полдень, когда солнце палило землю, усталъ, обезсилѣвъ, томясь жаждою, не имѣя ни капли молока въ грудяхъ своихъ, она пришла къ этому озеру. Тутъ грубые, полудикіе мужики рѣзали ивовыя вѣшочки для корзинокъ. Лапона проситъ ихъ, чтобы они позволили ей напиться воды. Варвары отшюкнули ее сурово отъ берега. Богиня сказала имъ шогашельнымъ голосомъ: «какъ вы можете быть столько безчеловѣчны и несправедливы, что отпказываете мнѣ въ маленькомъ количествѣ воды, которая, равно какъ воздухъ и солнце, принадлежитъ всѣмъ людямъ; однакожь я прошу ее у васъ какъ

милоспи. Не купашься хочу въ ва-
шемъ озерѣ, хочу шолько прохла-
дилъ изсохшую горпань мою; уми-
раю опѣ жажды, насилу говорю; спа-
сите меня опѣ смерти; сжалъсь
по крайней мѣрѣ надъ несчастными
дѣшми моими, копорые проспира-
ющъ къ вамъ свои руки!» Какое же-
лѣзное сердце не пронули бы шакія
слова? не пронули однакожь эшихъ
изверговъ! Къ жестокости прибави-
ли они еще ругашельства, и сказали
богинѣ, чѣобъ она шла прочь, или
будешъ наказана. Не удовольствуюсь
шѣмъ, они нарочно взмушили воду.
Гнѣвъ остановилъ чувствованіе жа-
жды; богиня подняла руки свои къ
небу: «несчастные! вскричала она,
живишежь вѣчно въ эшомъ мушномъ
болошѣ!» Едва она успѣла выгово-
ришь, какъ мужики преврапились въ
лягушекъ. Вы видите ихъ въ эшомъ
гнусномъ образѣ; они и въ водѣ, ка-
жешся, хошяшъ еще хриплымъ сво-
имъ голосомъ ругашься богинѣ.»

Водили насъ къ гробницѣ Фереки-
да, воздвигнушой Пиеагоромъ въ пе-
щерѣ, предъ копорою обросшія гу-
стымъ плющемъ деревья соспавля-
ющъ зеленую кровлю. Ферекидъ уш-
верждалъ первый, что скопы ничѣ

иное, какъ машины. Какое безуміе! машины, которыя помнятъ, чувствуютъ привязанность, соображаютъ идеи! Что человѣкъ имѣетъ сверхъ сего? Помнитъ долбе; идеи его чище, многосложнѣе. Но дерево, питающее насъ оливками, и то, котораго благоуханные цвѣты перемѣняются въ золотыя яблоки, имѣютъ ли расшипелную душу превосходнѣе, нежели низменный кусточикъ? Существо лисицы развѣ чище, божественнѣе существа овцы?

Нашъ Проксенъ разсказалъ намъ странную смерть сего философа. Онъ былъ характера мрачнаго и угрюмаго; провелъ всю свою жизнь въ удаленіи отъ людей, въ размышленіяхъ, и умеръ какъ жилъ. Почувствовавъ приближеніе конца своего, онъ заперся въ своей комнаѣ. Друзья его пошчасъ прибѣжали посвящать ему свои попеченія; но не могли уговорить его, чѣмъ онъ опворилъ имъ двери. Онъ отблагодарилъ ихъ сквозь скважины замка; увѣрялъ, что не имѣетъ нужды ни въ какой помощи, и просилъ, чѣмъ они въ слѣдующій день пришли на его похороны. И дѣйствительно онъ на другой день умеръ.

Возвращаясь отъ гробницы Ферекидовой, встрѣпились мы съ посланнымъ, копорый шелъ сказать, что наше судно, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, хочетъ поднять парусы. Я оглянулся, Фанора нѣтъ; надобно было его искать. Бѣжавъ довольно времени, нашелъ я его на лужайкѣ въ хороводѣ молодыхъ дѣвушекъ; онъ плясалъ съ ними *дедалъ*. Сія пляска получила названіе отъ славнаго художника Дедала, копорый выдумалъ ее для прекрасной Аріадны въ память Крипскаго Лавиринѳа. Тезей ввелъ ее въ Дилосъ, а опшуда она распространилась по всей Греціи. Мальчикъ и дѣвушка, держась за ленту, водятъ хороводъ; всѣ прочія идутъ за ними попарно; часто раздѣляются на долгіе ряды, держась за руки; пляшутъ соспавя кругъ, и дѣлаютъ множество заворотовъ. Искусство первой танцовщицы состоитъ въ томъ, чтобы выпутаться изъ рядовъ, перекидывая ленту. Это изображаетъ клубъ нитокъ, копорый спасъ Тезея.

Сколько я ни дѣлалъ Фанору знаковъ, что судно опправляется, онъ не хотѣлъ понимать; по счастью

пляска скоро кончилась; но я долженъ былъ еще дожидаться, пока онъ проспится съ своею парой, молодую, прекрасною дѣвушкою, родомъ изъ Наксоса.

Мы поплыли къ Скиросу. Въпрѣ примчалъ насъ къ Наксосу, гдѣ несчастная Аріадна проливала слезы. Мы видѣли Паросъ, Кій, гдѣ шестидесятилѣтніе мужчины, почитая за стыдъ лишиться всѣхъ чувствъ прежде смерти, и бывъ безполезнымъ бременемъ своему опечесству, убиваются; какъ будто не лзя служишь опечесству иначе, какъ только руками. Мы прошли мимо Теноса и приспавали въ Андроской гавани. Тамъ одинъ изъ жителей весьма уговаривалъ насъ, чѣмъ мы у нихъ нѣсколько времени пробыли. «Дождитесь, говорилъ онъ, Вакхова праздника, который будетъ чрезъ двѣ недѣли; вы увидите чудо: еспѣ у насъ ключъ, въ которомъ вода въ это время перемѣняется на цѣлую недѣлю въ вино.» Намъ не разсудилось оспаться; а Фаноръ сказалъ учтивому Андросцу, чѣмъ онъ пріѣдетъ посмотрѣть священнаго ихъ источника, когда жрецы начнутъ употреблять вино не иначе, какъ съ водою.

Безчисленное множесство остро-
вовъ, копорыми сіе море, какъ небо
звѣздами, украшено, соспавляєтъ
прекрасную каршину. Мы наслаж-
дались перемѣнными видами, почно
какъ на швердой землѣ наслаждаеш-
ся пушешесшвенникъ: находили рав-
нины, горы, лѣса, города и деревни.
На прешій день плаванія, при пи-
хомъ попушномъ вѣшперкѣ, приспали
мы предъ захожденіемъ солнца къ
Скиросу. На семъ островѣ одинъ
шолько городъ и нѣсколько деревень.
Жители повели насъ потчасъ къ
Тезеевой гробницѣ. Тамъ - то сей
бранный Государь нашелъ послѣдній
свой конецъ. Онъ похипилъ знамени-
шую Елену, когда ей было шолько
десять лѣшъ. Раздраженные Аѣиня-
не лишили его преспола и выгнали
изъ Аѣинъ. Онъ удалился къ Лико-
меду, Скиросскому Царю, копорый
обольспя его коварнымъ гощепрі-
имспвомъ, и замая на одну кру-
шую каменную гору, велѣлъ съ нес-
шолкнушь. Такъ погибъ побѣдишелъ
Минопавра. Памятникъ его озна-
менованъ проспошою героическихъ
временъ.

Скиросъ напомнилъ намъ первую
любовь Ахилла, когда онъ въ жен-

ской одеждѣ обольщалъ легковѣрную и чувствительную Дейдамію.

Мы пробыли въ Скиросѣ одинъ только день и отправились къ острову Хіо. Сей островъ усыпанъ горами, но весьма населенъ и обилуетъ хорошимъ виномъ и прекраснымъ мраморомъ. Жители происходятъ отъ Непшуна. Сей богъ влюбился самъ въ одну Нимфу, которая родила ему сына. Въ день родовъ ея выпало множество снѣга, отъ чего и островъ получилъ свое названіе (*). Непшунъ имѣлъ еще двухъ сыновъ отъ другой Нимфы, и сіи дѣти были первые жители въ Хіо.

На семъ также островѣ родился Скилъ, искуснѣйшій водолазъ, какого никогда еще не бывало. Онъ обучилъ дочь свою Кіану опускайся, по его примѣру, въ глубочайшее дно моря. Сказываютъ, что когда Ксерксовъ флотъ во время жестокой бури стоялъ на якорѣ близъ горы Пеліоны, Скилъ и дочь его опустили въ море и подняли якоря, отъ чего Персидскія галеры всѣ разбились о берега. Амфикиіоны, чтобъ увѣковѣчить память такой знаменитой услуги,

(*) Хіо на Греческомъ языкѣ значить снѣгъ.

поставили въ Дельфскомъ храмѣ опцу и дочери спашуи.

Первые лучи дня едва еще румянили воспокъ, а уже нашъ корабль плылъ далеко отъ сей гавани. Мы поклонились издали Самосу, любимому оспрову Юноны. Одинъ изъ нашихъ морскихъ служишелей, шамошній уроженецъ, увѣрялъ насъ, что Юнона родилась въ Самосѣ, на берегахъ рѣки Имбрасы, подъ кустомъ *агнуцъ-кастусъ* (*). «Этотъ кустъ, говорилъ онъ, видѣнъ еще и нынѣ въ оградѣ храма, построеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ богиня родилась. Послѣ сей храмъ всегда пользовался правомъ ненарушимаго убѣжища. Юнона предсшавлена въ брачной одеждѣ, пошому что Самосъ былъ щасливымъ свидѣтелемъ брака ея съ Юпиперомъ; а какъ павлины очень любящъ водиться на нашемъ оспровѣ, то и поставлены у ногъ ея два павлина.»

Отъ Самоса въпры и Непшунъ примчали насъ въ короткое время въ Ефесъ.

(*) Растѣніе, называемое *агнецъ непорочный*.

ГЛАВА XXVIII.

*Прибытіе въ Ефесъ. Діанинъ храмъ.
Проказы Гераклитовы.*

Намъ чрезвычайно хотѣлось посѣ-
щить Діанинъ храмъ, одно изъ чу-
десъ свѣта. Я видѣлъ его въ первой
моей молодости, но тогда еще не
могъ чувствовать всѣхъ тонкостей
и красотъ искусства. Вкусъ прихо-
дитъ съ лѣтами и ученіемъ. Мы во-
шли въ гавань подъ вечеръ. Ефесъ
лежитъ между двумя рѣками Каисп-
ромъ и Меандромъ; онъ въ числѣ двѣ-
надцати большихъ городовъ Іоніи.
На другой день мы вспали на раз-
свѣтъ, но Фаноръ задержалъ меня
очень долго своимъ шуалетомъ. У
него было письмо къ ученому Ирмо-
досу, весьма извѣстному въ свѣтъ
философу. Пришедъ къ нему, мы на-
шли всѣхъ его домашнихъ въ сле-
захъ: Ирмодосъ, опредѣленіемъ пра-
вительсва, изгнанъ изъ его опече-
сва, и лишь только уѣхалъ. Мы
спросили, какое сдѣлалъ онъ пре-
супленіе.—То, что имѣетъ оплич-
ныя достоинства.» Жители Эфеса
не хотѣли терпѣть въ своемъ го-
родѣ такого гражданина, которъ

сдѣлается выше другихъ. И что всего страннѣе, тогда же народъ издалъ законъ, по которому всякой гражданинъ обязанъ праздновать память какого нибудь великаго философа.

Пожалѣвъ, что не заспали Ирмодоса, мы пошли въ Діанинъ храмъ. Изъ всѣхъ храмовъ Малой Азіи опустошительная Ксерксова рука пощадила только этотъ одинъ. Онъ построенъ между городомъ и гаванью. Длина его семьдесятъ одна сажень, а ширина болѣе тридцати шести. Мы начали сто двадцать семь колоннъ мраморныхъ, высокою по шестидесяти футовъ: даръ ста тридцати семи Царей. Вся Азія участвовала въ сооруженіи сего зданія. Архитектура Ионическаго ордена. Спашуя богини сдѣлана изъ мрамора столь блистательнаго, что опасно смотрѣть на нее пристально, о чемъ нарочно опредѣленный человѣкъ обязанъ предупреждать любопытныхъ посѣщителей. На головѣ у нее башня; а шло, окончанное на подобіе воронки, украшено изображеніями живописныхъ и другихъ символовъ. Мы провели часть дня въ семъ великолѣпномъ зданіи. На другой день спросили мы Зеа, хозяина своего, можно ли

видѣвъ славнаго Гераклиша.— Очень прудно. Мы прозвали его *философомъ мрачнымъ и слезливымъ*. И дѣйствительно онъ безпрестанно плачешъ обѣ насъ и обѣ нашихъ шало-стяхъ. Онъ шакъ возненавидѣлъ людей, что удалился на гору Піону, и шамъ, вмѣстѣ съ дикими звѣрями, питаешся травою.» Это еще болѣе подспрекнуло наше любопытство, и Зеѣвъ повелъ насъ къ его берлогу. Пещера, проспирающаяся подѣ обширною скалою, съ дурною деревянною дверью у входа, сосшавляла его жилище. Какъ дверь была расшворена, то мы вошли, и не заставъ хозяина, пересмотрѣли все его богатство, которое сосшояло въ вѣшномъ столѣ, въ обломанномъ блюдѣ съ кореньями, въ глиняномъ горшкѣ съ водою и въ двухъ доскахъ, покрытыхъ бараньи-ми кожами, на которыхъ онъ спалъ. Вышедъ изъ сего вертепа, искали мы печальнаго хозяина, и напоследокъ увидѣли его: онъ сидѣлъ на камнѣ мраченъ и задумчивъ; на глазахъ у него были слезы. Какъ скоро онъ насъ увидѣлъ, то вспалъ и побѣжалъ. Зеѣвъ сказалъ Фанору, чтообъ онъ бѣжалъ за нимъ и спросилъ его, *кто есть человекъ?* При семъ вопросѣ Гераклишъ

остановился и, оборотясь къ намъ, закричалъ: «человѣкъ самая бѣдная шварь: его знаніе не иное что, какъ невѣжество; его величіе подлость; его сила дряхлость; его удовольствіе скорбь.» Сказалъ и удалился скорыми шагами. Два дни спустя пронесся слухъ, что онъ пришелъ въ городъ совѣщавшись съ врачами, по тому что его образъ жизни произвелъ у него водяную болѣзнь. Мы пошчасъ побѣждали смогрѣшь, и видѣли, какъ онъ вошелъ къ врачу. Первое слово его было: «можешь ли ты сдѣлать дождливый день яснымъ?» Послѣ отбѣзда нашего мы слышали, что онъ зарылся въ навозъ, думая, что сія занятая теплоша будетъ ему спасительна; но болѣзнь день ото дня спанивалась пѣжелѣе; онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду: жизнь слишкомъ долгая для такого человѣка!

Мы видѣли славнаго Паррасія. Лучшая его картина есть аллегорическое изображеніе Аѣинскаго народа. Сей художникъ выразилъ вмѣстѣ и добродѣтели и пороки Аѣинянъ. Когда мы къ нему вошли, на немъ былъ вѣнецъ, въ рукѣ держалъ онъ богатую проросль; заспешки башмаковъ его были золошья, риза багряная, обувь

великолѣпная: онѣ называлѣ себя царемѣ живописи. Мы скоро опѣ него ушли, досадуя на такую гордосѣ, копорая помрачала рѣдкіе его таланпы.

Мы воспользовались первымѣ случаемѣ оставивѣ Ефесѣ и опсправились вѣ Милесѣ.

ГЛАВА XXIX.

Описаніе Милета. Фанорѣ влюбляется. Побѣдѣ его сѣ Антеноромѣ. Превываніе ихѣ у Филиста.

Сей городѣ возвышается близѣ устьевѣ Меандра ; называющѣ его чадомѣ неба и земли. Веселые, излучиспые берега рѣки и роскошныенравы жипелей дѣлающѣ его доспойнымѣ любопытспва и вниманія иноспранцевѣ. Молва ничего обѣ немѣ не увеличила: Милесяне дѣйспвительно очень любезны; они, можесѣ бысѣ, еще учспивѣе, спонѣ вѣ обхожденіи, пріяснѣ вѣ общесѣвѣ, нежели Аѣиняне. Но упрекающѣ ихѣ справедливо вѣ чрезвычайной свободѣ нравовѣ, копорая бываесѣ иногда похожа на распусспво. Вирочесѣ,

въ эпомѣ блаженномѣ жилищѣ все
восхищаетъ чувства: чистота воз-
духа, красота женщинѣ, вкусъ и ще-
гольство, непрерывные праздники,
музыка, пляски, игры: словомѣ ска-
зашъ, все внушаетъ сладострастіе,
все вливаетъ въ душу сладкую нѣгу.
Фанору пріятно было вспоминать,
что тамъ родилась Теофанія.

Близъ Милеша посѣпили мы род-
никѣ, названный именемѣ несчастной
Библисы. Онѣ течетъ въ долину
подъ старымъ дубомъ, коего густыя
вѣтви покрываютъ великую окруж-
ность. Нашъ путешественникъ расска-
залъ намъ исторію Библисы. Отецъ
ея былъ Милетъ, сынъ Аполлоновъ,
а предокъ рѣки Меандрѣ. Она пылала
тайною страстью къ брату своему
Кавну. Обманута названіемъ друж-
бы, не зная еще мучительнаго вла-
дычества любви, распочала ему по-
цѣлуи, осыпала его нѣжными ласка-
ми. Пагубная ошибка, которая влек-
ла ее въ пропасть! На послѣдокъ одно
сновидѣніе, упоивъ чувства ея но-
выми, непозволенными сладостями,
открыло ей, что она влюблена, и
что есть утѣхи для счастливыхъ
любowników. Впечатлѣніе удоволь-
ствія еще свѣжее разправило ея

желанія и пламень. Хочетъ писатьъ къ своему брату, спалишь его огнемъ, которымъ сама пылаешь; хватаешься за спилешь, за дощечки; рука дрожишь; она не смѣетъ рѣшиться, осуждаешь свою спрась, начерпываешь нѣсколько словъ, оспанавливаешься: желаешь, боишься; наконецъ спрась беретъ верхъ, и тайна сердца ея изливается на дощечки. Она оправдываетъ себя примѣромъ боговъ: Сатурнъ и старый Океанъ женились на сеспрахъ своихъ Кивилъ и Фетидъ; Юнона, сеспра владыки Олимпійскаго, есть супруга брата своего. Кавнъ отбросилъ съ ужасомъ сіе ужасное письмо. Покрытая спыдомъ, вѣ себя отъ любви, Библиса убѣгаетъ изъ родительскаго дому, оставляетъ своихъ Ларовъ (*). Разпрепана, въ изступленіи, какъ Фіада, она обшекаетъ лѣса, доли и горы. Наконецъ вышедъ изъ силъ, едва влачась, упадаетъ отъ усталости на земь самомъ мѣстѣ. Нимфы Меандрскія хотѣли ее утѣшить, облегчить скорбь ея; но она лежала безгласна, недвижима; опчаяніе оледѣнило ея чувства;

(*) Домашніе боги.

обильныя слезы были едиными признаками жизни. Мало по малу шло ея окрѣпло и превратилось въ камень. Библиса не иное что, какъ родникъ, изъ котораго безпрестанно текутъ слезы сей несчастной.

Мы прѣхали въ Милетъ предъ самымъ праздникомъ Кивиллы, имѣли удовольствіе видѣть, какъ возили ея спаную на колесницѣ. Процессія отправлялась при звукѣ кимваловъ; жрецы коверкались до безобразія, представляли разныя неблагопристойности, выли, щипали, шерзали себя, чѣмъ добыть милосердію. Сборъ дѣлали они во имя матери боговъ, и носили на груди маленькія изображенія. Въ слѣдующій день они вышли изъ города въ песпрой, смѣшной и гнусной одеждѣ, въ повязкѣ весьма похожей на митру, въ желтыхъ башмакахъ, и опоясаны около шѣла; лица ихъ вымараны были дрожжами, раскрашены, руки наги до плечъ. Они вооружены были большими ножами и шопорами; прыгали и плясали при звукѣ кимваловъ, при барабанномъ боѣ и при игрانی Фригійской музыки. Великая богиня шествовала подъ шелковымъ покрываломъ на ослѣ.

Любопытство заставило насъ
 итти за ними. Они пришли въ заго-
 родный домъ одного очень набожнаго
 человѣка, по имени Филемона. Хо-
 зяинъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣ-
 чу. Они вошли въ домъ его какъ Вак-
 ханшы, или какъ бѣшеные, прясучи
 головою, которую наклоняли то на
 право, то на лѣво, и всячески воро-
 чая шею; кусали себѣ руки и рѣза-
 ли шло ножомъ о двухъ оспріяхъ.
 Одинъ изъ нихъ въ намѣреніи увѣ-
 ришь, что божественный духъ въ
 него вселился, выпускалъ продолжи-
 тельные вздохи; попомъ признав-
 шись, что онъ виновенъ во многихъ
 прегрѣшеніяхъ, началъ бичевашься,
 и дралъ на себѣ кожу съ звѣрскою
 твердостью. Кровь текла изъ него
 и другихъ жрецовъ ручьями. Послѣ
 сего варварскаго обряда, они под-
 ставили свои ризы для принятія
 милосыни. Давали имъ деньги, ви-
 но, молоко, сыръ и другіе сѣбѣшныя
 припасы, которые они унесли въ
 мѣшкахъ. Такимъ образомъ продол-
 жали ходишь и по другимъ загород-
 нымъ домамъ. Но мы, гнушаясь та-
 кихъ мерзостей, оставили ихъ, и
 пошли смотрѣть Аполлоновъ храмъ,
 одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Греціи.

Намѣ указали маленькую хижину, въ которой родилась славная Аспазія: какой предметъ для размышленія! «Здѣсь-то, говорилъ я самъ въ себѣ, подѣ этою бѣдною кровлею, увидѣла свѣтъ та, которая должна была вступишь въ супружество съ Перикломъ, управляшь Аѳинами, наставляшь Сократа, возжигашъ въ Греціи брани; та, которой красота, разумъ, дарованія и краснорѣчіе должны были промчашъ славу имени ея до опшдаленнѣйшихъ спранъ Азіи! Такъ ссѣвшаяся въ кристаллѣ капля воды дѣлается алмазомъ и блискается на челѣ Монарховъ и красавицъ.

Фаноръ не замедлилъ возчувствовать вліянія Милетскаго климата и нравовъ. Онъ приспраспился къ Оринѣ (*), женщинѣ столь обольстительной красоты, что однажды

(*) Это не та славная Орина, которая долгое время спустя, предложила выстроить вновь городъ Фивы на свое иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы ей позволили сдѣлать такую надпись: *Александръ истребилъ Фивы, а Орина возбавила.*

бывъ приведена предъ судьей оправдавшись въ пренебреженіи святыни, она раскрыла грудь свою, и шѣмъ испросила себѣ прощеніе.

Фаноръ говорилъ мнѣ объ ней безпрестанно, и всегда съ жаромъ спрашнаго любовника; онъ предпочиталъ ее Θεанѣ, Θεοφάνіи, даже прекрасной Аспазіи Спартанской; давалъ ей праздники, расточалъ подарки; словомъ сказать, плавалъ въ удовольствіи; но послѣдняго предѣла блаженства онъ еще не достигъ. Одинъ старый жрецъ, начальникъ Кивиллина храма, былъ его соперникъ: онъ не спускалъ Орины съ глазъ, и мѣшалъ ихъ благополучію. Я совѣщивалъ Фанору не довѣряться ласкамъ такой женщины, и осперягаться стараго жреца. Онъ увѣрилъ меня, что не можетъ сомнѣваться въ искренности своей любовницы, а на счетъ святаго соперника хочеть повеселиться. Я пожелалъ ему щасливой развязки.

И дѣйствительно дѣло шло къ развязкѣ. Однажды послѣ обѣда вѣщжалъ онъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ, съ поржесивующимъ видомъ, и сказалъ, что спѣшитъ на свиданіе,

кошорое *Орина* ему назначила. Въ жару своего восхищенія не могъ онъ ничего порядочно обьяснить. Я поздравилъ его съ благополучнымъ успѣхомъ, и просилъ, чѣшобъ онъ взялъ себѣ въ проводники *Сомнѣіе* и *Осторожность*. Онъ пошелъ. Тщешно дожидался я его до вѣпорой спражи ночи; щешно дожидался до ушра. Я проснулся, а онъ еще не бывалъ. Солнце достигло до меридіана, закапилось, а онъ еще не бывалъ. Безпокоенъ, въспревоженъ, побѣжалъ я освѣдомишья объ немъ къ *Оринѣ*. Она опвѣчала мнѣ очень сухо, чѣо случалось ей видашь одного молодого челоѣка, кошорый назывался *Фаноромъ*; но чѣо въпрочемъ судьба его ей совершенно неизвѣспна. Сей опвѣтъ меня сразилъ. Я исходилъ весь городъ, всѣ предмѣстія, всѣ окружности, нигдѣ не нашелъ *Фанора*; я былъ неушѣшимъ. Прошло два дни, прошелъ трешій, прошла недѣля; я измучился и опъ тоски и опъ усталости. Наконецъ, въ девяшый день, пришедъ домой очень поздно, ослабѣвъ, разперзанъ, бросился на постелю, и проливая токи слезъ, возопилъ: «прощай любезный мой *Фаноръ*! прощай милый другъ, кошораго

веселость, крошосць и дружество ушѣшали и украшали жизнь мою! Нѣтъ уже тебя; ты умеръ, убитъ.» Вдругъ спучашся въ дверь моей комнаты. Я опворяю. Что вижу! спрашилище! Я опскочилъ опъ ужаса. Оно бросается въ мои обѣщія, прижимаетъ меня къ груди своей, не говоря ни слова. Наконецъ узнаю его, узнаю моего Фанора. «Ошкуда ты, вскричалъ я жестокой другъ, такъ блѣденъ, безобразенъ и окровавленъ? Конечно вышелъ изъ могилы? Скажи по крайней мѣрѣ, живой ли ты человекъ или мершвецъ?—Самъ не знаю. Другъ мой! не оставь меня! убѣжимъ сію минушу изъ Милепа: опасности, смерть насъ окружаютъ. — Пойдемъ.» Мы схватили скорѣе что могли, и пошчасъ опправились пѣшкомъ, въ глухую полночь. Фаноръ едва шатился; онъ не спалъ цѣлую недѣлю, и во все то время не имѣлъ иной пищи, кромѣ небольшого количества муки, разболтанной въ водѣ. На разсвѣтѣ увидѣли мы не далеко опъ дороги маленькой домикъ: мы пошли шуда просить именемъ боговъ спраннопріимства дать намъ убѣжище. Хозяинъ, человекъ пожилой, лѣтъ пятидесяти, принялъ насъ

очень ласково, принесъ намъ завп-
ракъ; потомъ оставилъ насъ однихъ,
и пошелъ отправлять дѣла свои.
Фаноръ бросился на постелю и пош-
часъ заснулъ глубокимъ сномъ; что
касается до меня, то его положеніе
и спрванное приключеніе удаляли
сонъ отъ глазъ моихъ. Однакожь на-
чалъ было засыпать и я, когда хо-
зяинъ нашъ вошелъ къ намъ весь
вспревоженный. «Иностранцы! сказалъ
онъ мнѣ, я васъ принялъ; какіе бы
люди вы ни были, вы здѣсь подѣ за-
щиною моихъ боговъ Пенатовъ: васъ
ищутъ. Я былъ на дворѣ; воору-
женная погоня спрашивала меня, не про-
шли ли мимо двое бродягъ; я сказалъ,
что нѣтъ, и сказалъ правду. Теперь
обыскиваютъ у моего сосѣда и пош-
часъ будутъ ко мнѣ; время дорого;
подите за мною, я васъ спрячу въ
безопасное мѣсто.» Я насилу разбу-
дилъ Фанора; ему очень не хотѣлось
вставать, и мы пошли за нашимъ
путеводителемъ. Онъ несъ длинную
лѣстницу; остановился шаговъ въ
двухъ стѣхъ отъ своего дому и опу-
стилъ насъ въ колодезь. «Воды нѣтъ,
сказалъ онъ; вамъ будетъ нѣсколько
холодно; но надѣюсь, что вы тутъ
не долго просидите.» Потомъ от-

нялъ лѣспницу и закрылъ яму досками и камнями.

Какое положеніе! бышь живу и видѣть себя въ могилѣ! Безпокоило меня пуще всего то, что я не зналъ, за какое преступленіе и какой бѣды должно мнѣ бояться; Фаноръ не имѣлъ ни языка, ни чувствъ; словомъ сказать, былъ въ такомъ положеніи, что я ужасался обѣ немъ. Не время было спрашивать его. Онъ заснулъ на камняхъ. Мы пробыли въ эпомъ колодезѣ до вечера. Честный Филистъ (такъ назывался нашъ хозяинъ) пришелъ тогда и сказалъ намъ, что опасность миновалась. Онъ спустилъ лѣспницу; я разбудилъ Фанора и помогъ ему вылезти. При чрезвычайной слабости была у него горячка. Филистъ уступилъ ему свою постелю. Послѣ того, какъ мы его положили, хозяйка наша, которой мы еще не видали, потому что она была въ Милепѣ, возвращаясь домой, сказала намъ, что въ городѣ превеликая тревога; что ночью зарѣзанъ начальникъ Кавиллиныхъ жрецовъ; что боялся мщенія богини; что обѣщали великое награжденіе тому, кто найдетъ убійцу, и въ заключеніе прибавила съ жаромъ ошѣ

себя: «какой злодѣй! подняпѣ свои руки на служителя боговъ! Всякая мука будетъ для него мала; я бы хотѣла, чѣтобъ изперзали его въ куски.»

Между тѣмъ, какъ она говорила, меня прѣясла лихорадка: я зналъ, чѣто эѣтошъ начальникъ Кавиллиныхъ жрецовъ былъ Фаноровымъ соперникомъ. Филишовы взгляды на меня умножали еще мое смущеніе: я видѣлъ, чѣто онъ почиаетъ насъ убійцами. Жена спросила его, кѣшо мы таковы? — Пущешесѣвѣнники; одинъ изъ нихъ занемогъ: они попросились ко мнѣ.» Сей одолжипельный ошводъ меня успокоилъ и показалъ мнѣ всю честность Филишову; но какъ скоро жена его вышла, то онъ началъ убѣждать меня, чѣтобъ я во всемъ ему признался. Онъ клялся Каспоромъ и Поллуксомъ, богами спраннопріимства, чѣто не шолько не измѣнитъ моей довѣренности, но еще упопребитъ всѣ свои усилія, чѣтобъ насъ спасши. — «Чѣто касаешься до меня, ошвѣчалъ я, то вы можете быть увѣрены въ моей невинности; но плаща за вашу честность и чистосердечіе, не пошаю ошъ васъ, чѣто въ эѣтомъ убивствѣ подозрѣваю моего друга. Спарикъ жрецъ былъ его

соперникомъ въ любви! можетъ быть онъ заспалъ его съ своею любовницею и захопѣлъ опмѣшнись. Другъ мой молодъ, силенъ, ему не трудно было одолѣть стараго Іерофанша; но это не больше какъ догадка. Впрочемъ Фаноръ характера шихаго, честнаго, не способнаго ко злу; и если онъ погубилъ жреца, то надобно думать, что собственная безопасность неминуемо того требовала.»

Помощь со всѣмъ изліяніемъ сердца поблагодарилъ я Филиста за его великодушіе и пріемъ. «Ахъ! вскричалъ онъ, я былъ самая нечувствительная тварь; никакое чужое спраданіе не прогало моей души; одинъ случай, котораго никогда не забуду, научилъ меня помогать несчастнымъ и уважать въ нихъ особу чловѣка. Однажды вечеромъ подошелъ къ дому моему прохожій, изнуренный нуждами и просился ночевать. Я опказалъ ему сурово, называя его бродягою и шунеядцемъ. «Я ни то ни другое, отвѣчалъ онъ; но вы не обязаны знать меня; дайше мнѣ пристанище хотя въ клѣвѣ: ночь шемна, и кажется, что будетъ дождь. Пищи мнѣ не надобно: я нарвалъ нѣсколько кореньевъ, копорыхъ будетъ мнѣ довольно.»

Я такъ былъ жестокъ, что отка-
залъ ему и въ помѣ; позволилъ толь-
ко переночевать подъ навѣсомъ, ко-
торый приспроенъ къ дому, и не
предложилъ ему ни куска хлѣба.

Посреди глухой ночи, въ просон-
кахъ слышу, что кричатъ: *воры! воры!*
Я вскочилъ, и при мѣсячномъ свѣтѣ
вижу несчастнаго моего постояльца
сражающагося съ тремя человѣками,
которымъ онъ весьма храбро пропи-
вился; у него не было другаго оружія,
кромѣ толстой суковатой дубинки,
а сопрошивники его имѣли кинжалы.
Какъ скоро онъ услышалъ мой голосъ,
то закричалъ мнѣ: «возьми оружіе;
разбойники пришли тебя зарѣзать!»
И въ самое то время ударилъ онъ
одного изъ нихъ такъ сильно, что
свалилъ его на землю. Я схватя спа-
рое копье, прибѣжалъ къ нему на по-
мощь; злодѣи убѣжали и ушанчили
раненаго съ собою. Жена моя и слу-
жанка принесли свѣщильникъ. По-
стоялецъ мой былъ весь въ крови.
«Ты раненъ? сказалъ я ему.—Раненъ;
но я объ этомъ не думаю, радуюсь
только, что тебя спасъ.» Мы опнес-
ли его въ мою комнату; я, сколько
могъ, спарался ему помочь. Когда
онъ нѣсколько отдохнулъ, то раз-

сказалъ мнѣ, что разбойники подошли къ навѣсу, и начали между собою разсуждать, какъ бы меня убить и ограбить; что, по щасстью, онъ отъ холоду не спалъ и слышалъ ихъ разговоръ; что онъ бросился на нихъ съ своею палкою, и бой начался. После этого повѣствованія ему очевидно спало хуже. Я оставилъ при немъ жену мою, а самъ побѣжалъ въ Милетъ за врачомъ. Когда врачъ осмотрѣлъ его раны, то объявилъ, что нѣтъ никакой надежды. Тогда-то въ первый разъ глаза мои прослезились. Несчастный понялъ свою судьбу, и просянувъ ко мнѣ руку, сказалъ: «любезный мой хозяинъ! пересланъ сокрушаться: жизнь не имѣетъ никакой для меня пріятности; ничто не привязываетъ меня къ свѣту: я никогда не могъ преодолѣть своей судьбы, всегда жилъ бѣденъ и несчастливъ.» Тогда попросилъ я у него прощенья, что принялъ его дурно. «Это не моя вина, сказалъ онъ, это общая вина всѣхъ людей; или, говоря справедливѣе, вина боговъ, что они дали человѣку сердце жестокое и развращенное.» Я спросилъ его имя. «Имя мое вамъ знать не нужно: оно скоро изгладится изъ книги

жизни. Я проведѣ пятьдесятѣ лѣтъ на земли, борясь всегда съ напастью; былѣ добродѣтеленѣ, и награжденѣ за то бѣдностью: морскіе разбойники похищали у меня плодѣ прилѣжной торговли; война опустошила и разорила остальную мою мызу; мой домѣ сожженѣ; я дѣлалѣ добро, и находилѣ всегда неблагодарныхѣ: одинѣ мой непріятель заперся въ залогѣ ему отѣ меня вѣвѣренномѣ; другой, въ заплашу за снраннопріимство, обольстилѣ жену мою. Оспавался у меня единородный сынѣ, сладчайшая моя надежда; онѣ убѣжалѣ съ подлою невольницею, и погибѣ въ Египтѣ отѣ распущства и бѣдности; и къ дополненію несчастій я умираю нынѣ жертвою моего долга и чловѣколюбія. Отѣ чего это неравное божеское къ людямѣ расположение? Какѣ извяснить это отѣ рокѣ, который сыплетѣ на главу мою всѣ бѣды, между тѣмѣ какѣ множествѣ бездѣльниковѣ, злодѣевѣ, наслаждающихся спокойно всѣми избытками и удовольствіями?» Я отвѣчалѣ ему, что по большой части блаженство такихѣ людей бываетѣ только въ наружности, и что если бы раз-

крышь ихъ душу, шо не нашлось бы, можешь бышь, въ ней ничего, кромѣ черныхъ пиянствъ и грызущихъ червей. Сверхъ того хотя бы ихъ благополучіе было дѣйствительное, шо и въ такомъ еще случаѣ ожидаешь ихъ правосудіе боговъ на томъ свѣтѣ.—А я буду въ Елисейскихъ поляхъ? Хорошо: я опять спрошу, отъ чегожъ эшо неравное божеское къ людямъ расположение? Отъ чего предвизбрали они меня на вѣчное блаженство, а создали миллионы порочныхъ существъ на то, чшобъ горѣшь имъ вѣчнымъ огнемъ?» Эша дилема привела меня въ замѣшательство; я прекратилъ разговоръ подъ предлогомъ, что больному нуженъ покой. Въ слѣдующую ночь грудь его разпухла, движеніе сдѣлалось очень слабо, жизнь его истекала. Спавъ чловѣколюбивымъ и чувствительнымъ, я проливалъ надъ нимъ горькія слезы. Предъ концемъ своимъ онъ подалъ мнѣ руку, и голосомъ чрезвычайно слабымъ сказалъ: «прощай! будь справедливъ и добръ; эшо остается, и въ часъ смерти ушѣшаешь.» Тогда видя, что онъ выпускаетъ послѣднее дыханіе, я набросилъ ему на голову покрывало, и отрѣзалъ

конецъ волосовъ его. Онъ еще разъ вздохнулъ и умеръ.

Я похоронилъ его въ своемъ саду, прошивъ оконъ моего дому, чѣмъ всегда имѣлъ эшотъ спрашной урокъ предъ глазами; одѣлся въ прауръ, обрѣзалъ себѣ волосы на его гробницѣ, оспригъ даже гривы лошадей своихъ; словомъ сказать, сдѣлалъ все, чѣмъ можно было почтись памяшь или опца, или любезнѣйшаго изъ друзей, и клялся надъ его прахомъ, что буду впредь человѣколюбивъ и спраннопріимчивъ... Однакожъ станавишся поздно; пора вамъ ошдохнуть; болѣзнь друга вашего конечно будетъ не продолжительна. Думаю, что нѣсколько дней можете вы побыть у меня безопасно; а между тѣмъ, завтра поушру, пойду я въ гавань и пойду корабля, который бы тайно васъ опвезъ. Куда вы намѣрены опправитъ? — Прежде нежели углубимся въ Азію, хотѣлось бы намъ посмотрѣть Родоса. — Хорошо; надѣюсь выполнитъ ваше желаніе.»

Я проснулся очень поздно: Фаноръ сидѣлъ на своей постелѣ веселъ и спокоенъ, и разговаривалъ съ Филистомъ; сонъ подкрѣпилъ его силы и

уничтожилъ горячку. Мы обнялись, проливая радостныя слезы. Филистъ сказалъ мнѣ, что одинъ мореходецъ, его пріятель, отбѣзжаетъ чрезъ пріидни въ Родосъ, и соглашается пріинять насъ на свой корабль. Онъ предложилъ мнѣ завпракать у поспели Фаноровой. «Очень охотно, сказалъ я; но съ тѣмъ, что Фаноръ расскажетъ намъ прагическую развязку любовной своей испоріи. Я неперпѣливо желаю знать ее; а при томъ онъ обязанъ оправдать себя предъ великодушнымъ своимъ покровителемъ. — Правда; слушайшежь и судише.

Г Л А В А XXX.

Фаноръ рассказываетъ приключеніе свое въ Милитѣ.

Помнишь, что я прибѣжалъ домой внѣ себя отъ радости, и сказалъ шебѣ, что Ёрина согласилась увидѣться со мною наединѣ. Мѣсто свиданія назначено было въ Кивиллиномъ храмѣ. Я пошелъ туда, какъ скоро смеркалось, и прижавшись въ уголокъ,

ожидалъ Орину и купидоновъ. Чувства мои кипѣли. Входящъ женщина Орина росла; лице ея спряшано было подъ покрываломъ: я бросился, схватилъ ее въ свои объятія: она закричала, голосъ не Орининъ. Увидѣлъ я свою ошибку, но уже поздно. Въ ту минуту напали на меня три челоѣка подъ начальствомъ одного изъ жрецовъ. Я хотѣлъ защищаться; но какъ не было при мнѣ оружія, то и принужденъ былъ уступитъ силъ. Меня связали и опвели въ темный погребъ, гдѣ и покинули въ жершву печальнымъ размышленіямъ и опчаянію.

Первые два дни не видалъ я никого, кромѣ служишеля, который приносилъ мнѣ не много муки вареной съ водою: въ томъ состояла моя пища. Онъ опвѣчалъ на всѣ мои вопросы: *не знаю*. Однажды эпомъ лаконизмъ такъ меня разсердилъ, что я спросилъ его, извѣстно ли ему по крайней мѣрѣ, челоѣкъ онъ или оселъ? *Не знаю*, опвѣчалъ онъ хладнокровно.

На третій день тѣ же три челоѣка, копорые меня задержали, пришли за мною и повели меня предъ судилище жрецовъ. Я увидѣлъ на судейскихъ мѣстахъ шесть

Кориваншовъ (*), или лучше сказать, шесть старыхъ обезьянъ; они сидѣли съ лицемѣрною важностью. Соперникъ мой былъ ихъ президентомъ; онъ началъ упрекать меня въ беззаконіи. «Какъ ты осмѣлился, вскричалъ онъ, коверкая гнусную свою харю, какъ ты осмѣлился, забывъ почтеніе къ мамери боговъ, обругать женщину въ ея храмъ! Какъ не удержалъ себя примѣръ Иппомены и Апшаланша, копрыхъ богиня превратила во львовъ и запрягла въ свою колесницу за то, что они осквернили эшо же самое мѣсто безразсуднымъ своимъ сластолюбіемъ; но ихъ преступленіе меньше твоего, потому что они соединены были узами законнаго брака. Давно бы уже ты испыталъ гнѣвъ богини, если бы наши молитвы не удержали ея мщенія. Говори, о несчастивецъ! говори, оправдывайся! — Я не признаю власпи вашего суда; прикажи же меня освободить, и предоставь же мщеніе самой Кивилъ: если она превратила Иппомену и Апшаланша во львовъ, то препеци же, чтобъ она за ваше безчеловѣчіе не превратила васъ всѣхъ въ обезьянъ, или

(*) Такъ назывались Кивиллины жрецы.

лягушекъ.» Тогда они закричали, что я безбожникъ и недостоинъ ни малѣйшаго снисхожденія. «Однакожь, любезные брашя, примолвилъ начальникъ ихъ, да не оскорбитъ насъ гордыня беззаконника! пощимся усовѣснись его кротоспью. Сынъ мой! швое пресшупленіе гласно; ты повиненъ смерши; но уважая швою молодость и слѣпошу, а больше изъ челошѣколюбія и шеплага о распрошраненіи вѣры усердія, мы соизволяемъ облегчиль швое наказаніе, или, говоря правильнѣе, вмѣсто наказанія предлагаемъ тебѣ сосшояніе шакое, кошорое всякой неразвращенный челошѣкъ почелъ бы награжденіемъ: мы удосшоймъ тебѣ званія Кивиллина жреца; ты раздѣлишь съ нами наши достшойнштва, нашу славу, наше богашштво; но для полученія сей милошши надлежитъ тебѣ согласишься на операцію, кошорую мы всѣ выдержали, и пожертшвовашъ благодѣшельной богинѣ члены, кошорые содершжатъ въ тебѣ плотскія и нечисшья желанія.» Удивясь шакому предложе-нію, я ошвѣчалъ: «благодѣшельная богиня не имѣетъ надобности въ моихъ членахъ. Что васъ изуродова-ли, эшого еще недосшашочно, чтобъ

Антен. Т. II.

Э

изуродовать и меня; я лучше хочу
 быть непросвѣщеннымъ міряниномъ
 и человѣкомъ, нежели Кариванпомъ
 и уродомъ. Поберегите свои почести
 и сокровища для другихъ, которые
 достойнѣе меня; а я хочу оспаться
 при своемъ добрѣ.» Эпошъ ирониче-
 скій и швердый опѣшъ раздражилъ
 моихъ судей; они приказали опвести
 меня опашъ въ шу же шюрму и
 объявили мнѣ, что я просижу въ ней
 до шѣхъ поръ, пока раскаяніемъ и
 кротостью заслужу прощенье Ки-
 виллы. Сколько я ни кричалъ, сколько
 ни ропсалъ, все было шщетно.

Какъ скоро опсавили меня одного,
 самыя мрачныя размышленія овладѣ-
 ли мною. Представлялись мнѣ двѣ
 жестокія крайности: или вѣчная
 шюрма, а можетъ быть и смерть,
 или ушраша единшвеннаго блага,
 которое дѣлаетъ жизнь нѣсколько
 пріятною. Три дни мучился я безъ
 всякой перемѣны въ моемъ положе-
 ніи, въ чешвертый представили меня
 опашъ предъ моего соперника. Онъ
 спросилъ меня ласкашельнымъ и
 вкрадчивымъ шеномъ совершеннаго
 лицембра, одумалъ ли я хорошенъко
 его предложеніе; при чемъ выхвалялъ
 мнѣ блаженное состояніе Кивилли-

ныхъ жрецовъ. — «Великое блаженство, сказалъ я, лишишься испочниковъ жизни и удовольствія! Какая польза Кивилъ, что я буду каспирашъ?—Не намъ принадлежишь проникашь въ тайны боговъ. Мы видимъ только слѣдствія; причины скрыты отъ насъ.—Да не уже ли вы полагаеице, что боги одарили человека такими драгоценностями для того, чтобъ украшать ими свѣтлы храмовъ?» Старой дакшилъ, видя мое упрямство, отослалъ меня, сказавъ: «когда шюрма тебѣ наскучитъ, и чувствованія твои будутъ согласны съ разсудкомъ, то вели меня увѣдомишь.»

Опять погрузился я въ недоумѣніе и опчаяніе. «Нѣтъ, вскричалъ, нѣтъ, никогда не буду Кивилинымъ жрецомъ; лучше хочу сгнить въ этой темницѣ, нежели лишиться лучшей части самаго себя!» Горестъ меня сѣдала. Въ девятый день со времени моего започенія увидѣлъ я лучъ, который сквозъ маленькое слуховое окно ударялъ въ бѣлый вспавленный въ свѣтну камень. Какъ я давно уже не видалъ свѣта, то и этотъ слабый лучъ произвелъ въ душѣ моей нѣкоторое удовольствіе. Я подошелъ

машинально къ камню и устремилъ
 на него глаза свои: вижу нѣсколько
 лишеръ, почпи спершыхъ, стараюсь
 прочесть, и кажется мнѣ, что напи-
 сано: *ищи*. Эта загадка возбудила во
 мнѣ любопытство: камень былъ вы-
 сунувшись; я попробовалъ выломить
 его, и выломилъ очень легко. Всунулъ
 руку въ пущошу, и выдернулъ оп-
 шуда кинжалъ съ такою запискою:
*Я погибъ здѣсь отъ злобы кровожа-
 дущихъ жрецовъ; они стараются
 ужасными средствами набирать себѣ
 товарищей въ несчастіи. Вѣроятно,
 это мѣсто мое будетъ занято еще
 кѣмъ нибудь другимъ, и для того ос-
 таваю ему въ наслѣдство сей кин-
 жалъ, чтобъ онъ или отмстилъ му-
 жителямъ, или прекратилъ свои не-
 щастія. Прочитавъ это, я содро-
 нулся; но вдругъ незапная мысль оза-
 рила мой разумъ: представилась
 мнѣ возможность опмспить и осво-
 бодиться отъ оковъ своихъ. Дож-
 давшись вечера, послалъ я шюрем-
 щика доложить начальнику Кориван-
 шовъ, что желаю поговорить съ нимъ
 одинъ на одинъ. Тотчасъ пришли за
 мною спражи. Я спряшалъ свой кин-
 жалъ. Въ первое мое съ нимъ свиданіе
 впустили меня одного, а карауль-*

ные оспались на дворѣ; также по-
ступили и пошѣ разѣ. Какѣ скоро
я вошелѣ, то коварный жрецѣ ска-
залѣ мнѣ лицемѣрнымѣ голосомѣ: «ну,
другѣ мой! какія вѣспи? уже ли бо-
гиня сжалилась надѣ тобою и оза-
рила душу твою разсудкомѣ? Ты
раздражилѣ моихѣ поварищей, одна-
кожѣ надѣюсь выпросишь себѣ про-
щенье.» Между тѣмѣ, какѣ онѣ гово-
рилѣ, я примѣчалѣ всѣ его движенія,
и высматривалѣ, въ какое мѣсто
удобнѣе поразишь его. Помолчавѣ
нѣсколько времени: чѣпожѣ ты ни-
чего не опвѣчаешь? спросилѣ онѣ. —
Вошѣ мой опвѣшѣ, и въ ту минушѣ
вонзилѣ ему кинжалѣ въ грудь. Онѣ
хотѣлѣ обороняшѣся; я повалилѣ его
на полѣ, зажалѣ ему ротѣ, и впло-
рымѣ ударомѣ прекратилѣ гнусную
жизнь его. Потомѣ одѣлся поскорѣе
въ его одежду и вышелѣ, дѣлая знаки
караульнымѣ, чѣтобѣ они сперегли
дверь. Караульные встали и съ вели-
кимѣ почтениемѣ поклонились мнѣ.
Миновавѣ эту опасность, плушаю въ
темнотѣ не зная дороги: по щастью
шелѣ невольникѣ съ огнемѣ. «Посвѣ-
ти мнѣ до воротѣ, сказалѣ я ему по-
велительнымѣ голосомѣ.» Обману-
тый одеждою, онѣ исполнилѣ поше-

часъ мой приказъ. Какъ скоро я уви-
дѣлъ себя за оградой, то сбросилъ
поскорѣ священнослужебное облаче-
ніе, и почпи нагой, весь въ крови,
побѣжалъ по улицамъ въ шакомъ смя-
шеніи, что едва могъ найсти свое
жилище. Тамъ увидѣлъ и обнялъ лю-
безнаго моего Аншенора, тамъ окро-
пилъ радостными слезами грудь мо-
его друга.

Мы одобрили Фаноровъ поступокъ,
и поздравили его съ успѣхомъ, копо-
рый увѣнчалъ предпріятіе споль оп-
важное.

ГЛАВА XXXI.

*Фанорово намѣреніе удалиться въ
пустыню; планъ будущей его жиз-
ни. Прибытіе въ Родосъ.*

Я сказалъ Фанору, что одинъ ко-
рабль оширавляется въ Родосъ и
принимаетъ насъ въ число своихъ
пассажировъ. «Но для имени боговъ
будь въ волокишныхъ своихъ дѣлахъ
осторожнѣе. Сказываютъ, что Юпи-
теръ заславилъ дурачество водить
любовь, которую оно ослѣпило: не
слушайся ашого приговора, и при-

спавъ къ ней путевожителемъ благо-
 разуміе. — Не опасайся! я намѣренъ
 переѣннись совершенно; опреча-
 юсь опъ всѣхъ женщинъ; улыбка
 любви похожа на улыбку первыхъ
 весеннихъ дней; за нею слѣдуетъ
 буря. Хочу жить для себя, для фи-
 лософіи: я сдѣлалъ себѣ планъ, и на-
 дѣюсь скоро привести его въ испол-
 нение: бѣгу не только опъ этого
 опаснаго пола, но и опъ мужчинъ, и
 опъ общесства. Будь мнѣ товари-
 щемъ, и ты утврдишь благополучіе
 моей жизни. Вотъ мое намѣреніе: я
 слыхалъ объ Аѳонской горѣ; она окру-
 жена хребтомъ другихъ горъ: тамъ
 есть убѣжища удаленныя и дикія;
 тамъ въ тѣни глухихъ лѣсовъ проше-
 кающъ мимовидныя ручейки, бьющъ
 прохладныя ключи, шумящъ кристал-
 ловидныя водопады; тамъ, подлѣ чи-
 стой воды, мы выберемъ себѣ при-
 ятное мѣстоположеніе и построимъ
 маленькій домикъ, лицомъ къ полу-
 дню. Простота, управляемая вкусомъ,
 расположивъ спроектъ и убранств-
 вомъ. Общесство свое составимъ изъ
 шести или осьми человѣкъ, людей
 такихъ, которые были бы одинъ
 другаго достойны. Намъ не надобно
 пустошй учености; намъ надобны

только нравы, пріятный разумъ, и та щаспливая философія, копорая состоишъ въ исполненіи добродѣтелей любезныхъ. Женщинъ у насъ не будетъ: у голубокъ сихъ яспребиные когти. Будетъ у насъ ошборная библіотека; большой садъ, копорый продовольствуетъ нашъ столъ обильною и здоровою пищею; мы спанемъ обрабаыывая его своими руками. Всякіе десять дней будемъ собирашъ въ библіотекъ, и каждый изъ насъ принесетъ шуда свои разсужденія, свои списхи; словомъ сказашъ, плодъ своихъ прудовъ. Опредѣлимъ часъ, когда обѣдашъ, когда ужинашъ: во всемъ прочемъ свобода совершенная. Позволено всякому употребляшъ время по своему желанію. Должноспи общества спанемъ ошправляшъ поочередно. На фронписисъ ворошъ напишемъ: *вольность, спокойствіе, философія*. Тамъ-то, другъ мой, заживемъ какъ въ раю, не сожалѣя о прошедшемъ, довольны насшоящимъ и не думая о будущемъ; ни заботы, ни честполюбіе, никакая изъ шѣхъ спрасшей, конюрыя мучашъ человѣка, не возмушашъ нашего спокойствія; шѣло будетъ заняшо умѣреннымъ прудомъ, а душа учешъ

ніемъ; словомъ сказаць, дни наши попекушъ какъ рѣка долины Темпейской въ берегахъ уединенныхъ и милыхъ.—Планъ швой издали очень хорошъ; ты представляешь картину жизни пихой, и конечно благополучной, хопя она нѣсколько и единообразна; но сказаць правду, я думаю, что въ намѣреніи швоемъ много участвуетъ досада: ты теперь сердитъ на весь родъ человѣческой. Весьма обыкновенно, что люди, угнетенные бременемъ жизни, уязвленные шипами общества, почишають уединеніе и покой вышнимъ благомъ; но опѣвдавъ эшого мнимаго блага, поживъ нѣсколько времени въ безпокойной бесѣдѣ съ собою, видяшъ, что они прельщались химерою; и тогда скука и раскаяніе возвращають ихъ на сцену мірскихъ суетъ. И такъ, мой другъ! совѣшую не шоропишься; возьми время одумаць свое намѣреніе; если оно чрезъ два года не перемѣнишь, то я общаю тебѣ то же, что Аполлонъ и Нептунъ сдѣлали для Трои. Я согласенъ помогать тебѣ тогда спроишь на Аѳонской горѣ философическую швою крѣпость.»

Наспалъ часъ нашего отпѣзда; честный Филишъ проводилъ насъ

ночью къ Милипской гавани. Мы оставили ее безъ сожалѣнiя, отблагодаря съ чувствительностью любезнаго нашего хозяина.

При благополучномъ попутномъ вѣтрѣ мы очень скоро приплыли въ Родосъ.

ГЛАВА XXXII.

Описанiе сего города и Колосса. Нравы жителей. Новое Фанорово волокитство. Скоропостижный отбѣздъ. Буря. Прибытiе въ Сидонъ. Описанiе горы Ливанской.

Подвѣзжая къ Родосу, поражены мы были великолѣпнымъ видомъ сего города. Онъ возвышается въ видѣ амфишестра и проспирается до взморья. Пиндаръ называетъ сей островъ дочерью Венеры и супругою Солнца. Приспани и арсеналы прекрасны; стѣны очень высоки и устлавлены башнями. Колосъ, огромная статуя, межъ ногъ которой корабль нашъ прошелъ на всѣхъ парусахъ, привела насъ въ изумленiе. Она здѣлана изъ мѣди; споймъ на двухъ превеликихъ скалахъ предъ са-

мою приспанию, и посвящена Солнцу. Высопа ея семдесятъ локшей; пальцы такъ толсты, что рѣдкой человѣкъ можетъ обнять ихъ. Она вылипа Харесомъ, который прудился надъ нею двѣнадцать лѣтъ.

Нашъ корабельщикъ помѣстилъ насъ къ одному купцу, старику весьма ограниченнаго ума, который обогащился болѣе скупостью, нежели промышленностью. Однакожь онъ очень гордился своимъ богатствомъ, пошому что, по обыкновенному и ушѣишельному человѣческому заблужденію, приписывалъ его великимъ своимъ дарованіямъ.

У него была дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, за которою онъ смотрѣлъ Аргусовыми глазами, и которая казалась ему рѣдкою прелестницею. Она имѣла станъ коропкой, груди и всѣ члены чрезвычайно полныя; румянецъ лица ея разстилался по груншу очень смуглому; ротъ доходилъ почти до ушей; въ маленькихъ круглыхъ ея глазкахъ сверкало пламя желанія. Какъ скоро я ее увидѣлъ, то сказалъ Фанору: «надѣюсь, что эта Нимфа не заставитъ насъ оспавить Родоса такъ же скоро, какъ мы оспавили Милетъ.—Будь спокоенъ:

эша Венера *Каллипига* священна для меня. Родосъ не пожалуется на насъ, что мы похищили его *Палладіумъ*.

Названіе Родоса дано сему городу по причинѣ множества розъ, которыми благоухающъ и украшающся поля его. Кромѣ главнаго Колосса, посвященнаго Солнцу, есць еще около сотни колоссовъ, гораздо менѣе перваго, но которые прославили бы всякой другой городъ. Храмы, зданія, улицы, шеащры, все въ Родосѣ ознаменовано печашью величія и красоты. Небо всегда ясно, всегда чисто; одинъ изъ жителей, человекъ пожилой, увѣрялъ меня, что не прошло дня, въ который бы онъ не видалъ солнца. Земля чрезвычайно плодоносна, деревья прекрасны; вино, виноградъ и медъ въ великой славѣ.

Родосцы имѣющъ важную осанку; одежда ихъ проста и благоприспособлена; они ходящъ тихо и не бросающся одинъ къ другому, какъ Аѳиняне.

Родосъ жилище философіи и наукъ; его Академія въ великой славѣ. Сказывающъ, что Аристиппъ философъ, будучи занесенъ бурей на сей островъ, и увидя на берегу Геометрическія фигуры, вскричалъ:

«друзья! поздравляю васъ; я нашелъ слѣды человѣческіе.»

Сей оспровѣ славенѣ еще шѣмѣ, что шамѣ родился Пропогенѣ, одинѣ изѣ нашихѣ величайшихѣ живописцевѣ. По несчастію для насѣ онѣ былѣ тогда въ Коринѣѣ. Рассказывали намѣ, какимѣ образомѣ познакомился онѣ съ Апеллесомѣ. Сей послѣдній пріѣхалѣ въ Родосѣ нарочно для того, чтобѣ увидѣть Пропогена; но, не заставѣ его дома, нарисовалѣ маленькую фигуру и, не сказавѣ своего имени, ушелѣ. Пропогенѣ возвращаясь домой, и увидя рисунокѣ, вскричалѣ: «конечно Апеллесѣ здѣсь.» Онѣ взялѣ кистѣ, поправилѣ чершы, сдѣлалѣ ихѣ правильнѣе и пріятнѣе. Когда Апеллесѣ пришелѣ въ другой разѣ, Пропогена опячь не было дома; но показали ему работу его. Апеллесѣ, чувствуя себя побѣжденнымѣ, нарисовалѣ новыя чершы; а Пропогенѣ нашелѣ ихѣ столько превосходными, что тотчасѣ побѣждалѣ искачь по городу своего соперника, и сѣ шѣхѣ порѣ началась у нихѣ самая шѣсная дружба.

Сказывали намѣ также, что Пропогенѣ писалѣ семь лѣтъ лучшую свою картину (которая предшав-

ляешъ Ялиса, Солнцева внука, славнаго звѣролова), и чшо во все по время наблюдалъ онъ весьма спрогую діапу.

Двѣ недѣли прожили мы въ Родосѣ, пользуясь всѣми удовольствіями. Я прилѣжно посѣщалъ достойныя любопытства рѣдкости, и каждое утро ходилъ смотрѣть славный Колосъ, которымъ восхищался опчасу болѣе. Въ пятнадцатый день, поушру рано, хозяинъ нашъ вошелъ въ мою комнапу какъ бѣшеной, и сказалъ мнѣ съ грубостію, чшобъ я потчасъ выбрался изъ его дома. «Чшо это значитъ, спросилъ я?— Найдите своего друга: онъ удовольствуешъ ваше любопытство.— Какъ! развѣ Фанора нѣтъ въ своей комнатѣ?— Фаноръ въ эту ночь выпрыгнулъ въ окно; жаль только того, чшо не сломилъ себѣ шеи.» Я вспревожился и просилъ хозяина, чшобъ онъ по крайней мѣрѣ разсказалъ мнѣ все дѣло обстоятельно; но онъ вмѣсто опвѣта опвернулъ и ушелъ.

Нечего было дѣлать, надлежало исполнишь хозяйскую волю. Собравъ свое добро, и весьма безпокоясь о Фанорѣ, пошелъ я скипашься по городу, въ совершенной увѣренности,

что пріятель мой впалъ въ обыкновенный свой грѣхъ, то естъ, поку-
сился на обширныя прелести Вене-
ры Калмицги. Думая, что ему на-
добно припши на большую площадь,
я дожидался его шамъ, и дѣйстви-
тельно скоро увидѣлъ. Онъ под-
бѣжалъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ;
это меня успокоило. «Я тебя ищу
уже чешыре часа, сказалъ онъ мнѣ.
— Что тебя заставило выпши шакъ
рано. — Неопсшупная прозьба лю-
безнаго нашего хозяина. — Онъ мнѣ
сказалъ, что ты выскочилъ въ окно.
— Эпоть человѣкъ не любитъ лгашъ.
Однакожь скочокъ мой не сщольво
былъ опасенъ, какъ скочокъ съ Лев-
кадской горы. Расскажу тебѣ все на
досугѣ. Теперь я былъ на пристани,
и нашелъ одинъ корабль, который
отбѣзжаетъ въ Тиръ. Наши мѣста
взяшы, пойдѣмъ. Изъ Тира поѣдемъ
въ Палестину.»

Когда мы проплыли подъ Колоссъ,
благополучный попушной въперокъ,
надувая наши парусы, погналъ насъ
легонько по волнамъ. Вечеръ былъ
прекрасный; заходящее солнце и не-
обозримое, спокойное море предспа-
вляли каршину привлекашельную и
великолѣпную. Фаноръ сѣлъ со мною

на палубѣ и разсказалъ мнѣ свое приключеніе такимъ образомъ:

Ты знаешь, что Фокилида, дочь нашего хозяина, довольно дурна; я охотно бы освавилъ ее въ покоѣ, но она сама начала задирашь меня и взглядами и словами. Не учтиво было бы опіказаться отъ дѣвушки, сказавъ ей напрямикъ: «поди отъ меня прочь, я тебя не хочу.» Благопристойность пребовала оказавъ ей нѣсколько ласки. Мало по малу чувства наши разшевелились, воображеніе заиграло, и кончилось тѣмъ, что моя дражайшая Калипига позволила мнѣ прійти ночью въ ея комнату. Напрыскавшись духами, пошелъ я въ назначенный часъ на свиданіе. Она въ щегольскомъ спальномъ платьѣ ожидала меня. Не знаю, какой дьяволъ шепнулъ ей родителю, чтобъ онъ помѣшалъ нашему удовольствію. Этимъ старой хрычь началъ спусчаться, кричавъ, хотѣлъ неопимѣнно войти. Моя богиня испугавшись, проситъ меня, молитъ, чтобъ я выскочилъ въ окно. Сколько она ни божилась, что скочокъ не опасенъ, и хотя приключеніе мое въ Милинѣ не вышло еще у меня изъ памяти, однакожь не хотѣлось мнѣ показавъ

ей такого опыта моего проворства. Между тѣмъ опасность увеличилась; непріятель приступалъ опчасу сильнѣе, дверь начала шапаться отъ его ударовъ, и на послѣдокъ необходимости заставила меня опважиться на воздушное пупешествіе. Вотъ завязка и развязка всей пѣсы.— Пѣса твоя не длинна; ты скоро забылъ Аѳонскую гору и философическую свою жизнь.— Ты мнѣ далъ два года сроку; я упопребляю это время на испытаніе всего.»

На корабль опять мы нашли нещаснаго Діагора: гонимъ Греками, онъ екипался изъ города въ городъ. Сія встрѣча показалась намъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ вѣтеръ дулъ благополучный; мы плыли очень пріятно; спокойной кормчій, споя подлѣ руля, пѣлъ спаринную пѣсенку Аргонавтомъ. Мы уже прошли островъ Кипръ, гдѣ, сказывающъ, родился Гомеръ, какъ вдругъ, въ половинѣ ночи, около времени захожденія Плеядъ, собрались облака, нашла туча; вѣтры зашумѣли, заревѣли; звѣзды скрылись, пѣма стуснилась; нашъ корабль мчался по на одномъ боку, по на другомъ; водяныя горы поднимались и упали

на насъ; кормчій, поблѣднѣвъ и дрожа, разпоряжалъ, призывалъ на помощь къ рулю: крикъ и сумятица препяшпвовали слышать поведѣнія. Успрашенные машросы, поднявъ руки свои къ небу, возносили молишвы къ богамъ, и ничего не дѣлали. Фаноръ уговаривалъ ихъ, ободрялъ; то хватался за весло, то приспавалъ къ рулю. Діагоръ, лежа на сундукъ, молчалъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ сказалъ мнѣ: «думаешь ли ты, что боги напустили эту бурю единственно для нашей гибели?—Намѣренія боговъ сокрыты.—Но если подлинно есть боги, то отъ чего эшотъ безпорядокъ въ нашурѣ? Отъ чего всѣ безпорядки, всѣ нещасія, всѣ бѣды?» Я молчалъ. «Погибнемъ, продолжалъ онъ, когда такъ угодно судьбѣ нашей: послѣ смерти узнаемъ, можемъ бытъ, то, что теперь насъ удивляетъ.» Вѣперъ пригналъ нашъ корабль къ Сирскимъ берегамъ. На разсвѣтѣ мы увидѣли землю: яроспныя волны пѣнились и разбивались около обширной окружности скалъ: шумъ воды и вѣпра, вопль машросовъ, ожиданіе неизбѣжнаго кораблекрушенія и смерти, вдыхалъ ужасъ во всѣ сердца. Между шѣмъ

напрягали мы свои силы, чѣмъ уда-
лились отъ камней; по поочередно,
по всѣ вдругъ налягали на весла; но
море и вѣтры отчасу сердитѣе нес-
ли нашъ корабль, какъ легкую соло-
менку. Уже смерть была предъ нами;
мы потеряли всю надежду. Я очень
дурно плавалъ; сія часть упущена
была въ моемъ воспитаніи. Одинъ
молодой Кривянинъ сказалъ мнѣ:
«ухватимся за эту доску, она спа-
сетъ насъ обоихъ.» Фаноръ напро-
тивъ того плавалъ очень искусно.
Въ числѣ пассажировъ были двѣ жен-
щины, мать съ дочерью: сія послѣд-
няя называлась Монимою. Фаноръ
предложилъ имъ спасти одну изъ
двухъ, если она уцѣпится за его во-
лосы, которые были длинны и гус-
ты. Молодая Монима, стоя предъ
матерью на колѣняхъ, упрашивала
ее, чѣмъ она воспользовалась вели-
кодушнымъ предложеніемъ Фанора.
Мать со слезами восклицала: «жизнь
твоя едва начинаешь! мнѣ ли хо-
тѣшь продлить свои дни на счетъ
твоихъ! Развѣ для того я тебя ро-
дила, чѣмъ быть причиною твоей
смерти. Ахъ, нѣтъ! живи, спасайся,
повинуйся матери, которая прика-
зываетъ тебѣ жить.» Въ продолже-

нїе сего прогашельнаго спора спраш-
 ный порывъ вѣпра нанесъ насъ бо-
 комъ на превеликую скалу; корабль
 разбился, вода пошкела отъсюду.
 Сшонъ, плачь, вопль, усугубляли
 ужасъ; я и Крипянъ схватили доску,
 нашу единую надежду. Мать Мони-
 мы молишъ Фанора, чѣобъ онъ спасъ
 ея дочь; сія послѣдняя не соглашаеш-
 ся, прошивишся: но Фаноръ беретъ
 ее въ свои объятія, и съ нею бро-
 саетъ въ море. Я видѣлъ какъ онъ
 погружался, всплывалъ на поверх-
 ность воды, боролся съ яростною
 стихіею. Молодая Монима, держась
 за его волосы, плыла за нимъ. Чѣ
 касается до меня, то сидя на сво-
 ей доскѣ, носимъ разъяренными вол-
 нами, я занимался единственно
 опасностью Фанора. Наконецъ, по-
 чти мершвы, слабы шѣломъ, но
 бодры душею, мы всѣ четверо при-
 бились къ берегу почти въ одно вре-
 мя. Какія слова могушъ выразишъ
 нашъ восторгъ! мы спокрапно об-
 нимались, поздравляли другъ друга.
 Молодая Монима упала въ обморокъ.
 Когда первое движеніе радости про-
 шло, видъ нашихъ поварищей, ко-
 торыхъ шрупы плавали по водѣ,
 обрашилъ насъ къ чувствованіямъ

соболюбзнованія и скорби; мы оплакали несчастную ихъ судьбу. Діагоръ конечно погибъ, ушверждаая, что нѣтъ боговъ, или проклиная ихъ. Трогательная Монима, утупая въ слезахъ, искала шѣла своей машери. Мы ошвлекли ее отъ сего несчастнаго берега, и нѣсколько опойдя, узнали, что находимся только за сто стадій отъ Сидона. Ошдохнувъ у одного земледѣльца, копорый подалъ намъ всякую помощь, какую жалость и челолюбіе могутъ внушить, ошправились мы съ Монимою и Крипьяниномъ въ сей городъ. Кормчій и нѣсколько машросовъ спаслись отъ смерти. Вспупая въ Сидонъ, Фаноръ вскричалъ: «кланяюсь машери моего ошечесива! Оивы еспъ Сидонская колонія.»

Монима повела насъ къ дядѣ своему, брату ея машери. Сей чѣспный Сидонянинъ осыпалъ насъ благодареніями, и предложилъ намъ свой домъ и все свое имѣніе. Мы приняли отъ него только необходимо нужное. Любезная его племянница, копорую чрезмѣрно доброе и пыльное сердце влекло къ чувспвованіямъ нѣжнѣйшимъ и ошаснѣйшимъ, ошопно бы

заплашила Фанору такою цѣною ; копорая принадлежишь единственно любви ; но великодушный мой другъ былъ столько нѣженъ , что не хотѣлъ приняшь плашежа .

Сидонъ лежишь на прекрасной равнинѣ . Пристань его очень хороша . Жишели великую имѣюшь способность къ художествамъ ; женщины мастерицы вышиваешь .

Всего достоинѣе любопытства въ сей странѣ Ливанская гора . Древнѣе кедръ возносяшь главу свою до облаковъ ; земля покрыва бальзамическими и душистыми правами . Тамъ находится мраморъ ошмѣнной бѣлизны , такъ же росшешь великое количество ладона . Мы видѣли безчисленное множество жершвъ , копорыхъ ошкармливали . Шесть большихъ рѣкъ , и между прочими Иорданъ ошпуда изпекаюшь .

Не взирая на нѣжное имя машери , копорымъ Фаноръ называлъ Сидонъ ; не взирая на дружество нашихъ хозяевъ , мы пробыли въ семъ городѣ очень не долго , и около половины Февраля прибыли къ берегамъ Евфраша .

ГЛАВА XXXIII.

*Обѣдѣ на берегахъ Евфрата у земле-
дѣльцевъ. Повѣствованія и при-
ключенія деревенскаго Нестора.*

Евфратъ, сія великая, глубская и быспрая рѣка, испекаешъ изъ Арменіи. Мы плыли по ней до Вавилона. Небо было чисто, шеплоша умбрѣнная. Рощи песпрѣли разноцвѣтною зелѣною; вдали видѣли мы усѣянныя хлѣбомъ поля, копорыхъ вѣспрѣ волновалъ поверхность. Ленъ и бобы почши уже поспѣли; деревья цвѣли и благоухали. Такова была каршина, копорую берега Евфрата намъ представляли.

Наше судно, округленное наподобіе щипа, построено было изъ ивоваго дерева и снаружи обшитою кожею. Такъ спроятъ всѣ суда, копорыя плавають по Евфрату. Дно наполняютъ соломою, и нагрузя судно шоваромъ, а особливо пальмовымъ виномъ, пускають его по теченію рѣки; два человекъ имъ управляютъ. Во всякое судно спавятъ по одному ослу, а въ большія по два и болѣе. По пріѣздѣ въ Вавилонъ продають шовары; лѣсъ, изъ копорого судно построено и

солому; попомб навьючиваюмб кожи на ословб, и возвращаюмб сухимб пушемб вб Арменію.

За спо спадій опб Вавилонa мы увидблi маленькой лбсокб, который показался намб чрезвычайно пріятнымб; эпо было вб полдень. Чащи изб полспыхб и высокихб ивб простирались по берегу; длинныя и гибкія ихб вбшви купались вб водб; гранатовыя и пальмовыя деревья, разбросанныя свободною рукою природы, и перембшанныя сб цвбшущими кусточками, соспавляли по оббимб споронамб рбкi разнovidные перелбски. Подлб дикой смоковницы росла кассія, копорой желтые цвбшы похожи на чижовникб. Далб видны были маленькія деревеньки, состоящія изб нбсколькихб землянокб округлой фигуры, отбненныхб пальмовыми деревьями. На другой споронб рбкi находились селенія, окруженныя рошцами и клумбами, и все сіе вмбспб представляло картину, достойную кисти ландшафтнаго живописца.

Вб сей-по прелестный садб мы пошли оббдашь. Свбжесшь правы, разнovidносшь деревб, разсбянныхб перелбсковб, множесшво горлицб и другихб пшицб, копорыя пряпались,

рѣзвились подѣ густымѣ листвіемѣ,
и хоромѣ поржесшвовали юность
года; большія сшпада, которыхѣ гна-
ли сѣ паствы; вся сія совокупность
производила сцену веселую и живую.
Все, что прельщаетѣ зрѣніе; все,
что дѣлаетѣ пріятность душѣ, ка-
залось шамѣ собрано. Я и Фанорѣ,
сидя одинѣ подѣ другаго, ничего не
говорили; мы почти задыхались отѣ
удовольствія, и только изрѣдка воз-
клицали: «какія красоты! какая не-
оцѣненная минуша!» Проведя вѣ семѣ
безмолвномѣ восхищеніи болѣе полу-
часа, мы вспали и пошли кѣ земле-
дѣльческимѣ хижинамѣ просить мо-
лока и яицѣ. Женщины, сидя вокругѣ
своихѣ землянокѣ, занимались раз-
ными рукодѣльями. Увидя насѣ во-
оруженныхѣ и вѣ иносшпанной одеж-
дѣ, онѣ испугались и ушли. Мущи-
ны оспались одни, весьма однакожѣ
вспревоженные нашимѣ посѣщені-
емѣ; но мы скоро ихѣ успокоили.

Тогда и женщины возвратились,
окружили насѣ и разсмашривали сѣ
головы до ногѣ. Нѣкоторыя изѣ нихѣ
были очень не дурны; вообще онѣ
весьма смутлы. Вся толпа просила
насѣ, чтобѣ мы обѣдали сѣ ними.
Мы сѣ удовольствіемѣ на то согла-

сились. Повели насѣ къ самой большой землянкѣ, въ которой жилѣ начальникѣ, или Неспорѣ ихѣ деревни. Онѣ принялъ насѣ съ шую пріятною улыбкою и любезною проспоною, копорыя сельскимѣ только жишелямѣ свойственны. Свѣжій дернѣ подѣ шѣнью большихѣ дикихѣ смоковницѣ служилѣ намѣ вмѣсто спульевѣ и спола; женщины пожилыхѣ лѣтѣ сѣли сѣ нами, а молодыя служили. Мы видѣли чудный обычай варить яйца. Мушины взяли ихѣ въ руку, долго прясали и потомѣ предложили намѣ въ пищу. Такѣ всегда поступающѣ они въ дорогѣ, или когда не имѣющѣ огня. И яйца сварились очень хорошо.

Во время прापезы сѣдой Папріархѣ рассказывалѣ намѣ о Семирамидѣ. «Эта славная женщина, говорилѣ онѣ, построила Вавилонѣ по плану Нина, супруга своего, копорому смерть не позволила привести замысла его въ исполненіе. Городѣ окончанѣ въ одинѣ годѣ: въ каждый день ошдѣлывали спадію. Семирамида сама разпоряжала работою. Она была прекрасна; величественный и воинственнѣ видѣ ея показывалѣ Царицу, рожденную повелѣвашь. Ея

намѣренія были обширны и великолѣпны: она предводила войски; при-
существовала на всѣхъ совѣтахъ; со-
оружала храмы, строила дворцы; со-
зидала безпредѣльный городъ; учреж-
дала пышныя празднества; окружала
себя всѣмъ блескомъ роскоши и бо-
гашества; привлекала къ себѣ весело-
сти, искусства, философію. По
смерти Нина она воздвигла ему гроб-
ницею пространное зданіе въ девять
скадій высоты и въ десять шири-
ны; это зданіе не далеко отъ города:
оно покажется вамъ цитаделью. Я
спросилъ о пространствѣ Вавилона.
«Окружность его простирается шестде-
сятъ пять скадій, отъвѣчалъ онъ.
Башенъ двѣсти пятьдесятъ; высота
ихъ шестдесятъ локтей. Скамьи
между башнями имѣютъ ширину
футовъ высоты и ширину два
ширины. Двѣ колесницы въ чепыре
лошади могутъ весьма легко ѣхать
по скамьямъ рядомъ. Ворота, кото-
рыхъ число сто, всѣ изъ цѣльной
мѣди. Дома въ три и чепыре яруса.
Улицы прямы, и перерѣзаны други-
ми поперечными, которыя идутъ къ
рѣкѣ. Террасы васъ удивятъ: онѣ
представляютъ висячіе сады, подня-
тые въ ровень съ высочайшими баш-

нями на плоской кровлѣ въ шеснадцать квадрашныхъ десятинѣ, копорую поддерживающѣ своды и колонны великолѣпныя. Тамъ распушѣ превысокія дерева, покрышыя плодами и цвѣтами. За это Вавилонѣ обязанъ Нипокрисѣ, Царицѣ ума обширнаго и способнаго къ величайшимъ предпріятіямъ. Она - то, по смерти Навуходносора, супруга своего, построила каменный мостъ на Евфратѣ, и такимъ образомъ соединила городъ, раздѣленный прежде того на двѣ части. Такое предпріятіе сначала казалось совершенно неисполнимымъ: бысропа и глубина рѣки представляли спрашныя препятствія; но ничто не поколебало великаго духа Нипокрисы, и въ одинъ годъ (дѣло невѣроятное!) мостъ построенъ. Она приказала выкопашъ пространное озеро и провести въ него Евфратъ; изъ озера рѣка возвращалась въ свою жолобовину. Между тѣмъ всѣ матеріалы были готовы, и когда работа кончена, Евфратъ взялъ прежнее теченіе.

Рѣка безпрестаннымъ дѣйствіемъ насосовъ поливаетъ сады и улицы нѣсколько разъ въ день. Вы увидите на площадяхъ большіе ручьи свѣжей,

чистой воды, которая пипаетъ густыя дерева, весьма полезныя въ нашемъ знойномъ климатѣ, гдѣ тѣнь очень пріятна и нужна.»

Сей старецъ говорилъ такъ хорошо, что мы почли его человѣкомъ знающимъ, котораго любовь къ философіи, или игра форшунъ заставили уединиться. Мы ему о помѣ намѣкнули. Вы ошибаетесь, сказалъ онъ; я сынъ земледѣлателя, и родился въ этой деревушкѣ; но едва достигъ юношескаго возраста, какъ суешное любопытство и честолюбіе, а можетъ быть и свойственное этому возрасту и человѣческому разуму безпокойство и обманчивая надежда упекающаго благополучія принудили меня оставивъ родительскій домъ и мои рощи, тѣ любезныя рощи, которыя въ младенчествѣ моемъ ссужали меня своею тѣнью: я промѣнялъ ихъ на жилища Царей. Помѣстили меня при Царскихъ садахъ, и скоро за труды мои и прилѣжность поручили мнѣ главное надъ ними управленіе. Тогда-то я имѣлъ случай обходиться съ царедворцами и разсмотрѣвъ ихъ свойства. Наскуча ихъ высокомеріемъ, узнавъ шесту ложной ихъ учтивости, и

спыдясъ ихъ покровишельства; пре-
 вожимъ забопами, подверженъ за-
 виси, началъ я жалѣшь, что раз-
 спался съ безхипроспною, съ лю-
 безною, съ милою напурою; что не
 умѣлъ пользовахся блаженною пи-
 шиною, копорую вкушалъ въ друже-
 скихъ ея обѣщаніяхъ. Однакожь все
 еще опкладывалъ освободись изъ
 пропасти: честполюбіе и желаніе на-
 богащиться держали меня окован-
 нымъ. Такова слабосъ человѣка;
 онъ видѣлъ добро, и слѣдуетъ един-
 ственно спраспямъ своимъ. Нако-
 нецъ чего не могъ сдѣлать рассу-
 докъ, то сдѣлала любовь: любовь
 одержала побѣду.

Дочь одного изъ придворныхъ про-
 гуливалась съ маперью въ царскихъ
 садахъ; она называлась Клеорою: въ
 нее видѣше. Тогда она была весенняя
 лилія, украшеніе и слава садовъ на-
 шихъ; нынѣ время опягопило на ней
 губишельную свою руку: спаросъ
 сморщила прелестное лице; но я люб-
 лю ее сполько же, какъ и прежде. Ея
 любезный нравъ и прилѣжныя обо-
 ми попеченія украшающъ еще по-
 слѣдніе дни мои. Слѣпой, копорый
 вдругъ получилъ бы зрѣніе и уви-
 дѣлъ солнце во всемъ его блескѣ, не

сполько былъ бы восхищенъ, изумленъ, какъ я, увидя Клеору. Смущеніе мое не помѣшало мнѣ однакожь водить ее по саду, показывая ей всѣ рѣдкости, все достойное любовышства. Я поощивалъ ее лучшими плодами, подносилъ ей прекраснѣйшіе цвѣты, и выпросилъ у матери позволеніе ходить къ нимъ всякой день. Съ тѣхъ поръ любовь дала мнѣ новое бытіе, душа моя жила соединенна съ душою Клеоры. Родственники догадались о причинѣ даровъ моихъ и посѣщеній; не спали меня принимая: честный и свободный человѣкъ показался имъ недостойнымъ быть ихъ свойственникомъ. Я впалъ въ опчяніе; двѣ недѣли пробылъ почти безъ пищи, скипаясь всякую ночь вокругъ Клеорина дому. Силы мои ослабѣли; бессонница, волненіе крови, печаль и изнуреніе иссушили цвѣтъ моей молодости; щеки мои впали, глаза ушли подъ лобъ: я состарѣлся тридцатью годами. Это видное ослабѣніе здоровья моего вышло весьма для меня полезно. Послѣ тысячи предпріятій, внушенныхъ опчяніемъ, рѣшился я на слѣдующее: одѣлся волхвомъ, окуталъ голову превеликою шіарою, извѣподъ

копороу лице мое было почти не видно, и назвавшись посланнымъ отъ великаго Архимага, предсталъ предъ Клеорину машь. «Ты знаешь, сказалъ я ей, что мы денно и нощно печемся о соблюденіи въ храмахъ нашихъ священнаго огня. Миѳра или солнце есть огонь совершеннѣйшій, дыханіе Бога самаго; по солнцу огонь спихійный, копорый Зороаспръ принесъ къ намъ съ неба, есть символъ, живой образъ божества. Но послѣ этого священнаго огня какое пламя можешь быть прекраснѣе пламени любви и брака, драгоцѣннѣйшаго дара небесъ! Намъ, наслѣдникамъ великаго Зороаспра, принадлежишь разпроспра-
 няшь его по земли. Я пришелъ отъ имени великаго нашего Архимага предложить дочери твоей жениха. Позови ее сюда, и тогда изъяснюсь обстоятельнѣе.» Какъ скоро она пришла, я сказалъ ей: «прекрасная Клеора! богъ Миѳра, душа вселенной, начало всякаго сѣмени, печется о тебѣ, какъ о такомъ предметѣ, копорымъ украшается нашаура. Миѳру поручено предложить тебѣ супруга, копорый породу равенъ величайшимъ Самрапамъ, и не бѣднѣе никого изъ нихъ, потому что имѣешь

болѣе, нежели сколько желаетъ; при-
томъ, (что гораздо важнѣе богат-
ства и породы) онъ благовѣренъ,
честенъ и любитъ тебя всѣмъ серд-
цемъ.» Говоря, что я породой равенъ
Сапрапамъ, я не лгалъ, потому что
все люди одного происхожденія;
чтожъ касается до богатства, то
дѣйствительно имѣніе мое превос-
ходило мои желанія. Клеора смотре-
ла на меня пристально; черты мои
казались ей знакомыми, но она не
смѣла вѣрить своимъ глазамъ. Мать
ее спросила меня о имени жениха.
«Не могу вѣрить этой шайны ни-
кому, кромѣ дочери своей; такъ мнѣ
повелѣно.» Тогда отвѣтилъ я Клеору въ
сторону и сказалъ ей: «узнай любов-
ника, который тебя обожаетъ, возь-
ми это письмо. Ожидаю своего от-
вѣта; ты умертвишь меня или сдѣ-
лаешь щастливѣйшимъ человекомъ.»
Я поклонился матери и вышелъ.
Письмо мое къ Клеорѣ было такого
содержанія: *Отверни предразсудки
тщеславія; какъ человекъ, я равенъ
всѣмъ. Какъ человекъ гостинный, кото-
рый знаетъ цѣну сердца твоего, ко-
торый любитъ тебя любовью густою,
пламенною, вѣчною, я достоинъ быть
твоимъ супругомъ. Предлагаю тебѣ*

состыжніе не такое, какого гестоло-
біе матери твоей желаетъ; предла-
гаю тебѣ деревенскую хижину, прі-
ятную натуру, покой и все нужное.
Тамъ, подъ тѣнью нашихъ кустог-
ковъ, мы будемъ упражняться въ до-
бродѣтели; тамъ станемъ вкушать
истинныя удовольствія, удоволь-
ствія любви, и не позавидуемъ ни-
кому изъ смертныхъ. Я приду въ
эту ночь подъ окна твоей комнаты
за отвѣтомъ. Если ты не презришь
моего предложенія, если согласишь-
ся за мною слѣдовать, то я буду
обязанъ тебѣ всѣмъ благополучіемъ
своей жизни. Не стану описывать
вамъ соспоянія духа моего во весь
шопъ день; я похожъ былъ на безум-
наго. Наконецъ спало темно, спѣшу
подъ окна Клеоры, ожидаю. Великіе
боги! къ ногамъ моимъ упало письмо;
я схватилъ его, унесъ, побѣжалъ.
Клеора писала ко мнѣ: *ввѣряю судь-
бу свою твоей гестности и любви:*
завтра въ третій часъ ноги буду
предъ нашимъ домомъ; я выйду къ
моему супругу. О любезное письмо!
о воспоргъ блаженства несказанна-
го! На другой день, въ первый часъ
ночи, я уже споялъ на назначенномъ
мѣстѣ; часъ прошелъ; насмалъ дру-

гой, и также прошелъ; насталъ прешій, и кончился, а Клеора еще не выходила. Неперпѣливосць помушила мой разсудокъ и палила кровь мою. Наконецъ слышу, что кто-то идетъ; подспавляю ухо; подходящъ ближе; дѣлаю и я нѣсколько шаговъ, усремя глаза, дрожа отъ страха, волнуемъ надеждою. «Тыли это Орешисъ?» спросили меня тихимъ и боязливымъ голосомъ. Я узнаю свою любезную, бросаюсь въ ея объятія, прижимаю ее къ моему сердцу, и не могу произнести ни слова. Лошадь ожидала меня у городскихъ воротъ; мы бѣжимъ шуда, ѣдемъ всю ночь и на разсвѣтъ достигаемъ уединеннаго жилища одного изъ моихъ родствениковъ. Тамъ узы Гимена и благополучія соединили насъ на вѣкъ. Давъ время бурѣ утихнушь, мы возвратились подъ опечесшвенную мою кровлю, къ любезнымъ моимъ рощамъ. Теперь уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы здѣсь живемъ и занимаемся деревенскими упражненіями.»

По окончаніи шрапезы молодость обоого пола насъ окружила. Нѣкопорые принесли корзины съ цвѣтами, другіе музыкальные инструменшы. Мы слышали звуки кимваловъ, флейтъ

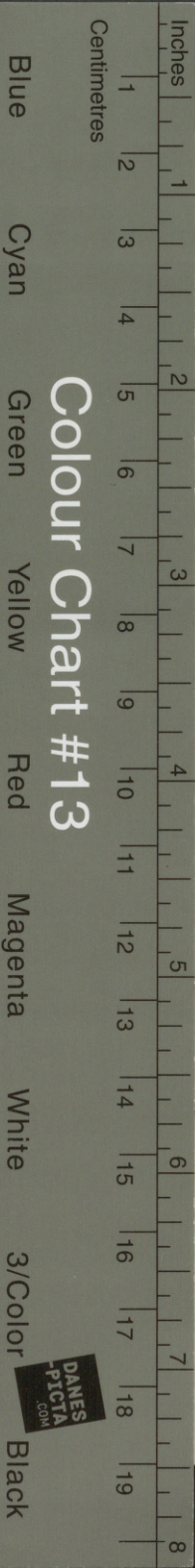
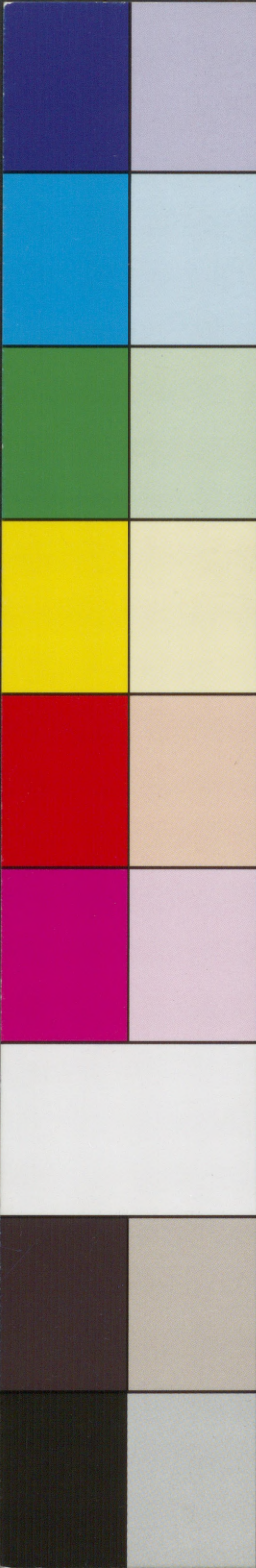
и басковъ. Намъ давали праздникъ. Пригласили насъ плясать. Фанору досталась прекраснѣйшая изъ танцовщицъ. Удовольствіе блистало въ ея глазахъ! Ея гибкой, стройной станъ, легкіе скачки и всѣ движенія, изъ которыхъ каждое ознаменовано было какою нибудь пріятностію, изображали намъ богиню пляски.

Фаноръ былъ въ такомъ восхищеніи, что я очень боялся о его сердцѣ и разсудкѣ; но мы не долго пробыли въ семъ опасномъ для него мѣстѣ.

Мы проспились съ добрыми землядѣлашеями какъ нѣжные друзья, и возвратились къ своему судну, которое должно было отплыть на разсвѣтѣ.

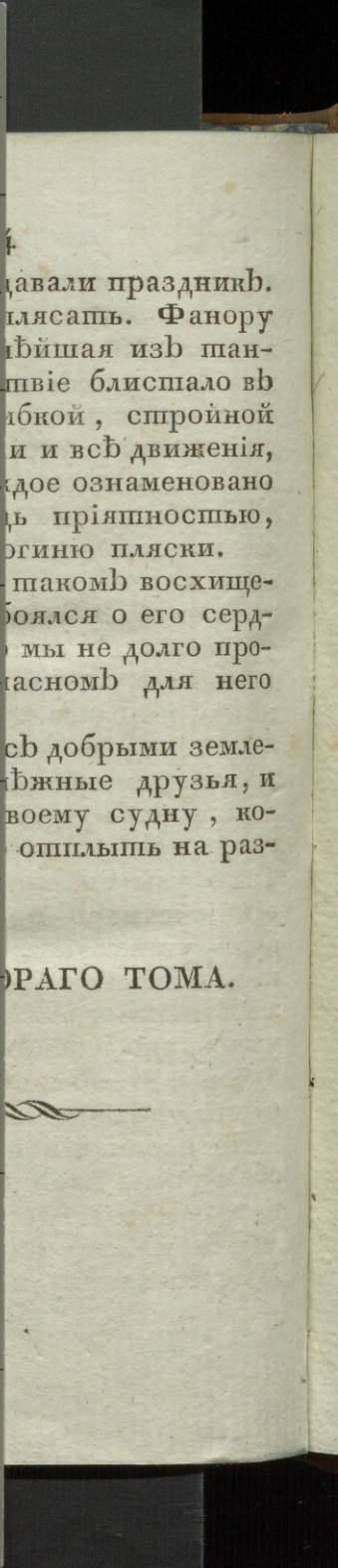
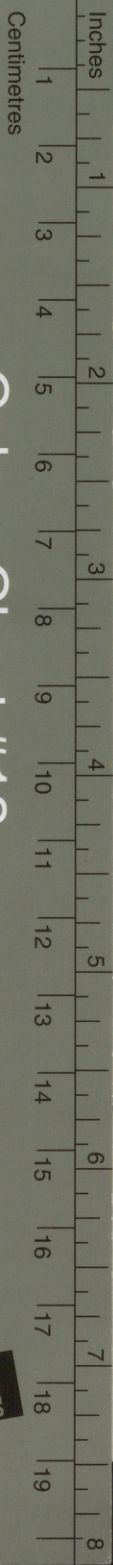
КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

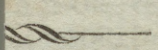

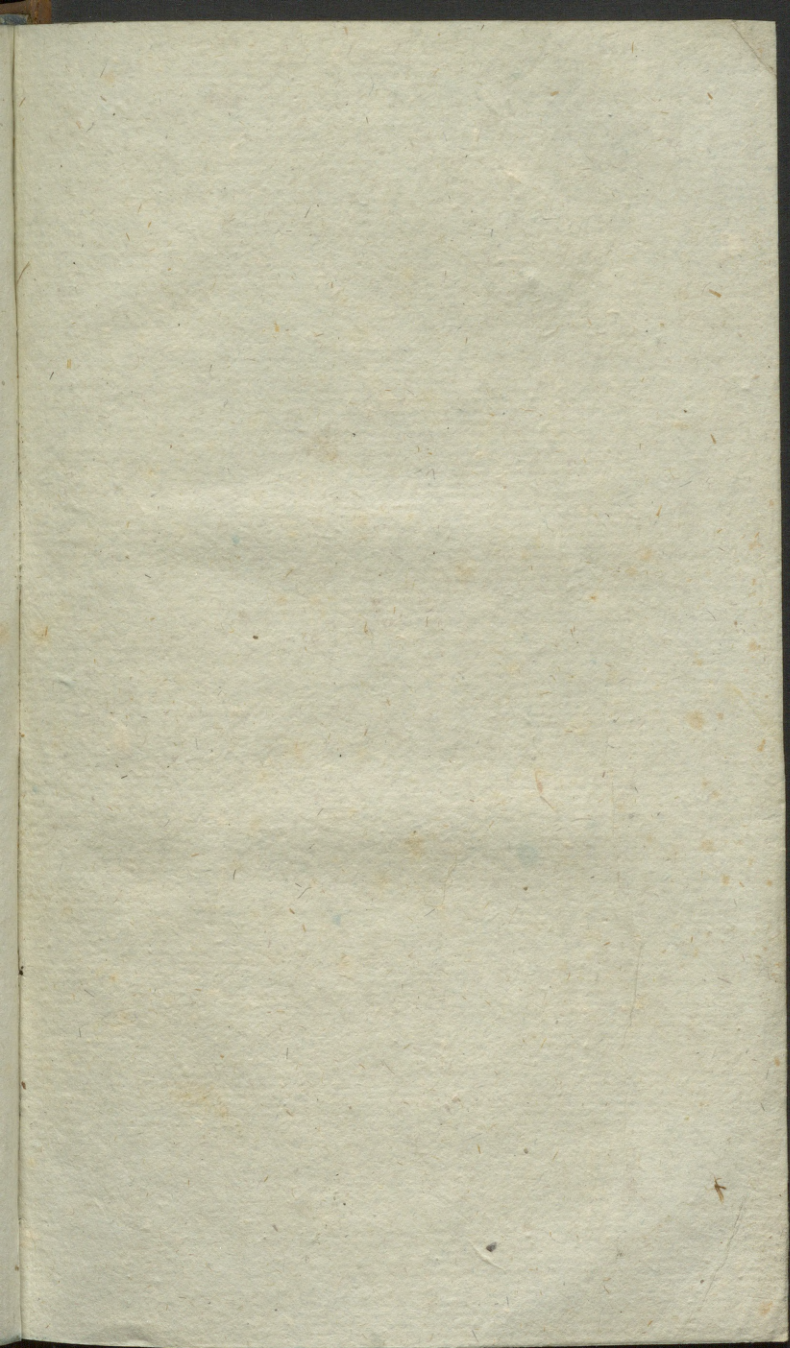
давали праздниѣ.
лясать. Фанору
бйшая изъ шан-
швие блиспало въ
бкой, спройной
и и всѣ движения,
дое ознаменовано
дъ пріятностью,
огиню пляски.

шаконъ восхище-
боялся о его серд-
мы не долго про-
асномъ для него

сѣ добрыми земле-
бжные друзья, и
воему судну, ко-
опилышъ на раз-

РАГО ТОМА.

У. 4р.

н. 2р

Николая Бло-
хина.

1827. Того.

